

Содержание

УДК 37
ББК 74

ОБРАЗОВАНИЕ

И.Н. ГАВРИЛЬЧАК, Н.Б. СЕРГЕЙЧУК

Прогностические направления развития образовательных траекторий в современных условиях

Prognostic development directions educational trajectories in modern conditions 4

А.М. МАЦКЕВИЧ

Инновационные программы и модели в дошкольных образовательных учреждениях

Innovative programs and models in preschool educational institutions. 12

УДК 330
ББК 65

ЭКОНОМИКА

Н.А.ЕВДОКИМОВА, Л.В. СОЛОГУБОВА, Д.В. МАСЛЕННИКОВ

Исторический опыт организации и государственного регулирования банковской системы

The historical experience of state regulation of the banking system 16

Е.С. НИКИФОРОВ, Д.Б. ГРЫЗЛОВ

ГЧП как стимул социально-экономического развития регионов

Government Private Partnership as an incentive to the socio-economic development of regions. 23

Л.В. РЫЖИХ

Источники финансирования учреждений молодёжного досуга

Sources of financing youth leisure facilities. 28

Т.В. ЛЕДОВСКАЯ

Рекламная политика в киноиндустрии

Advertising policy in the film industry 32

Н.А. КОВТУН

Модель ресурсного обеспечения дискретного производственного участка

по изготовлению продукции

Model resource support discrete manufacturing site for the production of products 37

УДК 30
ББК 60

ОБЩЕСТВО

Д.В. МАСЛЕННИКОВ, С.А. СИДОРОВ	
Структура и динамика социального конфликта	
Structure and dynamics of social conflict.	41
Д.Н. СОЛОВЬЕВ, А.В. КАЗАКОВ	
Казачество как важная составляющая военной истории России (1850-1912)	
Cossacks as an important part of the military history of Russia (1850-1912).	52
С.А. КОНДЫРЕВ	
Россия начала XXI века: особенности формирования региональных элит	
Russia began the XXI century, particularly the formation of regional elites.	57
Н.М. СИРОТА, Р.А. ЦАРЕГОРОДЦЕВ	
О становлении гражданского общества в России	
On the formation of civil society in Russia	62
О.П. ПУЗАНОВ	
«Забывтая» Европой геополитика фашизма	
«Forgotten» Europe geopolitics of fascism	67
С.А. СИДОРОВ, А.Т. ГАЛЛЯМОВ	
Соотношение принципов законности и справедливости: из истории вопроса	
The ratio of the principles of law and justice: of the history of the problem	70
В.Н. МАНГАСАРЯН	
Людвиг Фейербах: у истоков поиска ответов для разрешения современных экологических проблем	
Ludwig Feuerbach: at the beginnings of the search for answers to resolve contemporary environmental problems	74

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
ОБРАЗОВАНИЕ ЭКОНОМИКА ОБЩЕСТВО**

Председатель редакционного совета, главный редактор
Грызлова Ада Викторовна

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Волокобинский Михаил Юрьевич, доктор технических наук, профессор

Дворецкая Екатерина Викторовна, доктор философских наук, профессор

Дорофеев Даниил Юрьевич, доктор философских наук, профессор

Засенко Вилена Евгеньевна, доктор экономических наук, профессор

Мокин Валентин Николаевич, доктор экономических наук, профессор

Сирота Наум Михайлович, доктор политических наук, профессор

Старовойтов Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор

Тарелкин Евгений Петрович, доктор технических наук, профессор

Хрусталева Нелли Сергеевна, доктор психологических наук, профессор

Янкевич Константин Артурович, доктор экономических наук, профессор

Янсон Эдуард Жанович, доктор экономических наук, профессор

Миляев Олег Николаевич, кандидат технических наук, профессор

Потеев Михаил Иванович, кандидат технических наук, профессор

Виноградова Марина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент

Дудник Валерия Михайловна, кандидат технических наук, доцент

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

научные редакторы:

Масленников Дмитрий Владимирович, доктор философских наук, профессор

Переверзева Татьяна Алексеевна, доктор экономических наук, профессор

Пузанов Олег Петрович, кандидат философских наук, доцент

ответственный секретарь:

Соболев Сергей Иванович

s.sobolev@noironline.ru, 430-07-16 (доб. 200)

Дизайн, вёрстка Сазонов Д.И.

Корректор Некрасов С.И.

Адрес редакции и издателя: 197183, г. Санкт-Петербург,
ул. Сестрорецкая, д. 6, тел.: 8-812-430-07-16 (доб. 224)

www.noironline.ru

ISSN 1992-6103

Подписной индекс «Почта России» 78774

Журнал «Образование, экономика, общество» издается НОУ ВПО Национальный открытый институт России г. Санкт-Петербург, при поддержке вузов-партнеров Национального открытого университета России

Учредитель: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный открытый институт России г. Санкт-Петербург»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство ПИ № ФС77-21674 от 15.08.2005.

Издание распространяется в действующих в Российской Федерации и зарубежных странах высших и средних профессиональных учебных заведениях, в представительствах федеральных и местных органов законодательной и исполнительной власти.

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Образование, экономика, общество». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка на «Образование, экономика, общество» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за достоверность информации и сведений, содержащихся в рекламных объявлениях.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Цена свободная.

Подписано в печать 08.02.2012

Отпечатано в типографии

ООО «ИКЦ», 197183,

г. Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 6.

Заказ № О.Э.О. – 2/812.

Тираж 1000 экз.

И.Н. ГАВРИЛЬЧАК, профессор, доктор экономических наук, НОИР
 Н.Б. СЕРГЕЙЧУК, директор Политехнического техникума
 Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики
 I. Gavrilchak, doctor of economic Sciences, NOIR
 N. Sergeichyk, Director of the Polytechnic College
 Saint-Petersburg state University of service and Economics

Прогностические направления развития образовательных траекторий в современных условиях

Prognostic development directions educational trajectories in modern conditions

Аннотация: Статья посвящена исследованию основных целей и функций педагогического проектирования и историческому обзору его трансформаций.

Abstract: The article is devoted to the main objectives and functions of pedagogical design and historical review of its transformation.

Ключевые слова: прогностика, педагогическое проектирование, непрерывное образование, знания, профессиональное образование, социологические исследования, востребованность специалистов, дидактическое прогнозирование, проектирование систем профессионального образования.

Keywords: prognostics, instructional design, continuing education, knowledge, professional training, case studies, demand for specialists didactic forecasting, designing systems of vocational education.

Прогностика – древнегреческое слово. Широкое распространение оно получило более двух тысяч лет назад с момента появления книги великого врача Гиппократом под названием «Прогностика». В наиболее общем смысле это слово обозначало искусство формирования прогнозов. В отличие от оракулов и пифий, прорицающих любые события, прогностика того времени касалась в основном способов определения течения и исхода различных болезней. Искусство предвидения основывалось тогда только на интуиции специалистов, а чаще – на предметах, догадках и других далеко не научных способах.

По отношению к прогностике можно выделить научное и вненаучное знание. Истоки ненаучной прогностики исходят ещё из античной философии. Первоначальное представление о будущем (религиозное) выражалось через мифы-

сказки, фантастически истолковывавшие наиболее простые явления природы, через мифы, объясняющие установление родовых нравов и обычаев, затем происхождение людей и мифа в целом.

Религиозно-философская мысль древних выработала целый комплекс идей, доживших до наших дней: идеи божественного провидения, якобы целенаправленно определяющего ход событий независимо от воли человека, упования на приход «спасителя, который радикально изменит к лучшему существующий порядок». [8, с. 430]

В первом тысячелетии до н.э. вслед за религиозными концепциями будущего стали развиваться утопические концепции, в которых «иное будущее» человечества определялось не сверхчеловеческими силами, а самими людьми, их разумом и действиями. В историко-социологическом

смысле утопия определяется как произвольное представление о желаемом будущем человечества, уже связанное непосредственно с провиденциализмом, но ещё не основанное на научном понимании закономерностей развития природы и общества.

Большая часть утопий посвящена проблемам будущего общества и относится к разряду социальных (Аристотель, Огры, Платон, Сен-Симон, Фурье и др.). Но некоторые из них захватывают проблемы науки, техники. Такие «технические» утопии становятся заметными лишь в Средние века (Ф. Бэкон, XIII в.).

Философско-исторический этап донаучного прогнозирования связывается с философией Канта и Фихте, Гегеля и Шеллинга, которая имеет большое значение в развитии представлений о будущем.

Если представители донаучного предвидения пытались про-

диктовать «правила поведения» будущим поколениям, стремились описать и объяснить изучаемые объекты, то ориентация предвидения на научное строится на основе соответствия его законам развития общества, обоснования целеполагания, планирования, управления социальными процессами. Именно такая теоретико-методологическая особенность концепции будущего даёт начало истории научного предвидения. [3, с. 197]

Донаучные представления сохраняются и до настоящего времени. Популярной остаётся футурология. Футурологи рассматривают будущее как величину, которая меняется в зависимости от принимаемых людьми решений. По их мнению, можно воздействовать на своё будущее, принимая такие решения, которые направят развитие событий в желаемое русло.

На основе ясновидения, интуиции и футурологии строят своё предвидение пророки. Пророчества, как правило, носят мистический характер, так как в чистом виде они отличаются от суждений на основе анализа исторических фактов.

Так, М. Нострадамус (1503–1566) составил набор универсальных сценариев на многие случаи исторических драм. Его книга пророчеств (900 предсказаний) соответствует разным эпохам и получает нередко подтверждение событиями.

Российская история научного прогнозирования открывается в 20-х годах XX века известной теорией предвидения Н.Д. Кондратьева.

Научное предвидение в смысле ориентации на будущее сохраняет своё приоритетное значение, не связанное ни с какой политикой и идеологией. Научное предвидение многосторонне. Оно включает в себя законы, закономерности, принципы, методы, которые позволяют определить перспективы развития, будущее состояние любых объектов. Специфика прогностических знаний заключается в том,

что они выражают собой информацию о будущем, перспективах развития явлений как сферы своей будущей жизни. Важнейшей характеристикой прогнозирования является его обоснованность, что делает достоверным те или иные прогнозы.

Прогнозирование черпает материал для выбора наиболее вероятного оптимального варианта при обосновании цели, плана, программы, проекта из диалектической детерминации явлений будущего, закономерностей развития природы и общества.

Так, Н.Д. Кондратьев утверждает, что динамика общества поддается прогнозированию, потому что оно (общество) развивается по определённым законам, понимание которых даёт возможность предвидеть будущие тенденции. Он считал, что необходимо опираться в прогнозировании на систему познанных закономерностей – законов статики, циклической динамики и социогенетики. [5, с. 525]

Разработанная в 20-е годы прошлого столетия теория предвидения Н.Д. Кондратьева переживает своё возрождение и имеет фундаментальное значение в условиях рыночных отношений. Её идеи изложены в трудах Н.А. Бердяева, А.А. Богданова, П.А. Сорокина, Л.А. Чижевского и других крупных учёных мирового масштаба. На этой теоретической базе выполнен ряд работ по среднерыночному и долгосрочному прогнозированию. В монографии «История цивилизаций» (Яковец Ю.В.), на основе развития теории исторических циклов, высказан прогноз возможного развития мира и России в XXI веке; в нескольких работах определены сценарии структурных преобразований экономики России на перспективу до 2020 года на базе впервые разработанной многомерной воспроизводимой циклической макромоделли.

Учение о предвидении, о прогностике в целом как науке впервые представляет собой теоретическую основу социально-технической ин-

теграции общественного развития. С позиций нашего исследования наука о прогностике выступает фундаментальной базой для построения теории проектирования.

С возникновением теории предвидения прогнозирования приобретает более зрелую форму. Оно связано с целостным, синтетическим охватом научно-технических, экономических, социологических, психологических, демографических, образовательно-педагогических, культурно-эстетических, государственно-правовых, политических и других явлений.

В учении Н.Д. Кондратьева о предвидении впервые в научную концепцию введено «прогнозирование тенденций на будущее, что даёт рамки для того, чтобы мы могли оценить возможные будущие изменения». Долгое время в науке не было установлено единства общественных процессов. Общественные системы расчленились, объектом прогнозирования выступали производственные процессы или экономические явления.

Учение Н.Д. Кондратьева позволяет осознать взаимосвязь общественных систем и явлений с точки зрения прогнозирования тенденций на их будущее развитие.

Развитие данных идей прослеживается и в работах В.А. Базарова-Руднева, в которых он предложил анализ и оптимизацию трендов как условно продолженных в будущее наблюдаемых тенденций, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны. Цель – не предугадывание будущего, а выявление назревающих проблем и возможных путей их решения.

Дальнейшее развитие прогностики как науки связано с такими учёными, как В.И. Вернадский, И. Пригожин, К.Э. Циолковский. К.Э. Циолковский дал научный прогноз развития космонавтики и практически сделал первый шаг к освоению Космоса; В.И. Вернадский сформулировал принцип единства экосферы и ноосфе-

ры, то есть принцип целостности природно-социальных систем; И. Пригожин создал теорию динамических систем, что, по существу, создало методологическую основу системно-глобального прогнозирования.

Практическая ценность прогностической функции научных теорий прослеживается также и в трудах других учёных: физика Д. Томсона, математиков Н. Винера и А. Колмогорова, физиологов П. Анохина и Р. Берштейна, экономистов Ф. Бааде, А. Вайнштейна, С. Струмилина и др.

Прогностика – наука системная, она имеет многоаспектную конструкцию, каждое направление опирается на множество научных дисциплин. При решении вопросов перспективного развития целостной системы народного хозяйства перед системой прогнозирования стоят задачи согласованности, преемственности и непрерывности экономических, научно-технических, демографических, социальных прогнозов.

Цель прогнозирования состоит в создании научных предпосылок, включающих научный анализ тенденций развития экономики, вариантное предвидение предстоящего развития общественного воспроизводства, учитывающее как сложившиеся тенденции, так и намеченные цели; оценку возможных последствий принимаемых решений; обоснование направлений социально-экономического и научно-технического развития для принятия решений.

Методология прогноза основана на представлении о причинных связях, на системе «опережающего отражения». Она базируется на способности научного мышления пролонгировать в будущее результаты действия «объективных законов», безотносительно к действиям самого объекта.

Методологическое знание позволяет рассматривать прогноз:

- как представление о линейных и однозначных причинных связях;

- как «опережающее отражение»;

- как способность научного мышления прогнозировать в будущее результаты действия «объективных законов», безотносительно к действиям самого субъекта.

При этом прогнозирование выступает в следующих аспектах: как средство междисциплинарного подхода в виде логического синтеза; как способ перехода от теоретического к эмпирическому; как обеспечение интеграционных процессов в исследовании педагогического процесса.

Разрабатывая теорию научного прогнозирования, Г.М. Добров рассматривает его как научно-обоснованную информацию в будущем. Содержание и степень реальности такой прогнозирующей информации определяется историческим опытом, накопленным человечеством; знаниями и представлениями, присущими наличному уровню науки; возможностями, реализация которых зависит от будущих поколений. Подчёркивая комплексный характер прогнозирования, автор выделяет такую его задачу, как содействие комплексному предвидению новых возможностей развития на базе научно-технических и экономических прогнозов, прогнозов природных ресурсов, перспектив размещения производительных сил, демографических и социальных прогнозов. [4, с. 307]

Так, А.М. Гендин в своей статье «Социальная прогностика как наука: предмет и задачи исследования» отмечает рождение «новой, синтетической по своему характеру науки, специально занимающейся комплексом проблем, связанных с постижением будущего». [2] В связи с неуклонным возрастанием роли субъективного фактора в историческом процессе особую актуальность приобретают теоретические и практические проблемы социального предвидения, проектирования управления. Прогностика, по мнению А.М. Гендина, обладает рядом существен-

ных особенностей, усиливающих её роль в интеграционных процессах взаимодействия и сближения естественных общественных и технических наук.

Работа по практическому внедрению прогнозирования во все сферы жизни общества, в том числе и образование, становится одним из ключевых условий успеха начавшихся преобразований. Это обусловлено и возникшим противоречием в системе профессионального образования между необходимостью перспективного его развития и отсутствием достаточного прогностического и научно-методического инструментария. При этом наличие планов и проектов обеспечивает развитие профессионального образования, профессиональной подготовки квалифицированных рабочих, а в плане общественного развития – способствование развитию научно-технического, производственного потенциала.

Как известно из теории научного прогнозирования, «каждый научно-обоснованный прогноз представляет собой сплав триединого времени: прошлого (тенденции развития), настоящего (наличные ресурсы и представления) и будущего (потребности и возможности)».

Поэтому для решения задач нашего исследования необходимо рассмотреть теоретические начала развития прогнозирования в педагогической науке.

Ещё в педагогических сочинениях далёкого прошлого, в трудах Аристотеля, Демокрита, Квинтилиана, Платона, Сократа и многих других древнегреческих и древнеримских философов, в работах прогрессивных мыслителей периода феодализма и эпохи Возрождения (Витторино да-Фельтре, Томмазо Кампанелла, Мишель Монтень, Томас Мор, Франсуа Рабле и др.) содержится немало интересных и для наших дней прогностических суждений и высказываний о назначении, содержании и методах обучения и воспитания.

Педагогика XIX века развивалась под сильным влиянием идей крупных мыслителей своего времени: Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, социалистов-утопистов Р. Оуэна, К.А. Сен-Симона, Ш. Фурье, а также выдающихся педагогов-демократов А. Дистервега, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинского, педагогические проекты которых содержат множество прогностических концепций. «Принцип искусства воспитания, – писал Ушинский, – который особенно должны иметь перед глазами люди, составляющие планы для воспитания, гласит: дети должны воспитываться не для настоящего, но для будущего, возможно лучшего состояния рода человеческого, то есть для идеи человечества, и соответственно его общему назначению. Этот принцип имеет великое значение». [10, с. 566]

В богатом педагогическом наследии И.Г. Песталоцци важное место отводится предвидению возможных в будущем вариантов народного образования, народной школы. «Мне доставляет огромное наслаждение, – писал Песталоцци в работе «О народном образовании и индустрии», – вдумываться в будущее домов для бедных детей в этой местности и представлять себе, как лучший и более природосообразный метод развития детей, который необходимо положить в основу воспитательного руководства в них, не только даст народным массам лучшее общее образование, но и улучшит их подготовку». [6]

Еще более определённо о необходимости предвидения результатов педагогического процесса высказался последователь И.Г. Песталоцци, выдающийся немецкий педагог А. Дистервег. В своём известном «Руководстве к образованию немецких учителей» он сформулировал целую систему педагогических правил, одно из которых гласит: «Считайся с (предполагаемым) будущим положением своего воспитанника». «Под воспитанием в самом общем

значении этого слова, – писал Сен-Симон, – следует разуметь совокупность всех усилий употребляемых для приспособления каждого нового поколения к тому обществу, к которому его призывает поступательное движение человечества», «...чем большие успехи делала цивилизация, тем больше нравственное воспитание расширяло свои предвидения, тем больше старалось оно продлить своё влияние на индивидуальную жизнь».

Огромную роль в развитии отечественной прогрессивной общественно-педагогической мысли внесли В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.И. Пирогов, Н.Г. Чернышевский и многие другие передовые учёные и общественные деятели своего времени. Важное место в их трудах занимает проблема идеала человека будущего, к достижению которого должна стремиться соответствующая система воспитания. Новый человек, по их мнению, должен быть истинным патриотом своей родины, близким к народу, высокодейственным и всесторонне развитым как физически, так и духовно, иметь стойкие убеждения и уметь отстаивать их.

Уже в первые годы становления и развития советской педагогики вопросам научно-педагогического предвидения уделялось большое внимание. Приведём лишь некоторые высказывания крупных советских педагогов, подтверждающие этот вывод и свидетельствующие о преемственности и своеобразной переключке разных педагогических поколений применительно к проблеме реализации педагогикой своих прогностических функций.

В понимании сущности прогностической функции педагогики совершалось постоянное углубление. Различные аспекты его мы находим и в трудах советского педагога П.Ф. Каптерева. Подчёркивая взаимосвязь настоящего и будущего, П.Ф. Каптерев отмечает: «Педагогический процесс имеет своей целью создание идеального чело-

века и человечества, и вся педагогика может быть рассматриваема с известной точки зрения, как приготовительница лучшего будущего, смотрящая постоянно вперёд, в будущее, хотя при этом никогда, ни на один момент не теряющая из виду настоящего, которое по естественному порядку служит опорой и основанием будущего».

Вопросам проектирования и организации трудового обучения, политехнического образования посвящены работы видных деятелей советской педагогики А.В. Луначарского и Н.К. Крупской. Они являются проводниками идей о проектировании характера труда рабочих, трудовых функций.

Зачатки социального проектирования мы находим в трудах А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского. Разрабатывая теорию воспитания, проектирования и организации воспитания личности, А.С. Макаренко признавал, что «проектировка личности как продукта воспитания должна производиться на основании заказа общества. Мы можем быть совершенно уверены в том, что к следующему поколению будут предъявлены несколько изменённые требования, причём изменения эти будут вноситься постепенно, по мере роста и совершенствования всей общественной жизни». В.А. Сухомлинский: «Без научного предвидения, без умения закладывать в человеке те зёрна, которые взойдут через десятилетия, воспитание превратилось бы в примитивный присмотр, воспитатель – в неграмотную няньку, педагогика – в знахарство. Нужно научно предвидеть – в этом суть культуры педагогического процесса, и чем больше тонкого вдумчивого предвидения, тем меньше неожиданных несчастий» [3, с. 273].

Проблемам прогнозирования будущего посвящены труды не только представителей научной мысли прошлого, но и известных учёных в области технических, социальных, управленческих, педагогических наук (В.А. Базаров, И.В. Бестужев-Лада, А.М. Гендин,

Б.С. Гершунский, Г.М. Добров, А.А. Кривой, О. Кутьев, Н.Д. Никандров, З.И. Равкин, А.Г. Рапопорт и др.).

В своих исследованиях Б.С. Гершунский обосновал образовательное-педагогическое прогнозирование как вид научного прогнозирования: «Это не спонтанный процесс предвидения будущего на основе простой экстраполяции выявленных тенденций, не механически просуммированная совокупность предложений и субъективных мнений, а специально организованное системное научное исследование, направленное на получение опережающей информации о перспективах развития фоновых и собственно образовательных объектов с целью формирования политики и стратегии в области образования и принятия оптимальных решений в этой сфере».

Видный советский специалист в области прогностики И.В. Бестужев-Лада считает, что для подготовки высококвалифицированных работников общественного производства необходимо сегодня решать проблемы прогнозирования народного образования, в том числе проблему дидактического прогнозирования. В одной из своих работ, рассматривая структуру системы социального прогнозирования, он специально выделяет прогнозирование процесса обучения; сходные мысли высказывает Г.М. Добров, В.А. Лисичкин, М. Ямпольский.

Ставят эту проблему и философы, рассматривающие прогнозирование развития личности (В.В. Косолапов) как часть социального прогнозирования. Многие учёные, создавая модели механизмов психологических функций и качеств, так или иначе придают им прогностический смысл (А.А. Братко, П.П. Волков, А.Н. Кочергин, А.М. Матюшкин, В.И. Михеев, Г.И. Царегородцев и др.).

В своих трудах И.В. Бестужев-Лада открывает перспективные проблемы развития образования,

как социальной системы:

- оптимальное сочетание принципа равных прав в получении образования и принципа более полного учёта индивидуальных способностей каждого;

- выдвижение на первый план правил отношений со сверстниками и со старшими, вообще норм человеческого общения, доступных пониманию детей;

- приобщение к высокой общей культуре и подготовка к роли участника общественного производства;

- диалектика взаимодействия общего и профессионального образования, то есть приближение к состоянию интеллигентности, какое немисливо без овладения какой-либо профессией;

- профессиональная подготовка независимо от потребностей народного хозяйства в кадрах;

- интеграция общего и дифференциация социального образования.

Несмотря на некоторые утопические идеи И.В. Бестужева-Лады, научная часть прогностических изысканий имеет большое значение для педагогической науки. С научной точки зрения корректен следующий вывод: искомый результат достигается экстраполяцией в будущее тенденций, закономерность развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известна при условном абстрагировании от возможных, а порой и просто необходимых решений, способных видоизменить эту тенденцию. Он выделил и уточнил перспективные проблемы, подлежащие решению средствами управления, указал на необходимость строить «дерево социальных проблем». [1, с. 199]

Как известно, одним из объектов социального прогнозирования выступает личность и процесс её развития.

А.М. Гендин рассматривает прогнозирование развития личности как часть социального прогнозирования, которому присущи все особенности социального пред-

видения: вероятностный, многовариантный характер, способность активно влиять на ход событий, синтез поискового и нормативного подходов к будущему, а сверх того – обращение к реальным личностям с их подлинными помыслами, чувствами и настроениями.

Исследователи в этой области (А.М. Гендин, М.И. Сергеев, А.Н. Фалалеев) полагают, что в процессе социального прогнозирования предполагается рассматривать такие проблемы, как планомерность и стихийность в процессе социализации индивида, эволюция жизненных планов в процессе профориентации и профадаптации, формирование направленности личности, свобода и ответственность в процессе самоопределения личности, прогностическая функция и ценностная рефлексия времени в их личностном аспекте, роль личностного предвидения в формировании культуры общения и взаимопонимания.

Представители этой школы полагают, что личностно ориентированное прогнозирование не сводится к тому, чтобы предначертать судьбу человека. Важнее выявить наиболее перспективные именно для него пути жизненного и профессионального самоопределения, предложить способы разрешения возникающих проблем, преодоления трудностей, достижения поставленных целей.

И.П. Подласый, раскрывая сущность дидактического прогнозирования, отмечает, что комплексный педагогический прогноз должен учитывать и охватывать: общепедагогические направления и тенденции развития внутри педагогической системы; социальные направления развития тенденций вне педагогической системы.

Внутри педагогической системы разработке подлежат следующие прогнозы: развития педагогической науки, дидактических процессов, развития школы; подготовки кадров в области воспитания, обеспечения и финансирования их.

Вне системы образования педагогические прогнозы должны учитывать:

- общесоциальные прогнозы развития общества, в том числе прогнозы динамики социального состава и социальной структуры общества, отношений распределения, изменений в характере труда;
- социально-демографические прогнозы;
- прогнозы научно-технического прогресса.

Научное дидактическое прогнозирование можно определить так же как конструирование идеальной модели обучения и его результатов из возможных компонентов на основе раскрытия объективных закономерностей движения и развития учебного процесса. Содержанием такого прогнозирования является процесс обучения и образования со всеми его атрибутами и закономерностями развития.

Дидактическое прогнозирование призвано решить целый ряд важных проблем, связанных с исследованием будущего развития дидактических явлений, и включает решение следующих задач:

- определение составных компонентов процесса обучения, факторов, влияющих на формирование продукта обучения;
- прогнозирование развития отдельных компонентов процесса обучения: восприятия знаний, их усвоения, применения на практике;
- прогнозирование развития и исхода обучения для отдельного учащегося.

Общая задача дидактического прогнозирования состоит в том, чтобы на основе научного исследования получить представление о будущем результате дидактической деятельности в зависимости от условий и избранных средств и составить на основе данных прогнозирования научно-обоснованный план управления процессом обучения.

Что же даёт прогнозирование обучения для практики? Во-первых, прогноз позволяет со-

ставить обоснованное мнение о возможном результате процесса обучения. Во-вторых, использование данных прогнозирования предоставляет возможность планировать и осуществлять процесс обучения целенаправленно таким образом, чтобы достичь максимально возможного эффекта в имеющихся условиях. В-третьих, данные прогнозирования позволяют корректировать процесс обучения с целью достижения нужного результата.

Прогнозирование должно стать инструментом научно-обоснованного составления планов практической деятельности. Как и во всех других явлениях, в реальных дидактических явлениях можно выделить три основные части:

- детерминированную часть, поддающуюся точному расчёту дедуктивным методом;
- вероятную часть, выявляемую индуктивным методом на основе длительного наблюдения за процессом с целью определения вероятностных закономерностей его протекания;
- чисто случайную часть, принципиально не поддающуюся никакому расчёту и предсказанию.

[1, с. 160]

Детерминированная часть процесса обусловлена объективными характеристиками учебного материала, временем и закономерностями обучения. Кроме того, имеется вероятная часть, определяемая условиями обучения, а также обучаемостью учащихся: уровнем их предшествующей подготовки, темпами обучения, потребностями, мотивами. И чисто случайная часть, определяемая различными непредвиденными воздействиями.

Самым важным условием прогнозирования является нахождение постоянных существенных связей при помощи основательного анализа прошлого и настоящего. Инвариантность, выраженная законом, покоится на том, что этот закон отражает необходимую, всеобщую и существенную связь и что диалектика необходимости и

изменчивости охватывает такого рода связи всегда в определённой области.

Обобщая результаты исследования, можно сделать вывод, что в теории прогнозирования различают два аспекта: теоретико-познавательный, подразумевающий описание возможных или желательных перспектив, состояние решений проблем будущего, и управленческий, предполагающий использование информации о будущем при принятии решений. В первом случае прогнозирование выступает как особая разновидность научного исследования и связывается с такими понятиями, как предвидение, предвосхищение, предугадание. Во втором – управление как целеполагание, планирование, программирование, проектирование, текущие управленческие решения.

Возможность использования иерархических взаимосвязанных понятий «прогнозирование», «проектирование», «планирование» обоснованы в работах И.В. Бестужева-Лады, А.М. Гендина, Г.М. Доброва, Н.Д. Кондратьева.

Учёными предложено такое понимание проектирования, согласно которому проектирование означает новый тип мыслительной деятельности, ориентированный на разработку программ, проектов будущих состояний объектов и систем на основе тенденций их развития, факторов возможности исполнения перспективных целей, анализа состояния объективной действительности.

И.В. Бестужев-Лада подчёркивает, что «проблематика социального проектирования, в общем и целом должна совпадать с проблематикой социального прогнозирования. В сфере последней систематизация проблем идёт обычно в соответствии с концепциями образа жизни общества, либо социальных последствий научно-технического прогресса». При этом формируется своеобразное «поле социального проектирования», которое представляет собой

не простую совокупность отдельных проектов, а систему.

Анализ философской и психолого-педагогической литературы по направлениям развития социального проектирования (в контексте нашего исследования – педагогического) показал, что уже достаточно долгое время идёт поиск концептуальных основ педагогического проектирования, который направлен на изменение ценностных ориентаций образования. Это связано с тем, что необходимым условием устранения противоречий в образовательной системе является преодоление традиционных стереотипов обучения, постановки реализующих целей образования без учёта детерминантов будущего.

Педагогическое проектирование становится необходимым компонентом общей и профессиональной педагогики. С течением времени целью педагогического проектирования стали являться не столько подготовка к учебным занятиям, сколько перспективное развитие педагогического процесса на основе прогностической функции педагогической науки. Это весьма актуально в условиях многоуровневого непрерывного образования, согласно которому опережающее образование приобретает особую ценность, проектирование – приоритетную функцию.

При этом особая значимость в разработке теории педагогического проектирования принадлежит прогностическому мировоззрению, при котором акцент переносится на понимание связей между прошлым, настоящим и будущим, условий динамичности развития образовательных систем и явлений.

Педагогическое проектирование имеет специфические показатели:

- проектирование выступает важнейшим фактором развития педагогических систем;
- уникальность педагогического проектирования состоит в

том, что оно по-новому ставит свои цели по формированию опережающего мышления, проектировочной культуры, которые являются определяющими в профессиональном образовании;

- проектирование по-новому определяет содержание образования, так как ему присущ принцип опережающего отражения научных знаний;

- воздействие одной из наук на традиционный объект исследований другой науки;

- изучение одного и того же объекта двумя различными науками;

- изучение объекта одних наук методами и средствами других.

Процесс проектирования является предметом изучения многих научных дисциплин. Становление проектирования как специфического вида деятельности связано с деятельностью по созданию строительных и инженерных объектов.

В своем историческом развитии проектировочная деятельность претерпела ряд изменений от отдельных видов инженерной деятельности (техническое конструирование, изобретательство), линейного проектирования до системного его представления. Научно-техническое проектирование понимается как определённый вид деятельности, обеспечивающий взаимосвязь науки и производства. Производство в эпоху научно-технического развития всё в большей степени становится полем приложения науки, а наука, в свою очередь, «индустриализуется». Развитие научно-технической прогрессии детерминирует интерсификацию проектировочной деятельности, что делает проектирование социально значимым феноменом общественной жизни.

Ценным является системно-деятельностный подход, который рассматривает проектирование как подсистему в общей системе человеческой деятельности. В свою очередь оно выступает как система научно-практической деятельности по преобразованию опреде-

лённого мира, самого человека, как форма активности общественного человека.

Социальное проектирование – проектирование социума с его потребностями и способностями, деятельностью, социальными отношениями и институтами.

Исследователи Красноярской школы (О. Краева, Н.М. Тарантин) выделяют две основные формы, в которых осуществляется социальное проектирование. Первая форма – опосредованное социальное проектирование в ходе предметной деятельности: проектируется предметная среда, и тем самым – социальные отношения и сам человек. Другую форму можно условно назвать непосредственным социальным проектированием. Это социализация как целенаправленная деятельность по передаче и освоению индивидом социального опыта человечества, в процессе которой воспроизводится человек со всей совокупностью его отношений с социумом и предметно-деятельностными способностями.

Такого рода социальное проектирование, на наш взгляд, является сущностным для этого понятия, поскольку и в логическом, и в историческом плане связано с сущностной характеристикой личности как субъекта истории, индивида, создающего условия своей самодеятельности.

Педагогическая деятельность, являясь одной из основных в социуме, неразрывно связана со всеми другими социальными деятельностями. Поэтому её проектирование должно учитывать всю ситуацию в социальном воспроизводстве.

На методолого-теоретическом уровне исследуются проблемы проектирования систем профессионального образования в аспекте социально-экономических, научно-технических, психолого-педагогических, культурологических, личностно-деятельностных, профессионально-технологических факторов и связей с другими науками. Сюда входят теории, которые являются философско-мето-

дологическим основанием теории проектирования.

На общепедагогическом уровне разрабатываются модели процесса проектирования, имеющие инвариантный характер по отношению к любым объектам профессионального образования.

На прикладном уровне обобщения используются достижения исследователей в области теоретического и производственного обучения; обучающей и воспитательной деятельности; научно-исследовательской и организационно-управленческой деятельности; творческо-познавательной деятельности.

В процессе профессионально-педагогической деятельности происходит социальное и профессиональное становление рабочего и специалиста, обладающего мировоззренческой, общей и профессиональной культурой.

Сущность данной функции состоит в овладении проектировочной культурой как феноменом в образовании и воспитании, как специфическим новообразованием в системе «наука – культура – техника – производство – образование». Специфические особенности многоуровневого непрерывного профессионального образования

обуславливают междисциплинарный характер проектирования. В связи с этим оно не может проявляться на уровне одного вида обучения или учебного предмета. Проектирование должно проявляться во всей образовательной деятельности учебного заведения на всех уровнях и видах обучения в целостной взаимосвязи, образуя единое проектное пространство.

Системообразующим фактором создания единого проектного пространства выступает результат – профессиональная компетентность специалиста социально-интегративного типа.

Литература:

1. Бестужев-Лада И.В. Проблемы социального прогнозирования. – М., 1978.
2. Гендин А.М. Социальная прогностика как наука: предмет и задачи // В кн.: Вопросы методологии и методики социального прогнозирования. – Красноярск, 1983.
3. Гершунский Б.С. Педагогическая прогностика: методология, теория, практика. – Киев: Высшая школа, 1996.
4. Добров Г.М. Наука о науке. – Киев, 1989.
5. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989.
6. Пестолоцци И.Г. О народном образовании и индустрии / Избр. пед. соч. в 2 т. – М., 1984.
7. Проблемы методологии и методики исследования профессионального обучения / Под ред. А.П. Беляевой. – М.: Высшая школа, 1991.
8. Рабочая книга по прогнозированию. – М., 1982.
9. Сухомлинский В.А. О воспитании. – М.: Политиздат, 1973.
10. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. – М.: Просвещение, 1998.

А.М. МАЦКЕВИЧ, аспирант НОИР
A. Matskevich, Postgraduate student NOIR

Иновационные программы и модели в дошкольных образовательных учреждениях Innovative programs and models in preschool educational institutions

Аннотация: В статье анализируются тенденции развития дошкольного образования в РФ и оцениваются его перспективы.

Abstract: This paper analyzes the development trend of pre-school education in the Russian Federation and assesses its prospects.

Ключевые слова: дошкольное образование, родители, дети, дошкольные образовательные учреждения, воспитание, развитие, выравнивание стартовых возможностей детей, органы местного самоуправления.

Keywords: early childhood education, parents, children, preschool education, education, development of children, alignment starting opportunities of children, local government.

Современная система дошкольного образования характеризуется:

- многофункциональностью;
- разнотипностью дошкольных образовательных учреждений (ДОУ);
- вариативностью в выборе образовательных программ и приоритетного направления учебно-воспитательного процесса.

Всем образовательным учреждениям предоставляется право оказывать дополнительные услуги населению по обучению и воспитанию детей на платной основе при наличии лицензии на указанный вид деятельности, а также открывать частные и коммерческие образовательные учреждения.

На первый взгляд, казалось бы, представлены широкие возможности данным учреждениям для реализации задач и функций, выдвинутых перед ними обществом и родителями, поскольку именно они определяют функциональный диапазон ДОУ.

Однако сегодня наблюдается тенденция снижения качества дошкольного образования. Более того, предложение услуг образования и воспитания дошкольни-

ков не в состоянии удовлетворить спрос потребителей (родителей).

В результате остро встал вопрос о необходимости модернизации первой ступени образования с целью:

- выравнивания стартовых возможностей дошкольников;
- обеспечения общедоступности и бесплатности дошкольного образования.

По мнению Министерства образования и науки Российской Федерации, реализация поставленных задач видится во внедрении новых моделей организации дошкольного образования.

Но могут ли только инновационные модели или программы решить назревшую проблему? Чтобы ответить на этот вопрос, выявим, что стало причиной столь негативного явления: низкой подготовкой детей к школе и невозможностью удовлетворить потребительский спрос на образовательные услуги, а также проанализируем модели, предложенные Минобрнаукой России.

Начиная с 90-х годов, в результате снижения рождаемости в стране и недоступности получения образовательных услуг для отдель-

ных слоёв населения (число воспитанников с 8433 тыс. в 1991 году сократилось до 4246 тыс. в 2001 году) резко сокращается сеть дошкольных образовательных учреждений (с 87,6 тыс. в 1991-м до 50 тыс. в 2001 году). В 2011 году число воспитанников увеличилось и составило 5640 тыс. В сложившейся ситуации остро встают вопросы не просто выживания дошкольных образовательных учреждений на рынке образовательных услуг, но и их дальнейшее развитие. В результате правительством страны принимается решение о передаче сетей ведомственных детских садов в ведение органов местного самоуправления.

На основании новых законодательных актов федеральные учреждения и институты снимают с себя полномочия по финансированию дошкольных образовательных учреждений и передают на региональный уровень, включая местное самоуправление. А это значит, что город или другой населённый пункт вынуждены самостоятельно изыскивать средства из своего бюджета для функционирования детских садов.

Следовательно, вопросы о коли-

честве ДОУ, их организационной и содержательной работе решают органы местного самоуправления.

Всё это в совокупности отяготило и без того шаткое положение детских садов. Кроме злободневной проблемы, связанной с сокращением сети дошкольных образовательных учреждений, назрел ряд других:

- во-первых, как показала практика, органы местного самоуправления зачастую ограничиваются только организационной работой путём применения административных методов, и лишь в ряде случаев берут на себя ответственность в вопросах финансового обеспечения;

- во-вторых, уменьшение объёмов финансирования привело к ослаблению материально-технического оснащения учебно-воспитательных учреждений, к снижению качества подготовки педагогических кадров. В настоящее время государственные ДОУ не могут вступать в конкурентную борьбу ни по критерию эффективности воспитательно-образовательного процесса, ни по внешней привлекательности с частными детскими образовательными структурами;

- в-третьих, отмена единой тарифной сетки для работников бюджетной сферы привела к тому, что все виды надбавок, коэффициентов и окладов оказались в ведении местных властей, а те, в свою очередь, решили, что можно ряд надбавок не выплачивать;

- в-четвёртых, налицо тенденция дальнейшего свёртывания сети дошкольных образовательных учреждений, обусловленная бесконтрольной продажей или сдачей в аренду помещений детских садов. Так, в 2000 году в России функционировало 51,3 тыс. дошкольных учреждений, а в 2007-м – 44,9 тыс., в 2011 – 43,712 тыс.

Предложение воспитательно-образовательных услуг дошкольников не в состоянии удовлетворить спрос потребителей (в крупных городах число детей, стоящих в очереди для поступления в

детский сад, превышает в среднем 60%). По данным Рособнадзора: на 1 сентября 2011 года охват детей услугами дошкольного образования составлял 60,5% от общего числа детей дошкольного возраста и приближался к показателю 1991 года (63,9 %).

Злободневной проблемой остаётся оплата и стимулирование труда работников ДОУ. Несмотря на то, что органам государственной власти субъектов РФ разрешается устанавливать региональные надбавки к зарплате педагогом, последняя остаётся достаточно низкой и в среднем составляет 5000 руб.

Не видится рациональным решение о снятии штатной единицы старшего воспитателя (методиста), поскольку он (старший воспитатель) осуществлял планирование, координацию, контроль педагогической деятельности воспитателей.

На фоне непривлекательности условий работы и низкой оплаты труда в дошкольных образовательных учреждениях наблюдается:

- общая неукомплектованность как педагогическими кадрами, так и обслуживающим персоналом; редкостью становятся педагоги-психологи, логопеды;

- старение педагогического коллектива, поскольку многие молодые специалисты, получив педагогическое образование в колледжах и в вузах, уходят работать в сферы обслуживания или производства;

- пассивность к профессиональной деятельности.

Анализ ситуации показывает: дошкольное образование так и не стало полноценным звеном в системе образования. Многие параметры, к примеру, объём бюджетного финансирования, мотивация и стимулирование труда, престижность профессии, кадровое, организационное, программно-методическое и материально-техническое обеспечение детских садов, уступают остальным ступеням образовательной системы.

Поэтому ошибочным является мнение Министерства образования и науки Российской Федерации, что обеспечить общедоступность и бесплатность дошкольного образования, а также качественную подготовку детей к школе позволяют новые модели ДОУ:

- группа полного дня для детей старшего возраста на базе учреждений ДОУ и начальной школы;

- группы кратковременного пребывания на базе учреждений дополнительного образования и учреждений культуры;

- образование в семье (репетиторство, гувернёрство).

Кроме того, перечисленные выше модели, на наш взгляд, имеют ряд недостатков. Так, например, в группах кратковременного пребывания детей в детском саду зачастую ведутся только занятия, а игра и другие виды деятельности отсутствуют.

Не представляется разумным организация образования дошкольников на базе школы, различных видов учреждений дополнительного образования и культуры. Во-первых, возникает угроза здоровью детей, поскольку мебель и помещения не отвечают санитарно-гигиеническим нормам. Во-вторых, не выполняется требование смены видов деятельности; в основном занятия проводят учителя, поэтому методы и приёмы воздействия на детей не соответствуют специфике дошкольного возраста. Следовательно, подготовка детей носит характер, присущий обучению в школе, что противоречит Концепции дошкольного воспитания. Поскольку, согласно данной концепции, воспитательно-образовательный процесс в ДОУ должен включать три блока: учебный; совместная деятельность взрослого с детьми; совместная деятельность детей.

Вызывает беспокойство и тот факт, что органы управления образованием на сегодняшний день не располагают ни критериями, ни инструкциями относительно проверки условий и профессиональ-

ной квалификации сотрудников, работающих с дошкольниками на базе школы, учреждений дополнительного образования и культуры, а также в группах кратковременного пребывания в ДООУ.

Другими словами, нет нормативно-правовых документов, регламентирующих процесс организации и проведения работы по подготовке детей к школе.

Наконец, организация учебно-воспитательного процесса дошкольников на базе семьи, на мой взгляд, в России на сегодняшний день неприемлема, поскольку требует дополнительных научных исследований и особого внимания со стороны органов управления образованием, а также проектирования системы взаимодействия родителей и специалистов.

Не могу согласиться с идеями Министерства образования и науки, активно внедряющего «предшкольное образование», как решение проблемы выравнивания стартовых возможностей детей, поступающих в школу. «Предшкольное образование» будет способствовать угасанию интереса к школьному обучению. И напротив, насыщение дошкольного образования игровой, театральной, музыкальной деятельностью служит гарантом формирования психической готовности ребёнка к системному обучению в школе.

Важно помнить: когда мы формируем систему дошкольного образования, необходимо знать и учитывать основные линии развития и особенности возраста (сенситивный период) и не забывать, что ведущим видом деятельности в дошкольном возрасте является игра, а не учебная деятельность.

Более того, анкетирование и опросы населения в 18 регионах России показали: детский сад для большинства российских семей – единственная возможность, с одной стороны, обеспечить ребёнку социальную адаптацию и подготовить к школе, а с другой – реализовать право на труд для самих родителей.

Следовательно, предложенные модели обучения и воспитания детей ни в коей мере не должны стать альтернативой ДООУ полного дня, а это значит, что все меры по модернизации базового звена необходимо направить на сохранение основной формы дошкольного образования – ДООУ шести видов.

Инновационные программы и модели организации образования дошкольников не смогут решить ряд злободневных проблем, связанных с деятельностью ДООУ, и, тем самым, достичь ожидаемых результатов, выдвинутых национальной доктриной.

На мой взгляд, исполнение комплекса мероприятий по реализации приоритетных направлений требует создания необходимых условий для успешного функционирования ДООУ.

Признавая ведущую роль педагогов в достижении целей образования, важным и принципиальным условием эффективной деятельности дошкольных учреждений должно стать кадровое обеспечение специалистами.

В целях обеспечения ДООУ кадрами необходимо:

- разработать механизмы, направленные на изменение внутренней позиции работников ДООУ, их ценностно-смыслового самоопределения; повышения социального статуса и престижности профессии;

- модернизировать кадровую политику, в частности: ввести штатную единицу в муниципальные образования регионов – менеджера по персоналу, а также обеспечить системы ДООУ высококвалифицированными педагогическими кадрами путём эффективных методов набора и отбора;

- пересмотреть методы и принципы управления персоналом на основе мотивации в ДООУ;

- создать благоприятную трудовую атмосферу и соответствующие новым требованиям условия работы.

Благоприятная для работы атмосфера может быть достигнута

за счёт формирования общей позиции, обеспечивающей свободный обмен опытом и позволяющей персоналу участвовать в принятии решений на оперативном уровне.

Что касается соответствующих условий работы, то здесь имеются в виду материально-техническое и программно-методическое обеспечение, а также ряд вопросов, связанных с организацией деятельности обслуживающего и обеспечивающего персонала.

Все эти блоки взаимосвязаны, реализация только одного из них не позволит достичь нужных результатов, требуется использование системного подхода.

Исполнение задач, перечисленных выше, невозможно без государственной поддержки, в частности в вопросах, связанных с финансированием сети дошкольных образовательных учреждений, так как федеральные средства передали регионам, которые склонны к нецелевому расходованию.

Как говорилось выше, преобразования конца 80-х – начала 90-х годов оказали негативное влияние на дошкольное образование. Федеральные органы сняли с себя обязанности по финансированию дошкольных учреждений, что вызвало серьёзные разрывы в системе «государство – дошкольное образование – общество», но оставили за собой контроль расходования средств.

На сегодняшний день действующая сеть ДООУ существенно отстаёт от запросов, предъявляемых обществом. Стало очевидным, дошкольное образование не может оставаться в состоянии внутренней замкнутости.

Следовательно, вторым важным условием является государственная поддержка сети дошкольного образования в различных направлениях для развития детей и подготовки их к школе.

По итогам заседания Общественного совета при Президенте России по развитию местного самоуправления В.В. Путин поручил правительству принять меры по

внедрению новых организационно-правовых форм дошкольного образования и усовершенствовать систему его финансирования путём введения новых финансово-экономических механизмов.

Изменение отношения государства и общества к дошкольному образованию должно выразиться в конкретных шагах:

- передача целевого финансирования муниципальных дошкольных образовательных учреждений в ведение региональных субъектов Российской Федерации и лишь делегирование части полномочий в этой сфере оперативно передать на муниципальный уровень;

- увеличение объёмов финансовой поддержки со стороны государства;

- формирование общественно-го мнения о ценности педагогической профессии и уважительного отношения к работникам ДОУ;

- обеспечение ДОУ современной материально-технической и программно-методической базой;

- увеличение заработной платы и стимулирование к эффективной профессиональной деятельности за счёт различных фондов и родителей;

- обеспечение ДОУ современным оборудованием (посудомоечные машины, пылесосы и др.) для обслуживающего персонала путём организационных мероприятий регионов и муниципалитетов;

- стимулирование негосударственных инвестиций в систему дошкольного образования путём предоставления установленных законодательных налоговых и иных льгот для юридических лиц, участвующих в развитии дошкольных образовательных учреждений;

- формирование чёткого нормативно-правового регулирования условий привлечения в сферу дошкольного образования внебюджетных средств;

- стимулирование частных фирм к строительству новых дошкольных учреждений путём предоставления законодательных

актов, позволяющих льготную покупку земли (под строительство).

Резюмируя выше сказанное, можно утверждать: на сегодняшний день ситуация, сложившаяся в сфере дошкольного образования, характеризуется, с одной стороны, широкой возможностью для реализации творчества педагогов, продиктованной свободным выбором образовательных программ и направлений воспитательно-образовательного процесса, с другой стороны, низкой подготовкой детей к школе, обусловленной рядом проблем, таких, как низкий объём финансирования, неуклоплектованность кадрами, недостаточное материально-техническое обеспечение и многое другое.

Повышение качества и доступности дошкольного образования видится в реализации комплекса мероприятий, связанных с кадровым и финансовым обеспечением, а также с новой нормативно-правовой базой поддержкой сети ДОУ.

Литература:

1. Национальная доктрина образования в РФ.
2. Концепция модернизации образования на период до 2015 года.
3. Федеральный закон «Об образовании». – М.: «Ось-89», 2008.
4. Федеральный закон от 22.08.04 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 122-ФЗ.
5. Третьяк Н.В. О методических рекомендациях по апробации моделей образования детей старшего дошкольного возраста // Дошкольное воспитание. – 2007. № 3.
6. Скоролупова О. Образование детей старшего дошкольного возраста как одно из приоритетных направлений государственной политики в области образования // Дошкольное воспитание. – 2007. №8.
7. Федеральный закон от 6.10.03. «Об общих принципах организации местного самоуправления» № 131-ФЗ.

Н.А.ЕВДОКИМОВА, кандидат экономических наук
 Л.В. СОЛОГУБОВА, кандидат экономических наук НОИР
 Д.В. МАСЛЕННИКОВ, доктор философских наук НОИР
 N. Evdokimova, candidate of economic Sciences
 L. Sologubova, candidate of economic Sciences NOIR
 D. Maslennikov, doctor of philosophical Sciences NOIR

Исторический опыт организации и государственного регулирования банковской системы

The historical experience of state regulation of the banking system

Аннотация: Развитие рыночной экономики в России и связанный с этим переход её в качественно новое состояние в начале XXI в. остро поставили вопрос о создании правовых и законодательных основ такой рациональной системы организации и регулирования денежного обращения, которая могла бы создать предпосылки для нормального функционирования и совершенствования экономики.

Обращение к материалу истории денежной системы России, особенно периода реформ второй половины XIX – начала XX вв., показывает, что продуманная, имеющая чётко выраженные ориентиры и приоритеты банковская политика государства способна стимулировать экономический рост страны и в значительной мере блокировать негативные тенденции в экономике.

Abstract: The development of a market economy in Russia and the associated transition her into a qualitatively new state at the beginning of the XXI century has sharply raised the question of establishing the legal and legislative frameworks such rational system of organization and regulation of money circulation, which could create conditions for the normal functioning and improvement of the economy.

Appeal to the material history of the monetary system of Russia, especially during the reforms of the second half of XIX – early XX centuries, shows that thought that has clearly defined objectives and priorities of the banking policy of the government can stimulate economic growth and substantially block the negative trends in the economy.

Ключевые слова: банковская деятельность, коммерческие операции, Госбанк, военные займы, денежная инфляция, ссуды, монархия, Общества Взаимного Кредита

Keywords: banking, commercial transactions, state bank, military loans, monetary inflation, loans, monarchy, Society of Mutual Credit.

Продолжение см. №№ 2-6 (24-28) 2011г.

Формирование правовой базы банковской деятельности в период реформ Александра II

Историческая обстановка в России в период, предшествовавший масштабным реформам характеризовалась послевоенными трудностями Крымской и русско-турецкой войн. Крымская война оказалась крайне обременительной для финансов России. Военные расходы привели к стремительному росту бюджетного дефицита, который в 1852 г. составлял 32.1 млн. руб., в 1854 г.

– 123.3, а в 1856 г. – 265.8 млн. руб. Резко возросла эмиссия кредитных билетов, размен которых на золото и серебро прекратился. Рост товарных цен в 1855–1857 гг. составил на пшеницу 155.4%, на рожь – 176.6, на шерсть – 145.1, на сахар – 113.7%.¹ Бумажно-денежная инфляция, начавшаяся со времён Крымской войны, затянулась на ряд десятилетий. Новая война с Турцией (апрель 1877 г. – февраль

1878 г.) ещё сильнее расстроила финансы страны. В отличие от Крымской войны военные расходы в основном покрывались с помощью военных займов, которые составили 917.1 млн. руб.²

В целом денежная система была достаточно громоздкой и устаревшей. Её реформирование было совершенно необходимо для стабилизации экономики и её перспективного подъёма.

¹ См.: Свод товарных цен на 1897. – С.11.

² См.: Мигулин П.П. Русский государственный кредит. – С. 466.

В 1859 г. были приняты решения, положившие начало новому этапу развития кредитно-банковской системы России. Согласно этим решениям: 1) были ликвидированы все существовавшие государственные кредитные учреждения; 2) прекращён прием вкладов в Заёмный банк, Сохранённые казны и Приказы общественного призрения, эти учреждения перешли в подчинение к министру финансов; 3) прекращён прием вкладов до востребования в Коммерческий банк; 4) снижен процент по вкладам с 3 до 2; 5) создана Комиссия для разработки проекта устройства земских банков (она просуществовала лишь до начала 1860 г.; разработанный ею проект положения о земских кредитных обществах так и не был утверждён).³

Указом от 31 мая 1860 г. был упразднён Заёмный банк, а его дела переданы в Петербургскую Сохранную казну, чья деятельность, как и всех Сохранных казён и Приказов, была ограничена производством расчётов со своими заемщиками и передачей получаемых от них сумм в учрежденный тем же Указом Государственный банк России,⁴ к которому перешли все дела Государственного Коммерческого банка.⁵ Государственный Банк был учрежден взамен Государственного Коммерческого Банка, существовавшего с 1818 г.

В соответствии с Уставом 1860 г. на Госбанк возлагалась выплата процентов и основных сумм по переданным в его ведение вкладам в ранее существовавшие кредитные учреждения и 5%-ным банковым билетам⁶ за счёт средств Государственного Казначейства, а также обмен и размен кредитных билетов.

Госбанк получил также право осуществлять следующие коммерческие операции: 1) учёт векселей и других срочных бумаг (частная

ставка определялась правлением не реже, чем раз в две недели); 2) покупку и продажу золота и серебра; 3) получение платежей за счёт доверителей; 4) приём вкладов на хранение, на текущий счет и на «общение из процентов»; 5) производство ссуд (кроме ипотечных) под залог драгоценных металлов, товаров и процентных бумаг (государственных, обществ); 6) покупку и продажу процентных бумаг за счёт доверителей и за свой счёт (последнее – на сумму, не превышающую его собственный капитал). Вклады в Госбанк не подлежали ни описи, ни отчуждению по каким бы то ни было взысканиям и не могли быть использованы для покрытия государственных расходов.⁷

В 1894 году Устав Банка был существенно переработан соответственно потребностям экономической жизни страны. Согласно ст. 1-й Устава задача деятельности Государственного Банка двоякая и заключается, во-первых, в упрочении денежной системы и в регулировании денежного обращения страны и, во-вторых, в содействии посредством краткосрочного кредита отечественной торговле, промышленности и сельскому хозяйству. Соответственно первой задаче своей деятельности Государственный Банк должен быть отнесён к типу эмиссионных банков. Эмиссионное право Банка регулируется особым законом от 29 августа 1897 года, на основании которого Банк может выпускать в обращение кредитные билеты в соответствии с потребностями денежного обращения и не иначе, как под обеспечение золотом. Выпуск кредитных билетов на сумму до 600 мил. рублей должен был обеспечен золотом в монете и слитках в половинном размере. Все кредитные билеты, находящиеся в обращении сверх указанной нормы в 600 м. р., должны быть обеспечены золотом

не менее как рубль за рубль. Государственный Банк разменивает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы.

Обычно Государственный Банк своим эмиссионным правом, т. е., правом выпускать кредитные билеты без обеспечения золотом, не пользуется, и все выпущенные им билеты бывают обеспечены полным рублем и даже более чем рубль за рубль. Выпуск билетов без обеспечения может быть произведен в случае необходимости в деньгах в любое время. Но следует заметить, что в распоряжении Банка находятся все свободные суммы, принадлежащие казне и этих средств вполне хватает на развитие главнейших операций. Если, таким образом, принять во внимание, что Банк, обладая особым источником средств, может во всякое время воспользоваться и эмиссионным правом, т. е., выпустить в обращение на 300 м. р. кредитных билетов, не обеспеченных золотом, то станет понятна его роль в общей системе банкового дела страны. Государственный Банк является центральным банком страны, призванным руководить деятельностью остальных банков в интересах народно-хозяйственной жизни. Как учреждение правительственное, располагающее особым рода средствами, Государственный Банк, конечно, не заинтересован в получении возможно большей прибыли, а потому может развивать свою деятельность и руководить деятельностью остальных банков исключительно в интересах всего народного хозяйства. Правда, прибыль, получаемая Банком, обыкновенно, значительна, но такой результат является, конечно, непроизвольно, как неизбежное следствие.

Вокруг Государственного Банка группировались: Акционерные коммерческие банки, Общества

³ Подробнее о деятельности Комиссии см.: Печерин Я. И. Указ. соч. С. 28—36.

⁴ О первом управляющем Госбанком А. А. Штигице см.: Данько Н. Д. Банкир, биржевик, меценат // Деньги и кредит. 1993. № 8.

⁵ Более подробный анализ Указа от 31 мая 1860 г. см.: Печерин Я. И. Указ. соч. С. 115—117.

⁶ По положению от 1 сентября 1859 г. они выдавались частным лицам в обмен на «вкладные свидетельства» казенных кредитных учреждений.

⁷ См.: Печерин Я. И. Указ. соч. С. 118.

Взаимного Кредита, Городские Общественные Банки и, наконец, банкирские дома и банкирские конторы.

Акционерные коммерческие банки были представителями типа коммерческих банков краткосрочного кредита и по тому значению, какое эти учреждения приобрели в общей системе банковского дела, им должно быть отведено второе место после Центрального Эмиссионного Банка.

В России первый акционерный коммерческий банк, существовавший вплоть до революции, С.-Петербургский Частный Коммерческий Банк, был учреждён в 1864 году. К началу века насчитывалось более сорока акционерных банков, которые, кроме того, сильны сетью своих отделений, раскинутых по всей стране. Акционерные коммерческие банки действовали на основании общих законодательных постановлений, содержащихся в законах гражданских и в Уставе Кредитном, а также на основании своих Уставов, утверждавшихся правительственной властью в каждом отдельном случае при учреждении банка. Банки, называемые Обществами Взаимного Кредита, принадлежали к кооперативным учреждениям и организованы так, что заёмщиками являются исключительно сами хозяева предприятия, члены данного общества. Этим Общества Взаимного Кредита отличались от акционерных банков, где хозяева предприятия, акционеры, могут не иметь никакого отношения к операциям, производимым данным банком.

Первое Общество Взаимного Кредита учреждено было в Петербурге в 1864 г. До революции насчитывалось по всей стране до 800 обществ. Объединяющим центром для большинства Обществ был Центральный Банк Обществ Взаимного Кредита.

Общества Взаимного Кредита основывались преимущественно для лиц, не обладающих

большими капиталами. Обычно, кредит оказывается и лицам, не занимающимся торгово-промышленной деятельностью. Однако, существует целый ряд, так называемых, коммерческих, торгово-промышленных, купеческих обществ и обществ без таких специальных названий, которые ограничивают круг своих членов преимущественно лицами, занимающимися торгово-промышленной деятельностью. Общества производят все операции, свойственные коммерческим банкам, но цель их деятельности существенно отличается от цели, преследуемой акционерными банками; акционерные банки стремятся к получению возможно большей прибыли, которая идёт в разделе между акционерами в виде дивиденда. В Обществах Взаимного Кредита хозяевами предприятия являются сами же заёмщики, а потому целью деятельности обществ считается не получение возможно большей прибыли, а доставление своим членам возможно более дешёвого кредита.

Общества Взаимного Кредита действовали как на основании общих законодательных постановлений, содержащихся в Уставе Кредитном, так и на основании своих уставов, утверждавшихся Министром Финансов в каждом отдельном случае при учреждении общества.

Городские Общественные Банки принадлежали к числу городских общественных учреждений, как например, городские ломбарды и тому подобные предприятия. Банки этого типа появились в России очень рано, еще в конце XVIII столетия, когда был учрежден первый Городской Общественный Банк в Вологде в 1788 г. Но развитие Городских Общественных Банков начинается лишь со второй половины XIX столетия вместе с общим развитием экономической жизни и банковского дела в стране. До революции насчитывалось до

300 учреждений этого типа. В предреволюционные годы Положение о Городских Общественных Банках, содержащееся в Уставе Кредитном изд. 1904 г., было заменено новым, изданным 13 января 1912 г.⁸

Банкирские дома и банкирские конторы принадлежат или товариществам, или единоличным предпринимателям. Учреждения этого рода могут производить значительные операции, но к типу коммерческих банков приближаются только некоторые банкирские дома, а другие, как равно и банкирские конторы, занимаются преимущественно операциями с процентными бумагами. Более крупные банкирские дома за последнее время начинают преобразовываться в акционерные предприятия.

Банкирские дома и банкирские конторы уставов не имели. При учреждении такого рода предприятий в соответствующие государственные инстанции должно быть указано, какие будут производиться операции. В предприятиях, принадлежащих товариществам, значение устава может иметь договор между товарищами. Общие же законодательные постановления, содержащиеся в Уставе Кредитном, в юридической литературе тех лет признавались очень краткими и неудовлетворительными.

Все перечисленные учреждения производят одни и те же операции, свойственные коммерческим банкам. Сущность всех этих операций сводится, соответственно самому характеру посреднической деятельности банков, к сборанию разными способами свободных капиталов и к распределению их тоже разными способами между предприятиями торгово-промышленного характера и лицами, занимающимися торгово-промышленной деятельностью.

Корректировались с учётом условий России не только названия банков, как это было сделано при утверждении проекта Московского Коммерческого Ссудного банка,

⁸ Подробнее см.: Алексеев А.С. История банковского законодательства. СПб, 1999. С. 93 – 97.

который первоначально назывался “Промышленный и Ссудный банк в Москве”, но и вносились в уставы банков запреты принимать на себя “ручательство за успех открываемых ими подписок не только на земские, городские и общественные займы, но и на акции, облигации, паи и закладные листы”.⁹ Цель этих запретов состояла в том, чтобы не только предохранить вклады от риска, но и чтобы они не принимали участия в спекуляции вновь выпускаемыми бумагами и т. д.

Таким образом, “допуская учреждение новых банков, государство не могло отрешиться и отказаться от влияния на дела кредита, которым оно пользовалось прежде. Закон и уставы касались не только устройства кредитных учреждений, но и давали подробные указания, как об их операциях, так и основаниях, на которых должны вестись эти операции”.¹⁰ Основы законодательного регулирования деятельности коммерческих банков в России были заложены в 60-е – 70-е годы XIX в., при министерстве финансов Михаиле Рейтерне, когда в целях распространения коммерческого кредита был дополнен устав Госбанка постановлениями о его конторах и отделениях, изданы новое положение о городских общественных банках (1862 г.) и новый устав сберегательных касс (1872 г.) и др., которые позднее были кодифицированы в “Уставе кредитном” X тома Свода законов Российской империи.¹¹

Большим подспорьем в развитии возникающих акционерных банков и обществ взаимного кредита была поддержка их средствами Госбанка: на 1 января 1869–1870 гг. задолженность акционерных бан-

ков Госбанку составляла 1,5 млн. рублей, в 1870–1871 гг. кредитование их возросло до 4 млн. рублей, обществ взаимного кредита – до 6–8 млн. руб. и городских банков до 1–1,5 млн. руб. В 1872–1874 гг. кредитование последних остается на том же уровне, а кредитование акционерных банков увеличивалось до 21–22 млн. рублей.¹² В России за 50 лет (1864–1914 гг.) было учреждено всего 77 акционерных коммерческих банков, за них за первое десятилетие – 39, за последующие 40 лет – 38.¹³

Государственный банк России на протяжении довольно длительного периода занимал доминирующее положение в кредитной системе. В отношении акционерных банков Государственный банк являлся орудием и проводником политики Министерства финансов.¹⁴

Государственный Банк находился в ведении министра финансов и под наблюдением Совета государственных кредитных установлений. Последний надзирал за соответствием действий Госбанка его Уставу, рассматривал и утверждал его годовой отчет, а также распределял (в соответствии с предложениями министра финансов) его прибыль. Непосредственное руководство Госбанком осуществляли Управляющий банком и Правление в составе Управляющего, его товарищей (заместителей), шести директором и трёх депутатов от Совета ГКУ, избравшихся Советом из петербургского дворянства и купечества. При Правлении Госбанка стоял Учёный и ссудный комитет, рассматривавший предъявляемые к учёту векселя. Комитет состоял из Управляющего Госбанком (председатель комитета), его товарищей, двух директоров и

четырёх представителей от петербургского купечества и Биржевого комитета.

Местные подразделения Госбанка были двух типов: конторы, учреждавшиеся по особым Высочайшим повелениям (Устав контор утвержден 3 января 1862 г.), и отделения, открывавшиеся распоряжением министра финансов (высочайшее повеление о возможности открытия отделения Госбанка последовало 20 декабря 1863 г.). Первоначально было учреждено 7 контор, число же отделений было гораздо больше: за период с 1863 г. по 1 января 1882 г. их было открыто 47 (не считая временных).

После дополнения в 1862–1863 гг. вышеуказанными актами о конторах и отделениях Устав Госбанка до 1881 г. не претерпел существенных изменений. В какой мере в течение этого периода были достигнуты главные цели учреждения Госбанка – оживление торгового оборота и стабилизация денежной системы? По авторитетному мнению А.Н. Гурьева, первая задача была “выполнена в весьма ограниченной степени”, а вторая “и вовсе не была разрешена”.¹⁵ Заметим, однако, что несмотря на постановку столь ответственных задач перед Госбанком, он, не имея юридического статуса и прав центрального банка, лишь фактически выполнял некоторые функции “центрального кредитного учреждения” России, поскольку в наибольшей степени среди других банков контролировали государством (особенно с конца XIX в., когда Госбанк получил монопольное право на осуществление эмиссии кредитных билетов) и потому имел возможность выступать для некоторых кредитных учрежде-

⁹ Архив Особенной Канцелярии по кредитной части, 1869, № 4/32; 1871, № 5/25. Объяснения Министерства финансов к проекту устава Ростовского-на-Дону Коммерческого банка.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1278 Государственной думы, оп. 7, д. 1232, л. 6.

¹¹ См.: Банковская энциклопедия. Киев, 1913. С. 235.

¹² См.: Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., Госфиниздат. 1960. С. 356.

¹³ См.: Мехряков В. Д. История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. М., 1995. С. 141.

¹⁴ См.: Петишкина С. Н. Государственный банк дореволюционной России. М., 1993. С. 97.

¹⁵ См.: Гурьев А. Н. Указ. соч. С. 50–53. Подробнее о проблемах Госбанка см.: Боголепов М. И. Государственный банк и коммерческий кредит // Банковская энциклопедия. Т. 1. Киев, 1914. С. 287–330.

ний в роли кредитора последней инстанции.

Что же касается Закона от 14 мая 1871 г., то основным его содержанием было разрешение земским собраниям в губерниях и уездах создавать кредитные учреждения для долгосрочного кредитования под залог не движимости посредством выпуска закладных листов, обеспеченных круговой ответственностью заемщиков или основным капиталом банка, а также для приема вкладов и выдачи краткосрочных ссуд под учет векселей и залог движимого имущества на началах взаимного кредита или под обеспечение уставного капитала (одновременное осуществление долго- и краткосрочных кредитных операций одним учреждением не допускалось). Типовыми для земских кредитных учреждений были признаны уставы Херсонского земского банка, Общества взаимного поземельного кредита и Харьковского земельного банка (в сфере долгосрочного кредита) и устав Петербургского общества взаимного кредита (в сфере краткосрочного кредитования). В том случае, если устав вновь создаваемого земством банка или иного кредитного учреждения ни в чём существенно не отличался от вышеназванных уставов, то он подлежал лишь утверждению министром финансов.

Были также заложены основы более правильной организации мелкого кредита. В 1870 г. специальной комиссией Императорского Московского общества сельского хозяйства был разработан типовой (“образцовый”) устав ссудо-сберегательного товарищества, одобренный позднее министром финансов. В соответствии с этим уставом подобные товарищества имели своей задачей предоставление оборотного капитала для лиц, занимающихся земледелием и промыслами.

В 1872 г. по ходатайству Петербургского отделения Комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Московском обществе сельского хозяйства всем ссудо-сберегательным товариществам были открыты кредитные линии в Госбанке на основании правил Министерства финансов. К 1 января 1881 г. было уже 729 ссудо-сберегательных товариществ; в них состояло 188 166 членов, а капитал составил 4,9 млн. руб.

В последней четверти XIX в. в кредитно-банковской сфере продолжалась бурная законодательная деятельность; кредитные учреждения подвергались значительным преобразованиям, наряду с ними создавались новые государственные кредитные учреждения, в отношении частных и общественных институтов принимались меры для большего соответствия их деятельности экономическим потребностям страны.¹⁶ Словом, в кредитно-банковской системе России стал набирать силу процесс модернизации.

Прежде всего, необходимо отметить осуществленное, по инициативе министра финансов С.Ю. Витте, преобразование Госбанка. С введением в действие нового Устава, утвержденного 6 июня 1894 г., Госбанк получил право наряду с коммерческими учитывать и финансовые векселя (в начале XX в. от 20 до 40% всех вексельных кредитов предоставлялись коммерческим банкам с целью их систематической поддержки), выдавать ссуды промышленным предприятиям сроком до 3 лет, кредитовать хлебную торговлю в форме предтоварных кредитов и осуществлять ряд других несвойственных центральным банкам Европы функций, действуя, таким образом, не только как эмиссионный, но и как универсальный коммерческий банк. С

1911 г. на Госбанк были возложены ещё и строительство и эксплуатация элеваторов и зернохранилищ, что, вместе с ростом кредитования хлебной торговли, было направлено на увеличение хлебного экспорта как важнейшей активной статьи внешнеторгового баланса.¹⁷

Кроме того, с 1 сентября 1894 г. учреждалось Центральное управление Госбанка во главе с Советом банка и Управляющим Госбанком. В состав Совета, помимо Управляющего (Председатель Совета), вошли также два товарища Управляющего, директор Особенной канцелярии по кредитной части, управляющий Петербургской конторой Госбанка, два представителя Минфина и по одному – от Государственного Контроля, дворянства и купечества.

Преобразование Госбанка повлекло в июне 1859 г. упразднение Совета государственных кредитных установлений (высочайшим повелением от 5 июня 1895 г.), не оправдавшего вполне возлагавшихся на него надежд по защите интересов Госбанка в Правительстве, тем более что Уставом 1894 г. рассмотрение отчетов Госбанка было возложено на Государственный Совет.¹⁸ Был усилен внешний надзор над Банком со стороны Государственного Контроля, к которому вместе с ревизией отчетов перешло от Совета ГКУ свидетельствование банковских касс и кладовых с целью удостоверения неприкосновенности хранящихся там сумм. Кроме того, Государственный Контроль получил право участвовать в выработке правил бухгалтерского учёта и отчетности Госбанка.

С ликвидацией Совета ГКУ были упразднены, соответственно, и должности его депутатов в Правлении Госбанка, однако “введение небюрократических элементов в состав высшего управления Бан-

¹⁶ См.: Гурьев А. Н. Указ. соч. С. 64—70.

¹⁷ См.: Государственный банк России // Финансово-кредитный словарь / Под ред. В. Ф. Гарбузова. Т. 1. М., 1994. С. 304.

¹⁸ См.: там же. С. 153—155, 160—161.

ком признано было полезным и на будущее время, ибо участие лиц, близко знакомых с нуждами земледелия, торговли и промышленности, в интересах которых была предпринята реформа Госбанка, может только содействовать тому, чтобы деятельность Банка приняла действительно практическое направление”.¹⁹ Поэтому в Совет Госбанка были введены два выборных члена – от дворянства и купечества. В состав Совета также вошёл представитель Государственного Контроля, а министр финансов получил право приглашать на заседания Совета представителей и других ведомств с правом совещательного голоса и особого мнения.

Мнением Госсовета от 5 июня 1896 г. ревизия годовых отчетов иных государственных кредитных учреждений (государственных сберегательных касс, Государственных Дворянского Земельного и Крестьянского Поземельного банков) также была возложена на Государственный Совет.²⁰

В середине 70-х гг. XIX в. исключительно остро встала проблема крестьянского малоземелья и связанная с ней проблема недоступности средне- и долгосрочного земельного кредита. С целью их разрешения в общегосударственном масштабе, после ряда не слишком удачных инициатив земств, Мнением Госсовета от 20 мая 1881 г. было принято “Положение о Крестьянском поземельном банке”, созданном как правительственное кредитное учреждение в ведении Министерства финансов для “облегчения крестьянам всех наименований, путем выдачи ссуд,

способствовать покупке земли, при условии добровольного соглашения продавцов с покупателями”.²¹ Возглавлял Банк Совет, состоявший из Управляющего и трёх членов, назначавшихся министром финансов. Осуществление банковских операций на местах возлагалось на отделения, открывавшиеся или самостоятельно, или при подразделениях Госбанка, или при казенных палатах, и состоявшие из назначенного министром финансов управляющего, одного члена по назначению губернатора и двух членов, избиравшихся губернским земским собранием (при отсутствии таковых – губернским по крестьянским делам присутствием).²²

Помимо традиционных кредитных учреждений в рассматриваемый период в России сложился особый тип финансовых институтов, представленный банковскими конторами, торговыми домами и меняльными лавками, которые, не имея уставов и не публикуя отчётов, осуществляли тем не менее значительное количество чисто банковских операций, а также привлекали средства клиентов для осуществления высокорисковых спекулятивных операций на фондовом рынке.²³ В целях установления государственного контроля за подобными институтами 26 июня 1889 г. было утверждено Мнение Госсовета о банковских заведениях, в силу которого министр финансов мог запрещать любым банковским заведениям, не имевшим официально утвержденных уставов, перезалог ценных бумаг, приём вкладов на хранение, на

текущий счёт и на “обращение из процентов”, а равно кредитование под обеспечение, “под каким бы видом и наименованием эти операции ни производились”. Государственный контроль за деятельностью всех банковских заведений был еще более ужесточён дополнениями к Правилам 1889 г., одобренными Мнением Госсовета от 3 июня 1894 г.

В отношении учреждений долгосрочного кредитования нормативные акты того времени были направлены, в основном, на более тщательную регламентацию их деятельности и повышение их финансовой устойчивости.²⁴

Постепенное реформирование российских кредитных учреждений, обусловившее процесс дальнейшего развития уже сложившейся кредитно-банковской системы, резко ускорившийся уже в начале XX в., продолжалось вплоть до начала первой мировой войны.

Так, Законом от 29 августа 1897 г. было подтверждено монопольное эмиссионное право Госбанка – только он мог эмитировать кредитные билеты в соответствии с потребностями денежного обращения и не иначе, как под обеспечением золотом в установленном законом соотношении.²⁵

1 июня 1895 г. был принят Закон об учреждениях мелкого кредита, в сферу действия которого попали кредитные товарищества, ссудо-сберегательные товарищества и кассы, а также сельские, волостные и станичные банки и кассы.

В целом деятельность акционерных коммерческих банков, несмотря на достаточно развитую их

¹⁹ Там же. С. 162–163.

²⁰ См.: там же. С. 159–163.

²¹ Там же. С. 165. Средства для выдачи ссуд обеспечивались за счет выпуска “государственных свидетельств Крестьянского банка”, приносящих годовой доход и погашавшихся посредством ежегодных тиражей на сумму поступивших от заемщиков в течение года выплат. Выпуск свидетельств был ограничен 5 млн. руб. в год с правом превышения лимита только с Высочайшего разрешения.

²² В 1894 г. действительно уже 43 отделения Крестьянского банка. См.: там же. С. 163–166. Подробнее о деятельности банка см.: Семенова Е. В. Крестьянским поземельный банк // Деньги и кредит. 1993. № 7.

²³ См.: Березина М. П., Крупнов Ю. С. Банкирские дома в экономической жизни пореформенной России // Деньги и кредит. 1993. № 12.

²⁴ См.: Алексеев А. С. История банковского законодательства. СПб, 1999. С. 113–114.

²⁵ Подробнее об эмиссионной деятельности Госбанка см.: Вознесенский Е. П. Операции коммерческих банков // Банковское дело. СПб.,-Пг., 1914. С. 12–13.

сеть, до начала 90-х годов XIX века характеризовалась пассивностью и слабой организующей ролью, что явилось одной из причин медленного формирования в России денежного рынка.²⁶ Однако примечательно, что своим банковским законодательством Россия опередила примерно на 50–60 лет все

капиталистические страны, где в отношении коммерческих банков господствовала система свободного учредительства, а законодательное регулирование касалось эмиссионных банков.²⁷

Таким образом, в период, охватывающий конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в. вплоть до последней

четверти XIX в., осуществляется возникновение в России собственно кредитно-банковской системы. Идет активный процесс разработки её законодательной базы.

*Продолжение
публикации в следующих
выпусках журнала*

²⁶ См.: Очередыко В. П. Государственно-правовое регулирование предпринимательской деятельности. СПб., 1998. С. 22.

²⁷ См.: Памфилов С. Ф. Акционерные коммерческие банки в России в прошлом и настоящем. Н.-Новгород, 1924. С. 137.

Е.С. НИКИФОРОВ, кандидат экономических наук, СПбГУСЭ,
советник по привлечению инвестиций ассоциации «Северо-Запад»

Д.Б. ГРЫЗЛОВ, аспирант НОИР

E. NIKIFOROV, Ph.D., SPbGUSE, Advisor to attract investment association «North-West»

D. GRYZLOV, a graduate student NOIR

ГЧП как стимул социально-экономического развития регионов

Government Private Partnership as an incentive to the socio-economic development of regions

***Аннотация:** В статье исследуются возможности объединения усилий бизнес-сообщества и региональной власти в решении социальных и экономических вопросов.*

***Abstract:** This article explores the possibilities of combining the efforts of the business community and regional authorities in addressing social and economic issues.*

***Ключевые слова:** социальная ответственность бизнеса, бизнес-структуры, социальное партнёрство, социально-экономическое развитие регионов, государство, геополитика.*

***Keywords:** social responsibility of business, business structure, social partnership, social and economic development of regions, the state, geopolitics.*

Государство определило социальную ответственность бизнеса как главный принцип во взаимодействии между государством, бизнесом и обществом. По словам Президента РФ Д.А. Медведева, особенно активным сотрудничество должно быть в таких сферах, как образование, здравоохранение, экология, регулирование потоков трудовой миграции, а также в обсуждении вопросов ипотечного кредитования и социальных проблем армии.

Для реализации социально-значимых программ необходимо разработать и внедрить механизмы частно-государственного партнёрства, выгодные обеим сторонам.

Один из таких механизмов – соглашение о социально-экономическом партнёрстве между бизнесом и администрациями территорий, на которых он работает. Социальные программы развития административных территорий всё больше увязываются со стратегией бизнеса.

Практическим итогом взаимодействия бизнеса, власти и общества должны стать согласованные действия с местными и региональными властями, участие компаний в социальном развитии территории, вовлечение в этот процесс малого и среднего предпринимательства.

Социальная ответственность бизнеса – это влияние бизнеса на общество, ответственность тех, кто принимает бизнес-решения, перед теми, на кого прямо или косвенно эти решения влияют. Важно найти сферы совместной ответственности каждой из сторон – частного бизнеса и государства. Необходимо, чтобы была введена не только ответственность бизнеса за ущерб, нанесённый государству, но и чиновников – за ущерб бизнесу.

Главная задача – выстроить доверительные партнёрские отношения: муниципалитеты имеют информацию о состоянии дел на территории, а в распоряжении

предпринимателей – эффективные инструменты управления бизнес-проектами, вполне применимые в социальной сфере. Действуя на основе социального партнёрства, бизнес сможет реализовать программы в общем контексте региональной социальной политики и получить наибольшую отдачу. Следствием станет положительный имидж региона, благоприятный инвестиционный климат, рост доверия населения и к власти, и к бизнесу.

Большинство руководителей и владельцев крупных бизнес-структур постепенно приходят к пониманию того, что любым долгосрочным инвестиционным программам имманентно присуща социальная составляющая. Через формирование устойчивой социальной среды с высоким человеческим потенциалом бизнес получает уверенность в собственном устойчивом развитии, квалифицированные кадры и лояльных клиентов.

Особое внимание должно уделяться системе реализации кадровой политики, раскрытию взаимодействия принципов, механизмов и кадровых технологий, номенклатуре руководящих кадров, формированию резерва кадров и др.

Без специалистов качественно нового уровня нет технологической модернизации отраслей экономики, а без этого нет и устойчивого развития общества.

Развитие профессионального образования и обучения сегодня должно строиться на основе эффективного партнёрства государства и бизнеса. Плюсы такого сотрудничества – это единые стандарты обучения и дополнительная финансовая поддержка, с одной стороны, и знания, максимально приближенные к запросам бизнеса, с другой.

Современная экономика не может эффективно функционировать без государства. Одна из основных функций государства – экономическая заключается в создании необходимых условий для устойчивого развития экономических отношений, в том числе для создания общих правил деятельности основных участников этих отношений.

С точки зрения бизнес-сообщества регионам необходимо активнее развивать государственно-частное партнёрство (ГЧП). Сейчас количество проектов ГЧП недостаточно. Есть две причины. Первая – бизнес не склонен доверять региональным и муниципальным властям в совместных проектах, а не всегда справедливые конкурсы, в том числе в сфере ГЧП, только укрепляют его в этих оценках. Шансы отстаивать свою позицию в суде оцениваются компаниями как не очень высокие. При этом региональные власти уделяют слишком мало внимания пропаганде «историй успеха», которые могли бы пере-

ломить отношение бизнеса к проектам ГЧП.

Сейчас бизнес-сообщество обсуждает с федеральными органами власти ряд направлений совместной деятельности по активизации ГЧП. Некоторые из них могли бы быть реализованы на региональном уровне. Только совместная работа в сфере ГЧП может обеспечить повышение квалификации чиновников и привлечь представителей бизнеса к экспертизе и управлению проектами. Среди направлений курсов повышения квалификации – управление административной реформой, управление затратами и расходами бюджета, разработка административных регламентов, внедрение стандартов государственных услуг, мониторинг и оценка качества государственного управления, нормативные аспекты качества государственного управления и другие предметы.

Д.А. Медведев неоднократно заявлял, что национальные проекты без участия бизнеса реализовать невозможно. Нужно партнёрство государства и бизнеса.

Партнёрство государства и частного бизнеса позволяет привлечь дополнительные инвестиции в экономику государства, в сферу социально-экономического развития регионов, что актуально в условиях перехода России на инновационный путь развития.

Для нашей страны интересен опыт Нидерландов по организации процессов системного развития регионов. Этот опыт основан на использовании в планировании территориального развития принципа «снизу-вверх» («bottom-up»): муниципалитет – провинция – центральное правительство.

При таком подходе основная задача центрального правительства заключается в осуществлении функций общей координации и централизованного финансирования. На уровне регионов (провин-

ций) и муниципалитетов осуществляется руководство различными развивающими территорию проектами. В качестве основного механизма взаимодействия властных структур является выработка преимуществ для каждого участника процессов на основе достижения консенсуса.¹

В стратегическом планировании развития региона, федерального округа сегодня задача стоит так: за счёт налаживания работы государственно-частного партнёрства разработать комплекс проектов, объединённых в единую стратегию, которая позволит добиться определённых целей.

В настоящее время необходимо разработать и внедрить механизм функционирования государственно-частного партнёрства, когда государство задаёт правила игры, а частный бизнес, в случае совпадения интересов, вкладывает средства, которые, в конечном счёте, и возвратятся для бизнеса, и станут пополнением бюджетов разных уровней.

К сожалению, в настоящее время у российских муниципалитетов мало опыта по привлечению инвестиций.

Поэтому так необходимо привлечение бизнеса к управлению территориями и их экономическому подъёму, конкретные методические рекомендации муниципальным образованиям по привлечению инвестиций.

В современных условиях социально-экономическое развитие регионов является важной стратегической составляющей муниципального управления, наряду с административно-правовым регулированием и бюджетной (финансовой и инвестиционной) политикой. На практике разработка стратегии социально-экономического развития связана с составлением долгосрочного и краткосрочного плана развития территории.

¹ См.: Стратегическое планирование экономического развития: 35 лет канадского опыта / Под ред. Дж. Бэйтера, Б.С. Жихаревича, Н.А. Лебедевой. – СПб.: МЦСИ «Леонтьевский центр», 2004. – С. 25–26.

Современная российская деловая среда не является благоприятной для привлечения инвестиций в реальную экономику. Инвестиционные ресурсы распределяются между регионами крайне неравномерно, в основном концентрируясь в крупных мегаполисах

Популярным подходом к планированию социально-экономического развития регионов является *интерактивный*, заключающийся в вовлечении в процесс разработки программных документов всех потенциальных участников (стейкхолдеров), представляющих разные влиятельные группы (бизнес, образование, здравоохранение, сфера туризма и др.), интересы которых связаны с данным регионом. При таком подходе возрастает вероятность более полного удовлетворения корпоративных интересов различных социальных и профессиональных групп.

Следует отметить, что интерактивный подход к обеспечению социально-экономического развития регионов России представлен и в предложениях академика РАН В.М. Полтеровича.² По его мнению, в России имеется настоятельная потребность в создании института управления экономическим развитием, предусматривающего формирование системы интерактивного управления экономическим ростом на базе взаимодействия между государством, бизнесом и обществом. Базовыми принципами интерактивного планирования В.М. Полтерович считает:

– формирование планов развития на основе проектов модернизации отраслевых комплексов и территорий, разрабатываемых в процессе конструктивного диалога федеральных и региональных администраций, ассоциаций бизнеса и представителей гражданского общества;

– использование механизмов непрерывного, скользящего пла-

нирования, увязывающего задачи долго-, средне- и краткосрочного планирования;³

– достижение выполнения планов обеспечивается преимущественно за счёт рыночных стимулов и механизмов, а не за счёт административного принуждения и «челночной политики» высшего руководства страны;

– государство должно участвовать совместно с бизнесом не только в отборе и реализации проектов, но и в их инициации.

Руководство страны провозглашает, что эффективное взаимодействие государственной и муниципальной власти с частным бизнесом, основанное на достижении взаимных интересов, является одним из важнейших условий устойчивого социально-экономического развития городов, повышения инновационной и предпринимательской активности, развития инфраструктуры городского хозяйства.

Инвестиционная политика регионов в современных условиях должна строиться на таких принципах, как долгосрочность, равный доступ к ресурсам всех участников и доступность инфраструктуры.

Установлены государственные гарантии прав инвесторов, льготное налогообложение субъектов инвестиционной деятельности, снижение предусмотренных ставок за пользование землёй регионов и другими природными ресурсами, предоставление льгот по аренде объектов недвижимости, находящихся в государственной собственности, предоставление инвестиционных налоговых кредитов.

Однако хочется отметить нестабильность условий в связи с частыми изменениями в налоговом законодательстве и законах, ростом инфраструктурных ограничений и тарифов естественных монополий. Это общефедераль-

ные факторы, тормозящие реализацию подготовленных в регионах инвестиционных проектов. Причём рентабельность проектов в настоящее время более чувствительна к уровню базовых тарифов на услуги инфраструктурных монополий и к транспортным издержкам (которые постоянно растут), чем к ставкам налогообложения, как это было раньше. Это означает необходимость более жёсткого контроля со стороны государства за ростом тарифов естественных монополий.

Кроме того, отношения между «государством» и бизнесом не должны строиться на основе личного мнения конкретного чиновника и определяться сроком нахождения этого чиновника в своём кресле. При таких условиях бизнес-проекты подвержены непрогнозируемым рискам, связанным со сменой персоналий местной власти, и не могут иметь стабильную перспективу, что, безусловно, подрывает доверие частного бизнеса к власти и делает непривлекательным инвестирование общественно значимых программ в социальной сфере.

Многие перспективные инвестиционные предложения в регионах оказываются под угрозой срыва из-за недостатка готовых инвестиционных площадок, то есть дефицита энергоёмкостей, низкого качества дорожной сети, логистики, инженерных и телекоммуникаций. Снятие инфраструктурных ограничений экономического роста возможно только объединёнными усилиями всех уровней власти.

Таким образом, в настоящее время целесообразно обеспечить создание таких механизмов развития регионов и муниципальных образований, которые бы в максимальной степени способствовали интересам всех субъектов, заинтересованных в развитии территории.

² Стратегия модернизации российской экономики / Отв. ред. В.М. Полтерович – М.: Алетей, 2010.

³ В этой связи Полтерович В.М. справедливо критикует повальную моду на разного рода долгосрочные стратегии, большинство из которых не подкреплено обоснованными ресурсами и слабо увязаны с интересами бизнеса и местного сообщества.

ГЧП применяет инновационные методы: со стороны бизнеса капитал и управленческий потенциал при реализации проектов в соответствии с установленными временными рамками и бюджетом, в то время как государство оказывает позитивное воздействие на экономическое развитие и повышение качества жизни населения.

Инвесторам, заинтересованным в участии в проектах на основе государственно-частного партнёрства, необходима устойчивая и надёжная нормативная правовая база, то есть меньшее количество, простота и качество норм.

Внедрение государственно-частного партнёрства в России сталкивается с рядом проблем правового (отсутствие необходимой нормативной базы функционирования ГЧП), экономического (неразвитость рыночных отношений) и управленческого (слабое знакомство государственной бюрократии с принципами ГЧП и отсутствие у большинства чиновников профессиональной правовой подготовки для разработки соответствующих контрактов в данной области) характера.

В международной практике ГЧП – это партнёрство, основанное на конкретных обязательствах сторон, в которых должен быть соблюден баланс рисков и ответственности.

Каждый партнёр вносит свой вклад в общий проект. Бизнес обеспечивает финансовые ресурсы, профессиональный опыт, эффективное управление, гибкость и оперативность в принятии решений, способность к новаторству. Партнёры от бизнеса применяют наиболее эффективные методы работы, внедряют новую технику и технологии, создают новые формы организации производства, новые предприятия, в том числе с иностранным капиталом, налаживают эффективные кооперационные связи с поставщиками и подрядчиками. Бизнес использует новаторские идеи для

достижения поставленных государством задач.

Государство формирует частному инвестору техническое задание таким образом, чтобы предоставить ему возможность применить передовые технологии и улучшенные, как технические, так и управленческие, решения, и на основе которого он будет принимать работу по реализованному проекту. Таким образом, государство определяет услуги, которые необходимо предоставить, и желаемые результаты и обеспечивает полномочия бизнеса, возможность предоставления налоговых и иных льгот, гарантий, а также материальных и финансовых ресурсов. В ГЧП оно занимается исполнением своих основных функций – контролем, регулированием, соблюдением общественных интересов, сместив акценты в своей деятельности с конкретных проблем строительства и эксплуатации объектов на административно-контрольные функции. Общественная же значимость ГЧП заключается в том, что в итоге выигрывает общество как потребитель более качественных услуг.

Ограниченность государственного бюджета приводит к невозможности государства самостоятельно удовлетворять растущие потребности населения в услугах.

Государственно-частное партнёрство является эффективным механизмом привлечения долгосрочных инвестиций, направленных на развитие инновационных проектов и секторов экономики.

Переход на инновационный путь развития и модернизации страны связан с инвестициями в высокопрофессионального и инициативного специалиста в своей области.

В настоящее время изменяются функции государства и задачи, связанные с распространением и расширением влияния бизнеса на мировую экономику. Главным условием функционирования эффективной экономической политики, повышения инвестиционной и инновационной активности

в России – с учётом сложившихся обстоятельств и мировых тенденций – является развитие эффективных институтов взаимодействия власти и бизнеса.

Такое взаимодействие при участии бизнеса в разработке региональных стратегий позволит увеличить темпы роста ВВП, повысить эффективность бюджетного сектора экономики, снизить издержки всех уровней при реализации инфраструктурных проектов.

В современном понимании партнёрство государства и бизнеса представляет институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом, банками, международными финансовыми организациями и другими институтами в целях реализации общественно значимых проектов.

При этом государство выполняет свои социально значимые функции, связанные с общенациональными интересами, а бизнес является источником процесса инновационного развития и приращения общественного богатства.

Развивающееся партнёрство создаёт свои базовые модели финансирования, отношений собственности и методов управления. При этом рациональное использование государственного капитала предстаёт необходимым условием положительной динамики развития рыночной экономики.

Реализация курса на инновационное развитие страны и преодоление тенденций разрушения научно-производственного потенциала потребует серьёзного наращивания инвестиционной активности. Согласно расчётам академика Л.И. Абалкина, «для реальной модернизации экономики отечественные инвестиции в течение ближайших 15 лет должны расти примерно на 18% к предыдущему году. Такова первая и решающая предпосылка создания благоприятного инвестиционного климата».

Главным тормозом развития государственно-частного партнёрства в России являются проблемы

законодательной базы, неравноправие сторон в партнерстве и низкий уровень квалификации чиновников.

Государство в проектах ГЧП выступает или в роли всесильного начальника, принуждающего бизнес к участию в проекте на невыгодных условиях, либо в роли спонсора, обеспечивающего поступление бюджетных средств в аффилированные структуры.

Отсутствие политической стабильности, отсутствие стратегического целенаправленного подхода к планированию, краткосрочность государственного бюджетирования и распространённость практики изменений правил игры негативно сказываются на развитии ЧГП.

Согласно «Стратегии развития до 2020» Россия должна стать самой привлекательной для жизни страной. Известно, что общество без бедности возможно только на

основе единства целей, на основе всеобъемлющего честного и равноправного партнёрства государства и частного бизнеса, их консолидированных усилий в национальном курсе развития страны.

Государственно-частное партнёрство – важнейший инструмент для формирования новой экономики государства, способный ускорить пути национального развития и решать многие геополитические задачи.

Л.В. РЫЖИХ, кандидат экономических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения
L.Ryzyh, candidate of economic Sciences,
Saint-Petersburg state University of cinema and television

Источники финансирования учреждений молодёжного досуга Sources of financing youth leisure facilities

Аннотация: В статье рассмотрены источники финансирования учреждений подросткового и молодёжного досуга. Обозначены проблемы, возникающие от недостаточной законодательной проработанности форм их внебюджетной поддержки.

Abstract: This article describes the sources of financing institutions and adolescent youth recreation. The problems arising from the lack of legislative elaboration of forms of extra-budgetary support.

Ключевые слова: бюджетная классификация, внешкольные учреждения, финансовые показатели, смета расходов, молодёжный досуг, спонсорство, благотворительность, налогообложение, государственный и муниципальный бюджеты.

Keywords: budget classification, extracurricular institutions, financial performance, cost estimates, youth leisure, sponsorship, charity, taxation, state and municipal budgets.

Одним из важнейших условий функционирования и развития любого предприятия социально-культурной сферы, в частности учреждения внешкольного досуга, является его финансовое обеспечение, основанное на расчётах реальной потребности в финансовых ресурсах.

Процесс бюджетного финансирования государственных внешкольных учреждений начинается с планирования расходов на их содержание. Принятие новой бюджетной классификации РФ усложнило процесс составления расчётов на её основе, так как значительно возросло количество планируемых финансовых показателей [3].

Теперь обратимся к непосредственному финансированию. Учредитель берёт на себя обязательства по финансовому обеспечению деятельности учреждения в соответствии с утверждённой сметой расходов. Если организация не имеет самостоятельного расчётного счёта, то учредитель обязуется осуществлять финансово-бухгалтерское обслуживание его

деятельности через централизованную бухгалтерию.

В обязанности организаций внешкольного досуга молодёжи входят предоставление учредителю программы развития с обоснованием потребности в бюджетных средствах и объёмов предполагаемых поступлений из внебюджетных источников финансирования, а также расходование бюджетных средств по целевому назначению. Такая регламентация позволяет рассматриваемым учреждениям в пределах выделенных средств на оплату труда самостоятельно устанавливать штатное расписание и структуру управления, привлекать дополнительные источники финансирования и самостоятельно определять характер их направления. Поступление внебюджетных средств не должно являться основанием для сокращения бюджетных [3].

Традиционный способ финансирования молодёжных организаций внешкольного досуга заключается в том, что финансовые органы перечисляют средства на счета государственного органа

управления (комитет по делам семьи, детства и молодёжи, комитет по образованию), который называется главным распорядителем кредитов. Далее орган управления принимает решение о том, как эффективнее их использовать, по какому принципу распределить между учреждениями, какой организации и сколько перечислить, как проконтролировать целевое использование средств. Частично эта проблема решается путём открытия банковских счетов, предназначенных только для финансирования средств на оплату труда и начислений на неё. В этом случае распределение средств производится, исходя из удельного веса финансирования по отношению к утверждённой на данный период сумме [3].

Ещё с 1998 года начался поэтапный переход на казначейскую систему исполнения бюджета города. Выполнение этих функций возложено на управление казначейства в составе Комитета финансов. Суть этой системы состоит в том, что бюджетные ресурсы, за исключением средств для выпла-

ты заработной платы и получения наличных денег на хозяйственные расходы, поступают сразу со счёта Комитета финансов на счета поставщиков товаров и услуг, минуя счёт учреждения.

В качестве дополнительных, внебюджетных источников финансирования организаций внешкольного досуга можно рассматривать доходы от хозрасчётной деятельности, благотворительную помощь, меценатство и спонсорскую поддержку.

Основополагающими принципами хозяйственной деятельности современных социально-культурных объектов должны быть самокупаемость и самофинансирование (хозрасчётная деятельность). Самокупаемость предполагает, что предприятие социально-культурной сферы (клуб, подростковый центр, дворец творчества юных и т.д.) за счёт выручки, полученной в результате осуществления определённого вида деятельности, полностью возмещает свои издержки по разработке и реализации той или иной досуговой программы, включая и оказание различного рода рекреационных услуг. Самофинансирование означает, что все затраты предприятия социально-культурной сферы по оснащению и совершенствованию материально-технической базы, проведению всего комплекса социально-культурных мероприятий, включая и материальное поощрение занятых работников, осуществляются прежде всего за счёт заработанных средств [2]. Однако, в связи с тяжёлым положением организаций внешкольного досуга, самофинансирование для них не может являться надёжным источником поступления денежных средств и тем самым способствовать эффективному развитию их деятельности. В этом случае руководству таких учреждений будет целесообразно рассмотреть возможность внешнего привлечения финансовых ресурсов: помощь благотворительных организаций, меценатов и спонсоров.

Благотворительность – это оказание безвозмездной (или на льготных условиях) помощи тем, кто в этом нуждается. Помощь может быть выражена как в коллективных формах (благотворительные фонды, организации), так и в виде индивидуального меценатства. Следует отметить, что основной чертой благотворительности и меценатства является свободный и непринуждённый выбор формы, времени и места, а также содержания помощи [5].

Меценатство – как историческое и современное явление – входит в понятие благотворительности. Меценатство можно считать одной из форм благотворительности, причём настолько специфичной, что возникает необходимость специально выделить его как культурную категорию и законодательно закрепить.

Меценатство появилось в России в конце 18 века в виде собирания коллекций, покровительства искусству и наукам и т.д. Меценатство для нашей страны – давно забытое социально-экономическое явление, возрождение которого связано со сменой политического устройства. За многолетний период существования социалистического государства дореволюционный опыт меценатства был практически полностью утерян. Нынешнее состояние экономики таково, что предприятия и организации в экономическом плане не готовы к безвозмездному оказанию финансовой помощи. Для того чтобы нести такого рода финансовую нагрузку, предприятия и организации должны обладать сильным финансовым потенциалом, который позволял бы без ущерба для основного производства изымать достаточно крупные суммы из оборота для реализации различных социальных программ. Немногие отечественные предприятия в настоящее время способны похвастаться подобными финансовыми возможностями.

Отличительной чертой благотворительной помощи является

её временный характер и необязательность предоставления.

Спонсорство и благотворительность представляют собой добровольную, в большинстве случаев разовую помощь. Основной проблемой является отсутствие чёткого законодательного определения этих видов деятельности. Спонсорство – это не просто безвозмездная помощь, это особые экономические отношения, в которых каждая из сторон имеет определённые обязанности. В соответствии с Законом «О рекламе» под спонсорством понимается осуществление спонсором вклада в деятельность спонсируемого на условиях распространения рекламы о спонсоре, его товарах или услугах. Однако законодательное определение спонсорства как вида рекламной деятельности значительно усложняет взаимоотношения спонсоров со спонсируемыми: во-первых, эти взаимоотношения должны быть оформлены юридически сложным договором; во-вторых, спонсируемый в соответствии с гражданским законодательством должен иметь право заниматься рекламной деятельностью; в-третьих, спонсируемый автоматически приобретает обязанность по уплате НДС, налога на прибыль в части коммерческой деятельности, а также других налогов, связанных с оказанием услуг.

В настоящее время нет необходимости придумывать новый закон о меценатстве. Нужно внести изменения и дополнения в Закон «О благотворительности и благотворительных организациях». Закон должен чётко определить, как государство желает стимулировать благотворителей, какие налоговые и социальные льготы может обеспечить для них. При доработке закона следует учесть следующие основные моменты:

1. Понятие «налоговая льгота» достаточно условно, ведь на самом деле речь идёт о том, что если благотворитель уже пожертвовал государству в лице бюджетного учреждения сумму денег или иму-

щество, то государство не должно требовать с него дополнительной уплаты каких-либо сумм в виде налогов. На практике сталкиваются с тем, что государство отказывается от прямой пользы. Например, если организация-благотворитель дарит молодёжному центру внешнего досуга дорогой рояль для занятий детей в кружке хореографии, то за это государство только «наказывает» благотворителя – не снимает стоимость музыкального инструмента с его налогооблагаемой прибыли только за то, что он подарил именно рояль, а не внёс ту же сумму деньгами.

2. В законе нет социальных стимулов, то есть даже благотворители, внесшие самый выдающийся вклад, не получают званий, наград и увековечивания в памяти.

3. В законе отсутствует чёткое понимание того, что является для учреждения социально-культурной сферы основной деятельностью, а что – предпринимательской. К предпринимательской деятельности сегодня относится любая платная деятельность, то есть даже загородные экскурсии для подростков 14–16 лет и пожертвования на организацию экскурсионной работы, в связи с этим, могут быть не признаны благотворительными.

4. Закон не затрагивает вопрос о разделении полномочий в области благотворительности между федеральным уровнем и субъектами РФ. Такой положительный опыт уже имеется, например, в Москве, где существуют дополнительные налоговые льготы за помощь учреждениям социально-культурной сферы и за участие в определённых целевых программах. Усугубляет положение и Бюджетный кодекс РФ. Он рассматривает благотворительные взносы как составную часть доходов государственного бюджета. Но общеизвестно, что законодательство большинства зарубежных стран не признаёт благотворительным взнос в бюджет чужого государства, а это означает, что учрежде-

ния социально-культурной сферы лишаются возможности получать средства от многих зарубежных благотворителей [4].

Очевидно, спонсорская и благотворительная помощь в нынешние времена – важные, сложные и необходимые источники финансирования деятельности внешкольных досуговых учреждений, пренебрегать которыми ни в коем случае не стоит. Необходимо грамотно, учитывая особенности отечественного налогового законодательства, выстраивать чёткую линию поведения с предприятиями для того, чтобы процесс оказания финансовой поддержки стал наиболее эффективным.

Нынешний отечественный опыт благотворительных пожертвований со стороны корпораций можно в целом охарактеризовать как эпизодический и преимущественно адресный. Жертвователи хотят видеть наглядные результаты своего участия, и потому предпочитают оказывать поддержку непосредственно тем, кто в ней, по их мнению, действительно нуждается. Ограниченное участие или неучастие вообще в благотворительных акциях объясняется общей неустойчивой экономической ситуацией, требующей резервных средств; собственными ограниченными возможностями, неблагоприятной системой налогообложения. Серьёзным барьером остаётся недоверие к существующим благотворительным фондам, организациям, а также неуверенность в том, что переданные средства будут эффективно использованы и удастся достичь реальных результатов.

Тем не менее, зафиксировано общее одобрение благотворительной деятельности. Практика поддержки общественных начинаний представителями бизнеса считается возможной и правильной. Представители коммерческих структур готовы оказать поддержку программам, рассчитанным на основные социально уязвимые группы населения. Программы, связанные с борьбой с наркома-

нией и преступностью среди несовершеннолетних, экологические проекты, поддержка инвалидов и тяжелобольных, образовательные и развивающие программы для молодёжи в целом оцениваются положительно. Однако они требуют более детального разъяснения выдвигаемых целей, задач и ожидаемых результатов для того, чтобы снять возможное недоверие и скептицизм в их адрес.

На сегодняшний день во многих отечественных корпорациях практически отсутствует бюджет на благотворительные цели. Как правило, для пожертвований выделяются деньги из прибыли или из наличных незапланированных доходов. Суммы, которые потенциальные жертвователи готовы выделять, чаще определяются 5% от прибыли. Пожертвования, как правило, бывают разовыми и по преимуществу адресными в ответ на обращения о помощи. Небольшое число предприятий имеет относительно устоявшиеся контакты с заведениями, которым оказывают регулярную помощь. Так, помощь (как эпизодическая, так и регулярная) оказывается детским учреждениям (детским домам, приютам для беспризорников, домам малюток, школам творчества); церквям, домам престарелых, ветеранам войн, больницам, деятелям искусства; детскому творчеству и спорту. Некоторые предприятия оказывают не финансовую помощь, а бесплатно предоставляют свои услуги, имеющиеся в их распоряжении материальные ценности, товары.

На основании анализа рассмотренных выше способов дополнительного финансирования деятельности организаций молодёжного досуга можно сделать вывод о том, что такие способы привлечения денежных ресурсов не всегда подходят для государственных учреждений в силу разных причин. Несмотря на наличие разнообразных источников возможной финансовой поддержки молодёжных организаций, пробле-

ма недостатка средств остаётся сегодня одной из самых актуальных. Некоторые внебюджетные источники финансирования не доступны для предприятий молодёжного досуга. Часто причиной этому является недостаточная информация об учреждении. В частности, практика показывает, что спонсоры оказывают поддержку в основном крупным, широко известным предприятиям и организациям.

В связи с этим учреждениям подобного профиля, в основном, приходится ограничиваться средствами государственного и муниципального бюджетов. Возможным инструментом решения задач оптимизации процесса финансирования молодёжных досуговых учреждений может стать применение методов математического моделирования социально-экономических систем, которые позволяют рационально использовать имеющиеся в распоряжении ресурсы.

***P.S.** Зарубежный опыт: В Германии основным инструментом развития национальной детской и молодёжной политики является Федеральный фонд детей и моло-*

дёжи, созданный как организация свободного управления. Для финансовой поддержки работы в области внешкольного досуга в распоряжении фонда ежегодно имеется около 150 млн евро. Порядок распределения средств по отдельным программам каждый год публикуется вместе с федеральным бюджетом. Необходимо создать такой фонд в России (для начала, может быть, на городском или районном уровне). В связи с этим должен быть разработан и принят специальный закон, в соответствии с которым будут определены конкретные источники финансирования этого фонда: средства бюджетов различных уровней, какие-либо отчисления, спонсорская поддержка и т.д.

Также важно отметить, что помощь детям и молодёжи в ФРГ определяется совместной работой негосударственных и государственных организаций, то есть общественным участием, с одной стороны, и деятельностью специальных ведомств по делам молодёжи, с другой. Подростки могут выбрать предложения организаций по интересующим их направлениям творческого досуга, поэтому государство не только признаёт

негосударственные объединения идейно, но и поддерживает их финансовыми средствами (федеральные средства предоставляются в распоряжение негосударственных организаций в форме ассигнований).

В России этого нет, хотя в случае создания фонда, о котором говорилось выше, эта практика могла бы получить распространение. Конечно же, по опыту ФРГ можно сказать, что уровень экономического развития любого государства определяет возможности финансирования различных отраслей и сфер, в том числе молодёжной политики. Ни для кого не секрет, что уровень экономического развития России значительно ниже, чем в других развитых странах, где не только значительна государственная финансовая поддержка работы с молодёжью, но и широко распространено спонсорство, меценатство. В России на сегодняшний день огромное количество других социальных задач, которые также требуют безотлагательного решения, поэтому наша задача свелась к оптимизации распределения ограниченных бюджетом ресурсов.

Литература:

1. Алексеева А.Е., Горшкова И.Д. // Благотворительность в России. – СПб., 2006. – С. 185–219.
2. Бабич А.М., Егоров Е.В. Экономика и финансирование социально-культурной сферы. – Казань, 2008. – 80 с.
3. Быстрова З.В. Система дополнительного образования: развитие и опыт // Серия РОСТ. – 2005. № 30. – С. 36–39.
4. Смирнова Е.В. Благотворительность как социально-экономический феномен // Благотворительность в России. – СПб., 2007. – С. 374–382.
5. Шекова Е.А. Развитие благотворительной деятельности в сфере культуры России: основные проблемы // Благотворительность в России. – СПб., 2007. – С. 411–428.

Т.В. ЛЕДОВСКАЯ, Санкт-Петербург
T. Ledovskaia, Sankt-Peterburg

Рекламная политика в киноиндустрии Advertising policy in the film industry

Аннотация: В фильмопроизводстве, кинопрокате реклама имеет свои специфические особенности и действует по замкнутому циклу: от рождения идеи о создании фильма до завершения проката, то есть работает в течение многих лет. В статье даётся обзор и оценка эффективности PR-технологий, используемых для подготовки и поддержания коммерческого успеха фильма.

Abstract: In film production, film distribution advertising has its own specific features and acts in a closed cycle: from the birth of the idea of making the film prior to the completion of hire, that is working for many years. The article provides an overview and assessment of the effectiveness of PR-technologies used to prepare and maintain the commercial success of the film.

Ключевые слова: киноиндустрия, PR-технологии, реклама, сценарий, режиссёр, продюсер, коммерческий успех, бюджет фильма, кинопрокат, зрительская аудитория, имидж, средства массовой информации.

Keywords: film industry, PR-Technologies, advertising, script, director, producer, commercial success, budget film, film distribution, viewership, image media.

Любая организация в условиях рыночной экономики вынуждена бороться за своего конкретного потребителя. Для того чтобы успешнее реализовать эту цель, организации используют различные маркетинговые технологии. Организации культуры также участвуют в этом процессе, предлагая на рынок свой продукт – произведение искусства или услугу по его потреблению.

В настоящее время производители фильмов уже на этапе производства задумываются над необходимостью рекламной поддержки проекта. Для продвижения фильмов используются все каналы распространения рекламы. При этом затраты на рекламу могут составлять очень значительную часть от стоимости производства всей картины.

Продвижение складывается из трёх блоков деятельности, каждый из которых использует свои специфические технологии и предлагает свой специфический профессионализм: реклама, коммуникации и стимулирование продаж.

Известный американский маркетолог Филипп Котлер даёт следующее определение рекла-

мы: «Реклама представляет собой наличие формы коммуникации, осуществляемые через посредство платных средств распространения информации, с чётко указанным источником финансирования».

В фильмопроизводстве, кинопрокате реклама имеет свои специфические особенности и действует по замкнутому циклу: от рождения идеи о создании фильма до завершения проката, то есть работает в течение многих лет. Она имеет три основные цели.

1. Осведомлять потенциальных кинозрителей о существовании фильма.

2. Обеспечивать аудиторию всей интересующей её информацией о фильме, в том числе сообщать о качествах, делающих конкретный фильм особенным, отличающимся от других.

3. Убеждать аудиторию в необходимости посмотреть именно этот фильм.

Хорошие результаты проката фильма, а следовательно, и прибыль можно получить, используя все эти три основополагающих принципа. Но и этого недостаточно. Необходима прочная финансовая основа рекламной кампании.

Рекламная информация может доводиться до адресатов с помощью различных средств массовой информации: телевидения, радио, печати и др. При этом используются разнообразные средства рекламы, которые отличаются друг от друга своими составными элементами, особенностями применения и распространения, массовостью и эффективностью воздействия на адресатов.

Рассмотрим некоторые рекламные средства и способы их применения.

Реклама в прессе включает в себя самые различные рекламные материалы, опубликованные в периодической печати. Их можно условно разделить на две основные группы: рекламные объявления и публикации обзорного характера, к которым относятся различные статьи, репортажи, обзоры, несущие иногда прямую, а иногда и косвенную рекламу.

Рекламное объявление – платное. Это размещённое в периодической печати рекламное сообщение.

Статьи и другие публикации обзорно-рекламного характера представляют собой, как правило, редакционный материал, напи-

санный в форме обзора о деятельности предприятия или в форме интервью с его руководителями, деловыми партнёрами и потребителями.

Для публикаций рекламных объявлений и статей обзорно-рекламного характера используют такие виды периодических изданий, как газеты, журналы и тому подобное.

Печатная реклама – одно из основных средств рекламы, рассчитанное исключительно на зрительное восприятие.

Всю гамму печатных рекламных материалов можно подразделить на две основные группы: рекламно-каталожные издания и рекламно-подарочные издания.

Рекламно-каталожные издания рекламируют фильмы конкретных дистрибьюторов или сами кинотеатры и их репертуар на какой-то определённый период.

Каталог – сброшюрованное или переплетённое печатное издание, содержащее систематизированный перечень большого числа фильмов; составленное в определённом порядке; иллюстрированное фотографиями из фильмов; в текстовой части, как правило, в начале, даётся небольшая вводная статья о прокатчике, далее идут названия фильмов с кратким содержанием сюжета, фамилиями режиссёров и актёров, участвующих в фильме. Объёмное издание, рассчитанное на длительное использование (например, на год).

Проспект – сброшюрованное или переплетённое печатное издание, информирующее о каком-либо конкретном фильме или о кинотеатре.

Буклет – в отличие от каталога и проспекта не сброшюрованное, а многократно сфальцованное издание (сложенное в «гармошку»). Является недорогим и экономичным изданием, изготавливаемым большими тиражами и рассчитанным на кратковременное использование.

Плакат – крупноформатное издание, в большинстве случаев с

односторонней печатью. Большая рисованная или фотографическая иллюстрация сопровождается рекламным заголовком – названием фильма с фамилиями режиссёров и актёров.

Листовка – малоформатное издание, выпускаемое – в силу своей экономичности – большим тиражом. Содержит обычно одну или две иллюстрации рекламируемого фильма, название фильма с фамилиями режиссёров и актёров.

Рекламно-подарочные издания являются очень эффективным видом печатных рекламных материалов, так как обладают чрезвычайно высокой проникающей способностью. К ним относятся карманные, фирменные настенные и настольные календари, записные книжки, блокноты и другие носители рекламы фильма.

Аудиовизуальная реклама включает в себя рекламные кинофильмы, видеofilmы и слайдфильмы.

Рекламные ролики – короткие рекламные фильмы продолжительностью от 15 секунд до нескольких минут, рассчитанные на показ широким слоям населения, рекламирующие фильмы или кинотеатры. Могут быть показаны в кинотеатрах перед сеансами других фильмов, по телевидению, на выставках, ярмарках, презентациях, пресс-конференциях, кинорынках.

Радио- и телереклама являются, пожалуй, самыми массовыми по охвату потребителей. Несмотря на довольно короткий период своего существования, они конкурируют с другими средствами рекламы, постоянно развиваясь и совершенствуясь.

Среди самых распространённых видов телевизионной рекламы можно выделить телевизионные рекламные ролики, телевизионные рекламные объявления, рекламные телерепортажи и телепередачи, рекламные телезаставки в перерывах между передачами.

Телеролики – это рекламные кино- или видеоролики продол-

жительностью от нескольких секунд до 2–3 минут, демонстрируемые по телевидению. Очень часто такие рекламные ролики могут периодически включаться в различные популярные, художественные и публицистические передачи и программы. В зарубежной и отечественной практике ими прерывают художественные фильмы в самые острые моменты.

Телеобъявления – рекламная информация, читаемая диктором.

Рекламные телепередачи – передачи, рассказывающие о фильмах, которые вышли на экраны страны и в каких кинотеатрах города их можно посмотреть; такие как «Смотри кино» и «Большой экран» на СТС, «Большой киночарт» на MTV, где своё мнение о фильмах высказывают режиссёры, продюсеры, снимающиеся в них актёры и другие.

Телезаставки – транслируемые в сопровождении дикторского текста и музыки различные неподвижные рисованные или фотографические рекламные сюжеты, которыми заполняют паузы между различными телепередачами.

Что касается телерекламы, то это средство при всех его преимуществах (массовый охват аудитории, оперативность, эффект присутствия и участия) является достаточно дорогим и имеет тенденцию к росту расценок.

Наружная реклама рассчитана на восприятие широкими слоями населения. Среди многообразия видов наружной рекламы можно выделить различные рекламные щиты, афиши, транспаранты, световые вывески, электронные табло и экраны.

Компьютеризированная реклама – принципиально новое средство распространения рекламы. Кроме того, компьютеризация традиционных средств рекламы внесла много нового в подготовку и проведение рекламных кампаний, существенно повысив их эффективность.

Наиболее распространённой и эффективной формой компью-

теризированной рекламы в настоящее время является интернет-реклама.

Первое звено интернет-рекламы – внешняя реклама. К внешней рекламе относятся:

- баннерная реклама – одно из наиболее широко используемых средств web-сайта и привлечения посетителей, а также хороший инструмент имиджевой рекламы;

- регистрация сайта в web-каталогах и индексация сайта поисковыми системами, оба эти инструмента являются одними из наиболее эффективных для привлечения посетителей на web-сайт;

- реклама с использованием электронной почты, а также основанных на её механизмах службах интернета – списков рассылки и дискуссионных листов.

Вторым (и центральным) рекламным звеном является web-сайт – вся информация и услуги, которые пользователь получает после взаимодействия с внешней рекламой, размещаются именно на нём.

При грамотной стратегии, включающей в себя представление фильма на фестивале, презентации на кинорынках, акции при участии звёзд шоу-бизнеса, можно сделать картине хороший паблик рилейшнз.

Мероприятия паблик рилейшнз (формирование благоприятного общественного мнения) – комплекс мероприятий, направленных на создание хорошего отношения широких слоев общественности к фильму или организации-рекламодателю.

Основная задача мероприятий паблик рилейшнз – создание фильму и организации-рекламодателю высокого престижа, благоприятного образа, положительной оценки и доверия общественности к её продукции. Конечной целью всего этого является стимулирование интереса к представляемой картине или к организации-рекламодателю.

Хорошим примером роли мероприятий паблик рилейшнз яв-

ляется маркетинг американского фильма «Ведьма из Блэра». Фильм, съёмки которого обошлись – по официальным данным – в 40 тыс. долл., принёс только в одном американском прокате 140 млн., став самым рентабельным за всю историю кино. Однако при мизерных затратах на производство фильма на его раскрутку было вложено 15 млн. долл. Для начала публику убедили в легендарности ведьмы. Была придумана и растиражирована через интернет двухсотлетняя история её кровавых злодеяний. Был сфабрикован документальный фильм о ней, будто бы снятый в конце 1940-х гг. Отдельной книгой был опубликован дневник пропавшей героини. И лишь когда фильм заработал вполне достаточно денег, публике дали понять, что речь идёт о мистификации. Без этой пиаровской мифологии (например, в России) этот весьма средний фильм в прокате воспринимался совершенно иначе.

С помощью рекламы фильм начинает жить своей жизнью ещё на стадии производства. Задолго до релиза вокруг проекта создаётся определённое информационное поле, зона действия которого распространяется как на потенциальных зрителей, так и на профессионалов, которые будут принимать самое непосредственное участие в реализации продукта. Активное освещение проекта прессой и телевидением упрощает процесс достижения соглашения с дистрибьютором и дальнейшую работу дистрибьютора с проектом. При грамотной стратегии, включающей в себя представление фильма на фестивале, презентации на кинорынках, акции при участии звёзд шоу-бизнеса, можно сделать картине хороший PR.

В рекламные агентства подаются заявки, где оговаривается необходимый объём рекламы и график её распространения. Агентства согласно этим заявкам точно определяют ход рекламной кампании и выставляют стоимость своих

услуг. Таким образом составляется совместный медиаплан.

В стратегии продвижения фильма можно выделить несколько составляющих: PR-кампания, промо-кампания и медийная кампания.

PR-кампания – это комплексная программа коммуникации с целевыми аудиториями, направленная на достижение определённого результата. Такая программа осуществляется в строго определённый период времени и традиционно состоит из четырёх основных этапов: исследование (оценка текущего состояния), планирование, реализация и оценка результатов. Эффективность PR-кампании во многом зависит от качества проработки каждого из этих этапов, ни один из которых нельзя считать второстепенным. Для достижения результата необходимо правильно сформулировать цели, а также выявить те группы общественного мнения, от которых зависит их достижение и с которыми будет вестись работа во время PR-кампании.

На начальном этапе рекламной кампании необходимо определиться с целевой аудиторией, выстроить имидж картины, привлечь внимание зрителей, заявить о себе на кинорынке, заключить выгодный контракт с дистрибьютором.

PR-кампанию надо начинать на стадии съёмочного периода и постпродакшн. Съёмки – наилучший повод для привлечения СМИ. Необходимо вступить в контакт с представителями СМИ, провести пресс-конференцию с участием звёзд, организовать для участников кинорынка – дистрибьюторов – вечеринку и несколько промо-мероприятий, посвящённых запуску фильма.

Расходы на промо и пиар на ранних стадиях работы над картиной обычно включаются в производственный бюджет. Они составляют обычно 10–15% от общего рекламного бюджета.

Промоушн (от англ. promotion – продвижение, развитие) – про-

движение товара или услуги на рынок, включающее рекламу, PR, информирование потребителя о его качествах, стимулирование сбыта уже известной продукции и личная продажа.

Промо-кампании – это проведение различных промо-акций и рекламных мероприятий.

Цель промо-акций в том, чтобы проинформировать зрителя о существовании фильма. Основной плюс от проведения промо-акции – это непосредственный контакт с потенциальным потребителем. В условиях жёсткой конкуренции и перенасыщения рынка однотипными товарами и предложениями услуг важно быть оригинальными и запоминающимися.

Промо-кампании проходят в два этапа: на стадии съёмочного периода и незадолго до выхода фильма в широкий прокат. В первом случае промо-кампания обычно является частью PR-кампании и решает те же цели и задачи.

Сегодня популярны такие акции, как «Последний съёмочный день» или «День последнего монтажа», которые делаются специально, на которые принято приглашать редакторов модных журналов, фотокорреспондентов светской хроники, ведущих популярных телепрограмм, дистрибьюторов, директоров по репертуару крупных киносетей и кинотеатров.

Релиз картины назначается через 2–3 месяца после проведения таких мероприятий. Оплата из производственного бюджета картины (5–10% от стоимости рекламного бюджета).

Предпремьерная промо-кампания проводится за полтора месяца, в крайнем случае – не менее чем за три недели до официальной даты релиза картины. «Тизерную» кампанию можно запускать и на более раннем сроке.

Цель промо-кампании на этом этапе – «обработка» массовой аудитории: промо-акции в этом случае провоцируют распространение так называемого «вирусного маркетинга» – массовой реакции

на происходящие события в сети, а при удачном стечении обстоятельств – в прессе и на телевидении.

Медийная реклама – один из эффективных видов рекламы в рунете. Медийная интернет-реклама выполняет множество важных функций: привлекает посетителей на сайт, способствует формированию имиджа кинопроекта, обеспечивает узнаваемость фильма.

Медийная реклама представляет собой размещение графических и текстовых блоков (баннеров) на крупнейших тематических порталах, посещаемых потенциальными зрителями. Она обеспечивает широкий охват целевой аудитории, располагает широким набором рекламных носителей: от текстографического блока до видеоролика.

Медийная рекламная кампания схожа с телевизионной по воздействию и эффективности. Именно поэтому она требует тщательного планирования и подготовки.

В отличие от контекста баннерная реклама несёт не только информационную и/или продающую, но и сильную имиджевую составляющую. Её главное преимущество – возможность воздействия на широкую целевую аудиторию с помощью визуальных образов.

Рекламу следует запускать за 3 недели до выпуска картины в кинопрокат. Трейлеры запускают и раньше, как правило, не менее чем за 2 месяца.

Цель рекламы – донести до массового зрителя информацию о фильме и его достоинствах. Создать такое информационное поле, при котором частота контактов у представителей целевой аудитории с фильмом будет максимальной. Необходимо определить потенциал данной картины и соответственно выбрать наиболее оптимальный график и средства размещения рекламы.

В России сложилась традиция основную часть рекламного бюджета пускать в «эфир». Обыч-

но для этих целей используется канал-партнёр – один из трёх главных телеканалов страны: «Первый», «Россия», «НТВ», который не только предоставит скидки на размещение рекламы, но и поможет информационной поддержкой. Дополнительный канал – СТС или ТНТ, а также один из музыкальных каналов – MTV или Муз-ТВ.

На втором месте в национальном рейтинге популярности медийных носителей для «раскрутки» фильмов – наружная реклама. Брандмауэры – это рекламные щиты большого размера, которые размещаются на фасадах зданий, чрезвычайно эффективны, но и стоят соответствующе.

Чаще всего реклама фильма размещается на билбордах вдоль основных магистралей города. Растяжки пользуются меньшим спросом: в большинстве случаев название фильма не привлечёт внимание зрителей, если это, конечно, не «Звёздные войны» или «Терминатор».

Распределение бюджета среди рекламных носителей: 30–40% медийного бюджета идёт на телеканалы (а с учётом бартерного размещения – все 40–50%), 20–25% – на наружное размещение, 15–20% – на радио. Оставшиеся средства распределяют между интернетом и прессой (модульная реклама).

Оплачивают рекламу либо продюсеры, либо дистрибьюторы, либо и те и другие. Кроме того, частичное размещение рекламы могут финансировать компании-партнёры в рамках договоренности по cross promotion. Стоимость рекламы зависит от объёмов заказов и личных контактов.

Если дистрибьютор на 99% уверен в качестве своего фильма, можно попробовать излюбленный на Западе метод – показать VIPам ленту за одну или две недели до официального релиза. Здесь используется эффект «сарафанного радио». Если первым зрителям понравится кинокартина, то они посоветуют посмотреть её своим знакомым, а знакомые – своим зна-

комым и т.д. Однако при малейших сомнениях лучше не рисковать.

Для премьеры выбирается кинотеатр (центральный), продумывается дизайн пригласительных билетов, составляется список гостей. Собираются члены съёмочной группы. Организовывается лёгкий фуршет.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что существует множество средств рекламы, вы-

бор которых зависит от многих факторов, таких как цель рекламы, бюджет и т.д.

Немаловажные факторы для маркетинговой стратегии в продвижении фильма – сезонность, жанр. От этих факторов непосредственно зависят сборы от проката картины, поэтому необходимо выбрать соответствующие виды рекламных носителей.

У нас считается лучшим вре-

менем премьеры картины: праздники, новогодние каникулы, либо осень и весна. Летом, как правило, люди уезжают на дачи и в отпуска, поэтому посещаемость падает.

Безусловно, учитывается конкуренция среди других фильмов, выходящих в этот период. Не стоит назначать релиз одновременно с другими блокбасторами, которые заведомо перетянут на себя большую часть аудитории.

Литература:

1. Данилина П. Куда уходят деньги // Action! – 2005. № 8 (10) сентябрь.
2. Колбер Ф. при участии Ж. Нантеля, С. Билодо и Дж. Рича. Маркетинг культуры и искусства. – СПб.: Арт-Пресс, 2004.
3. Основы продюсерства. Аудиовизуальная сфера: Учеб. для вузов / Под ред. Г.П. Иванова, П.К. Огурчикова, В.И. Сидоренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
4. Тульчинский Г.Л. Менеджмент в сфере культуры. – СПб.: Лань, 2001.

Н.А. КОВТУН, аспирант НОИР
N. Kovtun, graduate student NOIR

Модель ресурсного обеспечения дискретного производственного участка по изготовлению продукции

Model resource support discrete manufacturing site for the production of products

Аннотация: Статья посвящена вопросам моделирования экономических ситуаций для решения управленческих задач в машиностроительной отрасли.

Abstract: The article is devoted to modeling economic situations for solving management problems in the engineering industry.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, модель, управление дискретным производственным подразделением, алгоритмы принятия решения.

Keywords: economic activity, model, control of discrete production unit, decision algorithm.

Особенностью развития современного общества является сложный процесс рыночной экономики, характеризующийся изменением и быстрой сменяемостью условий хозяйственной деятельности, с предъявлением новых высоких требований к методам планирования. Моделирование экономических ситуаций позволяет автоматизировать выбор и обработку первичной информации, выделить основные параметры, рассчитать различные варианты деятельности, определить целесообразную эффективность. На основе данных моделирования принимаются решения по управлению деятельностью предприятия или его составных элементов (цехов, участков). Модель конструируется субъектом управления для отображения характеристик объекта с установлением свойств, взаимосвязей структурных и функциональных параметров для поставленной цели. Конструирование модели ресурсного обеспечения дискретного производственного участка по изготовлению продукции осуществляется путём изучения и выделения его

существенных характеристик, сопоставления результатов с данными об объекте и корректировки модели при необходимости. Модели воспроизводят наиболее важные параметры исходного производственного объекта и позволяют выявить существенные факторы, ответственные за свойства изучаемых объектов.

Решение проблемы управления дискретными производственными подразделениями с частой сменяемостью продукции является весьма актуальным для машиностроения, где основная доля продукции – до 75% – производится единичными и малыми партиями запуска, при этом основное технологическое время не превышает 20% рабочего времени оборудования и годового времени (S).

Сложность решения задач управления заключается в частой перестройке и переналадке оборудования, в т.ч. оборудования с числовым программным управлением (ЧПУ), а также в принципиально новых формах организации производства и оперативного управления дискретными производственным цехом или участком.

Эти исходные условия обязывают принимать компетентные решения по критериям эффективности управления производственными процессами. Актуальность проблемы функционирования производственного цеха или участка определяется сложностью управленческих решений, являющихся составной частью общей системы управления с множественной структурой на разных ступенях управления. Управленческие решения обладают специфическими свойствами, возникающими от внешних и внутренних воздействий на динамический производственный процесс. Специфические свойства управляемости дискретным производственным участком реализуются с помощью динамических систем управления, обладающих свойством адаптации к изменению состояния производства на основе определяющих алгоритмов принятия решений в реальном масштабе времени.

Данный материал является результатом разработки и исследования модели ресурсного обеспечения по оперативному управлению дискретными производственными

подразделениями с использованием алгоритмов принятия решения, построенных на основе структурных схем и имитационного моделирования. Критерием результативности функционирования служат показатели оценки качества выпуска продукции на основе воздействия системы управления на элементы объекта.

При рассмотрении производственного процесса, как объекта управления, в качестве управляемых параметров используются: объём $N(t)$ и темп выпуска $N^0(t) = dN/dt$ продукции. Для воздействия на эти параметры управленческих решений применяются изменяемые характеристики: уровень темпа расходов ресурсов и перераспределения их. В системе оперативного управления производственным подразделением (цехом, участком, линией) решающее значение на динамику процесса управления оказывают три вида ресурсов: материальные ресурсы, ресурсы оборудования и трудовые ресурсы в заданных пропорциях. Пропорции определяются через коэффициент по долевого участию вида ресурса в выпуске продукции с учётом вида изделий.

На производственный процесс, как объект управления, действуют возмущающие силы $f(t)$, приводящие к изменению данных пропорций в дискретном производстве: выпуск продукции $N(t)$ и темп выпуска $N^0(t)$, которые являются функциями многих переменных

$$N(t) = F(R_1(t), \dots, R_n(t), U_1(t), \dots, U_m(t), f_1(t), \dots, f_k(t), t); \quad (1)$$

$$N^0(t) = \varphi(R'_1(t), \dots, R'_n(t), U_1(t), \dots, U_m(t), f_1(t), \dots, f_k(t), t), \quad (2)$$

где $R_i(t)$ – объём ресурсов i -ого вида, $R'_i(t)$ – расход ресурсов i -ого вида, $U(t)$ – управляющее воздействие, n – количество ресурсов в производственном процессе, m – количество возможных управлений, $f_k(t)$ – возмущение, действующее на производство.

Управляющее воздействие U_j есть функция, определяемая рядом переменных возмущающих сил $f_i(t)$, приведённых к входу опе-

ративного управления. Они эквивалентны определённому расходу ресурсов, а также характеризуются наличием отклонений $E_n(t)$ в объёмах выпуска продукции

$$U(t) = U[E_N(t), f_i(t)], \quad (3)$$

где $E_N(t) = N^0(t) - N(t)$, $N^0(t)$ – заданные значения управляемого параметра.

В представленной функции имеются две группы отклонений возмущающих сил:

1) связанные с изменениями структуры объекта управления вследствие выхода из строя одной из её составляющих элементов ресурса;

2) связанные с появлением новых перспектив развития производственной системы с перераспределением видов ресурсов, например, включения «обрабатывающих центров» или групповых перестраиваемых автоматических линий.

Структура оперативного управления определяется числом групп оборудования (i), числом взаимосвязанных единиц оборудования (j), числом технологических переходов (выполняемых на конкретных единицах оборудования). Всё вышеизложенное является исходной составляющей процесса функционирования дискретного производственного участка по изготовлению продукции.

Для построения математической модели вводятся следующие количественные характеристики объекта управления:

– N – число последовательно соединённых групп оборудования;
– множество $N_i = \{n_i\}$, $i=1, 2, \dots$, N_i – число единиц технологического оборудования.

Под математической моделью абстрактной производственной системы (участка, цеха) понимается описание процесса её функционирования во времени с помощью графа возможных состояний Γ_s (графа технологических операций), дополненного временным графом Γ_v и ресурсным Γ_p графом. Тогда граф Γ_{ps} производственной системы представляет собой совокупность (набор) графов, изо-

морфных по структуре, определяемых множеством вершин V^r , отражающих элементный состав системы и множество дуг D^r , показывающих связи между ними

$$\Gamma_{ps} = \{ \Gamma_s, \Gamma_v, \Gamma_p \}, \quad (4)$$

где $\Gamma_p = \{ V^r, D^r \}$.

Структура графа зависит от структуры S_{tr} производственной системы (t – основная временная составляющая, r – ресурсная составляющая), а его вершины и дуги определены с помощью множеств, отражающих его функциональные F_u , временные (T) характеристики, а также характеристики (R_s) ресурсов. Следовательно, производственный процесс обработки продукции (деталей) в рамках одного вида (при одноименклатурном производстве) можно описать как структуру, наделённую совокупностью данных характеристик

$$P_s = S_{tr}(F_u, T, R_s). \quad (5)$$

Структура производственной системы определяется с помощью множеств, характеризующих её элементную (N, N_i) и технологическую (M) структуру

$$S_{tr} = \{ N, N_i, M \}. \quad (6)$$

К функциональным характеристикам системы отнесены характеристики состояний производственного процесса – множества Z, Y, Z_i, Y_i, \dots, S , а также характеристики P основных технологических операций и R пространственные характеристики вспомогательных операций. Тогда F_u представляет собой набор множеств

$$F_u = \{ Z, Y, \dots, S, P, R, X \}. \quad (7)$$

Временная характеристика T производственного процесса есть совокупность множеств, определяющих длительность технологических операций

$$T = \{ T_p, T_r, T_x, \dots, T_{xyz} \}. \quad (8)$$

В качестве характеристик ресурсов, обеспечивающих процесс производства продукции, рассматривается объём R_i и расход ресурсов dR_i/dt по их видам, или объём Q и расход Q' обобщённого ресурса – характеристика ресурсов, участвующих в производственном процессе на производственных участках.

Наложение временных характеристик технологических операций при построении временного графа Γ_v производственного процесса состояний рассматривается в качестве базисного. Он позволяет построить временной граф производственного процесса, который является изоморфным по базисной структуре. На графе состояний вершины отображают возможные состояния элементов в процессе её функционирования, а дуги графа представляют собой переходы из одного состояния в другое. Поскольку вершины описаны с помощью множества событий, граф состояний принято называть событийным графом.

Вершины временного графа определяют время наступления событий, иначе – время перехода элемента производственной системы в новое состояние, а дуги графа есть длительности переходов из одного возможного состояния в другое. Вершины графа описаны с помощью элементов множеств. Множество $T(Z)=\{\tau(Z_i)\}$ определяет времена начала событий запуска составных частей продукции (деталей) в производственный процесс. Множество $T(Z_i)=\{\tau(Z'_{ij})\}$ – это времена наступления событий начала обработки на оборудовании. Элементы $\tau(Z'_{ij})$ описывают времена начала выполнения технологических переходов.

Множествам $T(Z)$, $T(Z_1)$ и $T(Z_2)$ времён начала обработки (1) поставлены в соответствие множества $T(Y)=\{\tau(y_i)\}$, $T(Y_1)=\{\tau(y'_{ij})\}$ и $T(Y_2)=\{\tau(y''_{ijk})\}$ времён окончания обработки (2). Вершины $T(S)=\{\tau(S_i)\}$ определяют множество времён наступления событий помещения продукции (деталей) на хранение. Продолжительность перехода производственного процесса из одного состояния в другое (время выполнения технологических или вспомогательных операций) определяется как длина дуги графа с помощью множеств $T_p=\{t(p_{ijk})\}$, $T_z=\{t(x_i)\}$, $T_{yh}=\{t(x''_{ij})\}$, $T_{yk}=\{t(x''_{jk})\}$, $T_p=\{t(x''_{ijk})\}$, $T_{xs}=\{t(x_i^{sz})\}$ и $T_p=\{t(x_i^s)\}$. Тогда время изготовле-

ния продукции (детали) составляет как сумма времён выполнения заданного множества технологических операций, определяемой длиной пути на графе. Длина пути складывается из длин дуг графа, связывающих вершины $\tau(z_i)$ и $\tau(y_i)$, $i=1, \dots, N$ в соответствии с технологическими маршрутами обработки продукции (детали). При разных вариантах маршрута технологических операций для каждого из V возможных вариантов обработки вычисляется длина $L_k(T)$ пути, $k=1, \dots, V$.

Функционирование производственной системы как процесса выполнения множества $R=(z_{ij})$, $i=1, \dots, N$, $j=1, \dots, n_j$ возможно при обеспечении их необходимыми ресурсами. Ресурсный граф Γ_r образуется совмещением ресурсных R_s характеристик с графом Γ_s возможных состояний системы, выступающим в роли базисного.

Если вершины графа состояний отображают возможные состояния элементов производственной системы в процессе её функционирования, то вершины ресурсного графа отображают возможные состояния ресурсов, которые должна иметь система, находясь в данных состояниях. В свою очередь дуги графа Γ_s есть переходы из одного состояния в другое, определяемые множествами R основных и вспомогательных операций, а дуги графа ресурсов Γ_r есть ресурсы, обеспечивающие эти переходы.

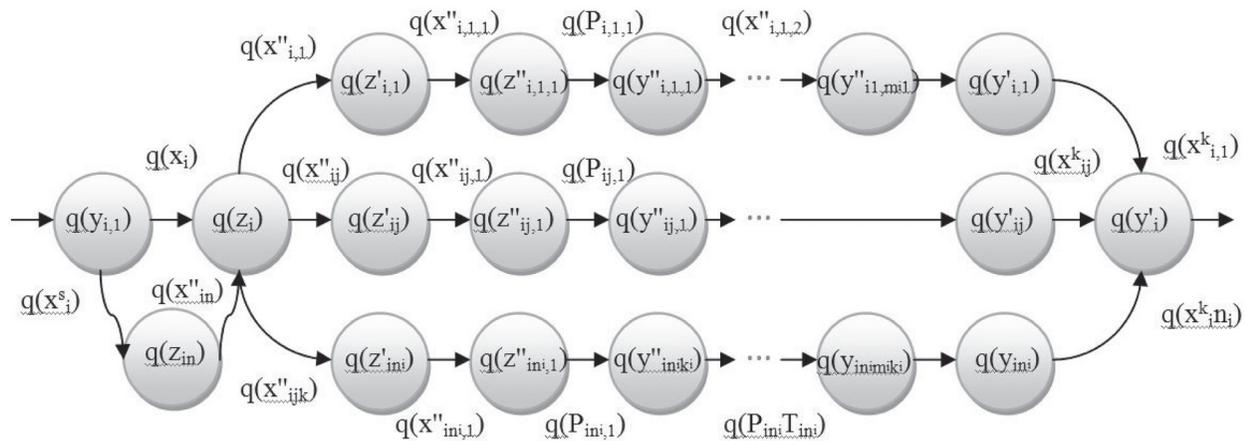
Множество $Q(Z)=\{q(z_i)\}$ определяет множество обобщённых ресурсов, которые необходимо придать производственной системе для наступления событий начала обработки продукции (деталей) на группе оборудования. Элемент $q(z_i)$ – это объём обобщённого ресурса, необходимого системе для начала обработки детали на i -й группе оборудования. Под обобщённым ресурсом $q(c)$ понимается взвешенная сумма выделенных видов ресурсов: оборудования, материальных и трудовых

$$q(c) = \sum_{i=1}^S \alpha_i q'_i, \quad (9)$$

где $q(c)$ – объём обобщённого ресурса, обеспечивающего совершение события «с», α_i – коэффициенты, определяющие долевое участие каждого вида ресурсов q'_i .

Множество $Q(Z_1)=\{q(z'_{ij})\}$, $i=1, \dots, N$, $j=1, \dots, n_j$ определяет варианты ресурсов, которыми должна быть обеспечена система для наступления событий Z_1 начала обработки. Для выполнения основных технологических операций $R=\{z'_{ij}\}$ и его элементов $q=\{z''_{ijk}\}$, $k=1, \dots, m_{ij}$, получены обобщённые ресурсы, обеспечивающие начала выполнения технологических переходов по обработке деталей. В соответствие множествам $Q(Z)$, $Q(Z_1)$ и $Q(Z_2)$ установлены множества $Q(Y)=\{q(y_i)\}$, $Q_1(Y_1)=\{q(y'_{ij})\}$ и $Q_2(Y_2)=\{q(y''_{ijk})\}$ ресурсов, которые имеет система в моменты окончания обработки. Вершины $Q(s)=\{q(s_i)\}$ графа определяют ресурсы, обеспечивающие наступление событий «s» перемещения продукции (деталей) на складские модули.

Ресурсы основных технологических и вспомогательных операций определяются как длина дуг графа Γ_r с помощью множеств $Q(P)=\{q(p_{ijp})\}$, $Q(X)=\{q(x_i)\}$, $Q(X_y)=\{q(x''_{ij})\}$, $Q(X_s)=\{q(x''_{ij})\}$, $Q(X_y)=\{q(x''_{ijk})\}$, $Q(X_s)=\{q(x_i^{sz})\}$ и $Q(X_{sz})=\{q(x_i^s)\}$. Элемент $q(P_{yz})$ описывает объём обобщённого ресурса, обеспечивающего переход системы из состояния y''_{ijk} в состояние z''_{ijk} . Элементы остальных множеств описаны как ресурсы для выполнения вспомогательных операций. Объём обобщённого ресурса, необходимого для изготовления продукции (детали), определяется как сумма ресурсов для выполнения заданного множества технологических операций и вычисляется как длина пути $L(Q)$ на графе ресурсов из вершины $q(z_i)$ до вершины $q(y_i)$, $i=1, \dots, N$ в соответствии с технологическими маршрутами обработки детали. При коммутативности операций технологического процесса рассчитывается длина $L_k(Q)$ пути, где для каждого v варианта обработки.

Рис. 1. Ресурсный граф для i -й группы

На рис. 1 представлен граф обобщённых ресурсов, обеспечивающих функционирование группы оборудования. Аналогичные графы могут быть построены по каждому виду ресурсов, участвующих в процессе производства: граф ресурсов оборудования, графы материальных и трудовых ресурсов. Эти графы будут изоморфными по структуре графу Γ_R .

Таким образом, разработана ма-

тематическая модель функционирования производственной системы дискретного объекта управления в виде совокупности изоморфных по структуре графов, включающих графы возможных состояний, временной и ресурсный графы.

Настоящее описание производственного процесса выполнено на базе предложенной системы логических уравнений, отражающих зависимость состояния элементов

иерархической структуры производственной системы от управляющих и возмущающих воздействий. Разработанная формализация описания производства позволяет прогнозировать изменение его состояния путём анализа применения управляющих воздействий из их возможного набора (альтернатив), соответствующего технологическим маршрутам обработки или сборки продукции.

Д.В. МАСЛЕННИКОВ, доктор философских наук, профессор НОИР

С.А. СИДОРОВ, доктор философских наук, профессор

A.Maslennikov, doctor of philosophical Sciences, Professor NOIR

S. Sidorov, doctor of philosophical Sciences, Professor

Структура и динамика социального конфликта Structure and dynamics of social conflict

Аннотация: В статье представлено многогранное исследование структуры и динамики социального конфликта в разрезе современных достижений философских и социальных наук.

Abstract: This article presents a multifaceted study of the structure and dynamics of social conflict in the context of modern achievements of philosophical and social sciences.

Ключевые слова: социальный конфликт, стабильность, кризис, деструктивность, социальное согласие, латентная напряжённость, враждебность, соперничество, противоречия, позитивное разрешение конфликта.

Keywords: social conflict, stability, crisis, destructiveness, social cohesion, latent tension, hostility, rivalry, conflict, positive conflict resolution.

Развитие мировой социологической мысли конфликтогенные цели, коррекция конфликта, имело результатом признание конфликта одной из важнейших сторон взаимодействия людей в обществе, признание его в качестве активной формы отношения между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями. Существенная сторона социального конфликта состоит в том, что эти субъекты действуют в рамках некоторой более широкой системы связей, которая институционализируется в процессе развития и разрешения конфликта.¹ Объективно эта система связей продуцирует целый комплекс социальных противоречий, формой экспликации и разрешения которых как раз и выступают конфликты. С этой стороны социальный конфликт представляет собой одну из возможных фаз развития противоречия, возникающего в процессе его нарастания, когда противоречие

не получает своевременного разрешения. В этом случае конфликт, в силу сложившихся обстоятельств, является оптимальным способом преодоления возникшего несоответствия. Социологу важно только иметь при этом в виду, что возникая на основе породившего его противоречия и являясь формой его разрешения, конфликт приобретает собственное сущностное содержание, развивается по собственной логике.

Дело в том, что структура такого сложного комплексного явления как социальный конфликт аккумулирует в себе весьма большое число объектов и связей между ними. Одновременно она состоит из многих и в разное время возникающих, неоднородных подструктур, таких, например, как социальная, социально-экономическая, социально-психологическая, идеологическая, психологическая и др., которые наслаиваются одна на другую и таким образом создают структуру социального конфликта. Структура конфликта в очень значительной мере определяется группой факторов и условий, обе-

спечивающих возникновение конфликта.

А.Н. Лях выделяет условия, при которых с необходимостью возникает конфликтное взаимодействие: 1) наличие объективного противоречия, возникшего между противоборствующими сторонами; 2) зрелость противоречия, когда его стороны проявились как самостоятельные силы; 3) должна сложиться конфликтная ситуация, в ходе которой происходит взаимная идентификация конфликтующих сторон, которые руководствуясь взаимоисключающими интересами, впоследствии вступают в противоборство.² А.Г. Здравомыслов оправданно обращает внимание еще на одну сторону в системе детерминант социального конфликта, определяя её как оценку доконфликтной ситуации, а именно: на степень значимости более широкой системы связей, преимущества и потери, вытекающие из предшествующего состояния и его дестабилизации.³

Соглашаясь с вырисовывающейся на этой основе схемой, элементы которой можно рас-

¹ См.: Здравомыслов А.Г. Исследование конфликта на макроуровне. Нижний Новгород, 1993. С. 31 – 32.

² Лях А.Н. Социальный конфликт в России: исторические особенности и современное состояние. М., 1995. С. 11.

³ Здравомыслов А.Г. Исследование конфликта на макроуровне. Нижний Новгород, 1993. С. 33.

смагивать в ряду структурных звеньев социального конфликта, хотелось бы дополнить её указанием на субъективный источник конфликтной стадии развития противоречия, состоящий в достижении определённого уровня осознания участниками конфликта своих объективных целей и интересов, а также той или иной степени различия ценностных ориентаций. Ведь в конфликт из-за достижения определенной цели втягиваются вполне определенные люди, социальные группы, социальные институты, поэтому неизменным продуцирующим условием и одновременно структурным элементом конфликтного взаимодействия оказывается категория цели. Именно согласование целей является одним из начальных этапов институционализации конфликта.

Цели конфликтующих сторон – это то, для кого и для чего люди действуют. Цели взаимодействующих сторон могут совпадать или не совпадать по своим ценностям, объекту воздействия, по способам, средствам, и формам соответствующей активности. Тем самым как совпадающие, так и несовпадающие цели могут стать взаимоисключающими, несовместимыми, конфликтными. Цели могут различаться по степени их осознания, реалистичности, перспективности, масштабности, многообразию (глобальные и частные, демонстрируемые и скрываемые, рассчитанные на свои силы или на помощь других, навязанные извне, подсказанные или образованные личностью, уникальные или типичные, свойственные отдельной группе или обществу в целом). Можно выделить доминантные и подчиненные, ближайшие и отдаленные, тактические и стратегические, изменяемые и неизменные, последовательные или случайные, противоречивые цели. Ряд из них при определенных

условиях оказываются конфликтными целями. Коррекция, преобразование и упорядочение целей каждого из взаимодействующих субъектов зависит от внешних обстоятельств, экстремальности ситуации, состояния сторон, от тех взаимоотношений, которые складываются между ними. Как правило, если доминирующая цель подавляет другие цели, интересы личности, то она становится конфликтной и ригидной. Несовместимость целей, одержимость одной идеей отрицательно сказывается на возможности институционализации конфликтного взаимодействия, препятствуя ей ещё на раннем этапе.⁴

Потенциально конфликтными являются неделимость, единственность и незаменимость объекта притязания сторон, ограниченность, дефицит времени, пространства, ресурсов, а также способностей, знаний и опыта, необходимых конфликтантам для достижения своих целей. Именно цели и связанные с ними мотивы и переживания конфликтующих сторон составляют основной источник социальных конфликтов, превращающих взаимодействие противоборствующих сторон в неповторимую и сложную социальную социально-психологическую ситуацию, где проявляются личности, сталкиваются характеры, совершается нравственный выбор, проверяется на зрелость правосознание.

Но в определении особенностей структуры социального конфликта дело, разумеется, не ограничивается только целеполаганием. Чтобы добиться своего, вступающий в конфликтные отношения субъект не только определяет цель своих действий, но и стремится достичь её, т.е. предпринимает активные действия во имя целедостижения. Но достижение цели одной из конфликтующих групп, как правило, блокирует, затруд-

няет, а то и просто делает невозможным достижение целей другой (другими) стороной. Это означает, что конфликт, наряду с детерминацией его объективными условиями, имеет еще и субъективную детерминацию. Причём, проблема детерминант самосознания и особенно детерминант представления об идеальных путях роста имеет абсолютно принципиальное значение для теории социального конфликта.⁵

Объектом конфликта может стать практически любой предмет, процесс или явление окружающей природной и социальной действительности – водные ресурсы или земельные угодья, собственность на предприятие или банк, власть или престиж, авторитет или культурные ценности. Субъектами же конфликта всегда выступают люди – как отдельные индивиды, так и различные их сообщества – семья, коллектив, группа по интересам, нация и т.п., преследующие различные интересы и цели. Само же понимание конфликта как объект-субъектного отношения вытекает из того, что он представляет собой продолжение, отображение и воплощение в поведении людей вполне объективных, не зависящих от воли конфликтующих сторон противоречий. Такие противоречия в своей совокупности и составляют то, что является объектом конфликта.

Другим важным элементом социального конфликта являются условия его протекания, система детерминант, определяющих характер социального пространства, в котором разворачивается конфликт, образы конфликтной ситуации, возможные действия участников конфликта и результаты конфликтных действий. Ведь для того, чтобы социальный конфликт имел место, мало наличия объективной конфликтной ситуации. Для его развертывания необходимо еще присутствие ре-

⁴ Гавра Д.П. Социальные институты // Социология. СПб, 2001. С. 133.

⁵ См.: Ершов А.А. Взгляд психолога на активность человека. М., 1991. С. 134 – 136.

ального конфликтного поведения, т.е. наличие определённых способов соперничающего, враждебного, противоборствующего и т.н. взаимодействия конфликтующих сторон. А это означает, что развязывание социального конфликта предполагает наличие и активное действие в данной социальной системе таких потенциальных «групп риска», которые способны на конфликтные действия, подчас даже раньше, чем вызревают конкретные причины конфликта. Следовательно, понимание сущности и значимости конфликта станет достаточно полным и отчетливым только в том случае, если определены такие группы и выявлены социальные условия, при которых они могут развернуть конфликтные действия.⁶

Причины, которые обуславливают конфликтные явления и их следствия, в социологии обычно подразделяют на несколько типов, в том числе: а) условия, усиливающие или поощряющие несовместимость ценностных различий, особенно на стадии латентного протекания конфликта⁷; б) агрессивные установки, прямо ведущие в конфликтному поведению⁸; в) психологические процессы, влекущие за собой уверенность в несовместимости различий⁹ и др. Такого рода условия выступают объективной базой протекания конфликтного процесса. Обстоятельства социального конфликта включают также обычные или экстремальные условия деятельности, материальные ресурсы, технологию и организацию совместного труда, число и состав участников взаимодействия.

Центральным компонентом структуры социального конфликта является конфликтная

ситуация. Она включает в себя совокупность условий, в которых взаимодействуют субъекты конфликта и которые оказывают влияние на это взаимодействие. В социологической и социально-психологической литературе принято трактовать конфликтную ситуацию объективную несовместимость индивидуальных целей и потребностей ее участников.¹⁰ Однако объективной противоречивости частных интересов как таковой для конфликтной ситуации еще не достаточно. Поэтому конфликтная ситуация представляет собой реализацию объективных и субъективных основ социального конфликта, состоящих из системы форм единичных конфликтных ситуаций. Конфликтная ситуация может появиться задолго до того, как произошло столкновение сторон. Она начинает проявлять себя либо по инициативе оппонентов, либо объективно, независимо от их воли и желания.

Двойственная субъект-субъектная природа социального конфликта, при которой на передний план перед социологом-исследователем выступают составительные, целеориентированные и целесообразные действия, побудила Л. Козера обратить внимание на то, из-за каких объективно существующих и нужных людям ценностей ведётся конфликтное действие. На основе тщательного анализа причин, побудительных мотивов и функций конфликтных процессов он установил, что они проистекают из борьбы конкурирующих групп за обладание важными для них ресурсами – материальными, политическими и т.п. Поэтому он считал, что «социальный конфликт можно определить как борьбу ценностей, посягатель-

ства на определенный общественный статус, власть и ограниченные ресурсы, когда цели конфликтующих сторон заключаются не только в стремлении обладать желаемой ценностью, но и нейтрализовать, причинить вред или устранить противника».¹¹ Здесь под дефицитными ресурсами понимаются не только материальные, но и духовные ценности, играющие важную роль в жизни индивидов и их групп. Следует признать, что в данном определении верно схвачены три существенных особенности социального конфликта: активная деятельность индивидов и их групп, преследующих противоположные интересы и цели и вступающих вследствие этого в соперничество, борьбу друг с другом; объектом конфликта становится ограниченный объем важных и дефицитных для субъектов конфликта ресурсов; стремление участвующих в конфликте враждебных сторон нейтрализовать противника, устранить его либо нанести ему ощутимый вред.

Результаты конфликтного взаимодействия непосредственно вплетены в сам социальный конфликт и обусловлены типом разрешения противоречия и стадией его развития: победа одной противоположности над другой или исчезновение в одной из них; гибель обеих противоположностей; сохранение противоречия, одновременность его возникновения и разрешения; сознательное сочетание неантагонистических противоположностей как необходимое средство и способ достижения целей; смена отношения доминирования противоположностей; переход от одной формы противоречия к другой; переход противоречия в новое качество, в частности, смена

⁶ См.: Петровская Л.А. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. С. 128 – 131.

⁷ Митрохин В.И. Сущность и критерии социальной напряженности. М., 2000. С. 145 – 146.

⁸ Coser L. The Functions of Social Conflict. Clencoc, 1956. P. 74 – 75.

⁹ Deutsch M. Konfliktregelung. Konstruktive und destruktive Prozesse. München, 1976. S. 49 – 51.

¹⁰ См.: Китов А.И. Психология управления. М., 1989; Петровская Л.А., Компетентность в общении. М., 1989.

¹¹ Coser L. The Function of Social Conflict. London 1956. P. 8.

¹² Бородкин В.В. Проблема отрицания и развития. М., 1991. С. 123. Ср.: Дурин В. П. Противоречия и конфликты: методологические основания конфликтологии. Автореф. дисс... д.ф.н. СПб, 1994. С. 25 – 28.

типа или вида противоречия; смена функции противоречия, например, неспецифическое противоречие становится специфическим.¹²

Таким образом, цель как отраженный в коллективном сознании участников конфликта предмет их потребностей, причины, обстоятельства, конфликтная ситуация, стороны конфликта, действия участников конфликта и результаты конфликтных взаимодействий образуют сложную структуру конфликта. От особенностей и взаимоотношений этих компонентов зависит предметное содержание, динамика конфликтной деятельности сторон и возможности институционализации конфликта с перспективой его позитивного разрешения. Степень остроты и возможностей институционализации социального конфликта во многом зависят от степени социальной напряженности в обществе, исследования которой составляют одно из перспективных направлений российской социологической науки.¹³

В.И. Митрохин предлагает различать творчески-созидательную напряженность, которая может стать ключевым фактором преодоления системного кризиса в стране, и напряженность деструктивной социальной направленности.¹⁴ Согласно его классификации, которая представляется перспективной и эвристически ценной, исходный уровень образует латентная, или очаговая напряженность, внешним проявлением которой является повышенная неудовлетворенность её субъектов профессиональными, социальными и иными жизненными реалиями. Далее в общественном мнении и настроениях большей части социального сообщества обнаруживается себя латентная струк-

турная напряженность. Накопление ресурсов деструктивности способствует формированию латентной системной напряженности. Важнейшими её индикаторами выступают пессимистические настроения большинства членов общества, проявления повышенного психического беспокойства, эмоционального возбуждения, чувства неуверенности. При этом латентная деструктивная напряженность создает важнейшую детерминационную предпосылку для различных модификаций социальных конфликтов.¹⁵ Социальная очаговая напряженность проявляется в коллективных трудовых спорах и конфликтах. Характеристикой следующего уровня социальной напряженности выступает структурный кризис, отличающийся особой массовостью и глубиной конфликтогенности социально-экономических, политических, трудовых, межнациональных и иных отношений.

Наибольшую опасность для развития личности, общества и государства представляет такой уровень социальной деструктивной перенапряженности, который обуславливает системный социальный кризис, в котором проявляются антагонистические противоречия основных социальных групп, деформация отношений основных социальных институтов и органов государственной власти, раскол в системе ценностей основных социальных групп, рост преступности и т.п. Острота системного кризиса может привести к социальному взрыву, представляющему собой агрессивную, противоправную форму открытой борьбы институционализированных социальных групп против власти, управления, экономических и других жизненных ресурсов.¹⁶ В кризисные, переломные эпохи, когда

особенно возрастает степень социальной напряженности, любое широкое недовольство народных масс, соответствующим образом организованное и идеологически оформленное, может вылиться в разрушительные формы социального конфликта, опасные для жизни общества. В этих условиях чрезвычайно опасна любая идеологизация конфликта, введение его во всё более фундаментальный ценностный контекст, когда конфликт переходит в основание и многократно усиливается раскол в представлении различных социальных групп по поводу приемлемых, достойных человека способов удовлетворения его насущных потребностей.

С точки зрения социальной напряженности можно различать конфликтную деятельность двух видов. Одним из них является конфликтная деятельность со строгим жестким соперничеством, когда ее участники преследуют диаметрально противоположные цели, а победа одной стороны означает одновременное поражение другой, как это бывает в случае восстания, путча и т.п. Но существует и другой вид конфликтного действия – с нестрогим соперничеством, когда с учётом целей и интересов сторон может быть найден компромисс или достигнуто единство. Так, например, решение имущественного спора нередко достигается благодаря взаимным уступкам. Как нам представляется, сама по себе социальная напряженность не может рассматриваться как структурный элемент социального конфликта. Но она представляет собой тот фактор, который социолог обязательно должен иметь в виду при анализе условий, влияющих на характер протекания, интенсивность, деструктивную или конструктивную направленность со-

¹³ См.: Социологические аспекты исследования социальной напряженности // Измерение социальной напряженности: теория, методология и методика исследования. СПб, 2002. С. 90 – 122.

¹⁴ Митрохин В.И. Сущность и критерии социальной напряженности. М., 2000. С. 144.

¹⁵ Deutsch M. Konfliktregelung. Konstruktive und destruktive Prozesse. München, 1976. S. 21. Ср.: Nemetzade K. Strukturanalyse des sozialen Konflikts. Düsseldorf, 1974. S. 185 – 188.

¹⁶ Там же, с. 146.

циального конфликта, а также на возможности его регулирования и выбор адекватных средств такого регулирования.

Социальная напряжённость – тот общий детерминационный фон, на котором разворачивается процесс социального конфликта. Динамика этого процесса предполагает прохождение нескольких стадий: стадии возникновения объективной конфликтной ситуации; стадии осознания объективной конфликтной ситуации ее участниками; переход к конфликтному поведению сторон; разрешение конфликта.¹⁷ Регулирующая деятельность по отношению к конфликту возможна, как нам представляется, на каждом из этих этапов.¹⁸

Как уже отмечалось, конфликту предшествуют скрытые или открытые социальные процессы, которые в основном связаны с развитием программы конфликтной деятельности той или иной социальной группы. В этом процессе участвует система естественного регулирования возникающих проблем, которая направлена на преобразование существующего социального противоречия. Если это не достигает цели, то происходит изменение характеристик процесса взаимодействия оппонентов в сторону усиления агрессивности, повышенной тревожности, актуализации ценностных установок. Эти процессы усиливаются, если они развиваются на фоне латентной напряженности деструктивного типа. Данную стадию можно назвать стадией потенциального конфликта, ибо подлинным конфликтом он становится лишь после осознания объективной ситуации ее участниками, что может рассматриваться как исходный момент ее институционализации.

При этом чем более организованные группы вступают в конфликт на его латентной стадии, тем более интенсивной и перспективной с точки зрения возможностей позитивного разрешения конфликта будет его институционализация.

На этом этапе каждая из сторон воспринимает конфликтную ситуацию в виде некоторой проблемы, в разрешении которой преобладающее значение, по оценке А.Г.Здравомыслова, имеют следующие три момента: степень значимости более широкой системы связей, преимуществ, и потери, вытекающие из предшествующего состояния и его дестабилизации; степень осознания собственных интересов и готовность идти на риск ради их осуществления; восприятие противостоящими сторонами друг друга, способность учитывать интересы оппонента.¹⁹

По Дарендорфу, именно латентные интересы, соединенные с требованиями, вытекающими из ролевых позиций и имеющие в качестве своей основы материальные, значимые средства жизнедеятельности (территории, природные богатства, энергетические и сырьевые ресурсы, сферы политического доминирования) делают конфликты устойчивыми противоборствами. Процесс генезиса и созревания конфликта – это процесс кристаллизации латентных интересов.²⁰ При этом «такие ресурсы, как пространство, деньги, собственность, власть, престиж, пища, могут рассматриваться как неделимые, и, если две стороны или более предъявляют претензии на обладание этим ресурсом или его частью, между ними очень вероятно возникновение конфликта. Конфликты подобного рода трудно разрешить конструктивно, если имеешь дело с жесткой фиксацией

конфликтующих на конкретном ресурсе и нет мало-мальски, удовлетворительных заменителей».²¹

Разумеется, с учетом перспективы достижения общего социального согласия и снятия социальной напряженности крайне желательна блокировка социального конфликта еще на этой ранней стадии. Здесь важно не только понимание целей как той объективной точки интересов, которая должна быть достигнута, но и того, что реально стоит за этими целями. Последняя составляющая характеризуется индивидуальными мотивами поведения, общественными потребностями, которые лежат в основе этих мотивов, и теми интересами социальных групп, которые интегрируют эти потребности. Реальный успех в локализации социального конфликта на латентной стадии возможен лишь в том случае, если управленческая структура, занимающаяся решением этой задачи, будет хорошо знать и учитывать интересы основных субъектов конфликта. Задача группы социологического обеспечения принятия управленческих решений должна, с учетом сказанного, включать в себя: анализ проблемной ситуации на предмет выявления реальных конфликтогенных факторов; выявление наиболее влиятельных субъектов социального действия (государственных структур, политических партий и общественных движений, национальных сообществ, финансово-промышленных групп и т.п.; изучение интересов отобранных субъектов по конкретным проблемам, от решения которых зависит успех оптимизации ситуации; проведение опроса представителей субъективных групп с целью выявления степени заинтересованности групп в том

¹⁷ Храмов В.О. О новом качестве регулирования. Философские и методологические аспекты производственного конфликта. Ачинск, 1985. С. 8 – 9.

¹⁸ Данный вывод основан на исследовании немецкого социолога М.Дойча «Регулирование конфликта. Конструктивные и деструктивные процессы», в особенности с учетом осуществленного им исследования регулирования конфликта соответственно динамике его протекания (см.: Deutsch M. Konfliktregelung. Konstruktive und destruktive Prozesse. München, 1976. S. 185 – 204).

¹⁹ Здравомыслов А.Г. Исследование конфликта на макроуровне. Нижний Новгород, 1993. С. 33.

²⁰ См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. N 5. С. 142.

²¹ Дойч М. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журнал. 1997. N 1. С. 215.

или ином решении проблемы; отбор оптимальных вариантов решения проблемы.

При такого рода сопоставительном социологическом анализе желательности различных вариантов решения конкретной проблемы, являющихся спорными, имеется возможность оценить уровень реализации интересов субъектных групп, расположить возможные варианты решения проблемы по критериям приоритетности, допустимости и желательности в общих интересах, выявление наиболее конфликтных вариантов, поляризующих интересы и позиции субъектных групп. Такого рода анализ может дать возможность получить чёткое представление о степени напряжённости взаимоотношений между субъектными группами, прогнозировать возможность ее перерастания в открытый конфликт, сгруппировать участников конфликта по интересам, по целям и по возможным средствам достижения своих целей, выявить сходство и полярность интересов. Здесь важно также не отвлекаться от общей динамики конфликта, помня о том, что только исследование конфликта как непрерывного процесса даёт возможность создания механизма предотвращения открытых конфликтных действий до их возникновения.²²

Для выхода социального конфликта из состояния латентного развития и его перехода на более высокую стадию, допускающую и предполагающую его институционализацию, необходимо достижение достаточного уровня действенности механизма детерминации конфликта, включая некоторый внешний толчок, вызывающий определенную взаимную реакцию при уже сложившемся отношении друг к другу участников социального конфликта.

В числе основных детерминант институционализированного социального конфликта можно на-

звать следующие: степень мотивации потенциальных участников конфликтных действий, их predisposedность к конфликтным действиям, наличие организаций, способных представлять интересы конфликтующих сторон. Когда все процессы конфликта уже достаточно проявлены и механизм его действия «запущен», стороны в полной мере осознают реальность как угрожающую их интересам и ценностям, то есть как конфликтную. При этом распространённой бывает ситуация неадекватно понятого конфликта, когда объективная ситуация уже вполне сложилась, но ее воспринимают с теми или иными отклонениями. Нужно отметить, что в принципе, возможная и ситуация ложного конфликта, когда объективной конфликтной ситуации не существует, но стороны могут ошибочно воспринимать ее как конфликтную.

Развитие социального конфликта на данной стадии завершается совершением его участниками конфликтных действий, направленных на то, чтобы прямо или косвенно блокировать достижение противостоящей стороной ее целей, намерений и добиться реализации своих собственных задач. Социальный конфликт открыто выражается в акциях протеста, нарушении деятельности, гражданском неповиновении, массовых противоправных действиях и т.п. Важнейшей социальной характеристикой конфликтной деятельности является принятие решений соперничающими сторонами. Выработка решения часто сопровождается колебаниями и сомнениями, связана с обсуждением и борьбой мотивов. Нерешительные люди иногда намеренно оттягивают принятие решения, ожидая, что изменение ситуации само может принести тот или иной выбор действий. Другие, напротив, активно ищут решение в самых

сложных ситуациях, всегда готовы взять на себя ответственность и не перекладывают принятие решений на изменяющиеся обстоятельства. В большинстве случаев в выигрыше оказывается та сторона, которая лучше учитывает особенности конфликтной ситуации, соотношение выгод и уязвимых мест соперника и своих собственных, принимает более обоснованные решения и неуклонно проводит их в жизнь, преодолевая сопротивление противной стороны.

Сам способ ведения конфликтных действий бывает двух типов: насильственный и ненасильственный. Выбор способа зависит от остроты социальных противоречий, социальной запущенности конфликта, окружающей макросреды (степени социальной напряженности), степени внутрисубъектных связей, господствующей религии и идеологии, культурного и образовательного уровня участников конфликта, наличия в обществе легальных механизмов, позволяющих разрешать конфликт мирным путем. Ненасильственный вариант течения социального конфликта наиболее вероятен при соблюдении следующих условий: существование институциональных образований, стремящихся к консультациям и переговорам, изучению интересов, поиску взаимовыгодных решений; широкие рамки социального соглашения насчет того, что может составлять оптимальное разрешение проблемы; отсутствие кумулятивности конфликтов; большие экономические возможности субъекта регулирования социального конфликта; позитивная осведомленность граждан в отношении результатов мирного разрешения предыдущих конфликтов; равное распределение между сторонами возможных средств для использования средств насилия; преобладающее количество зрелых признаков, способствующих мирному приспособлению.²³

²² Котов А.П. Социологическое обеспечение управленческих решений по разрешению социальных конфликтов. М., 1999. С. 21 – 22.

²³ См.: Dahl R.A. Modern Political Analysis. New Haven-London, 1963. P. 77 – 78.

Масштабы открытого конфликта зависят от степени заинтересованности индивидов в открытых действиях, ориентации субъектов конфликта на конфликтное поведение, способности групп к конфликтным действиям, их организованности. Наряду с этим нужно иметь в виду, что конфликтное столкновение ориентирует участников в силе сторон, укрепляет или разрушает уверенность в истинности оценок, намерений и ценностей. Эта коррекция приводит к более адекватному пониманию смысла ситуации и роли в ней сторон, что способствует в дальнейшем разрешению социального конфликта с переходом данного элемента социума в новое качество или по крайней мере создает условия для его регулирования.²⁴ В результате участники конфликтного взаимодействия, находящиеся в единстве, постепенно осознают разрушительную силу социального конфликта. Это становится предпосылкой для поиска новых оснований согласия. Стороны взаимодействия начинают учитывать интересы, цели, основания действия противоположной стороны взаимодействия. Таким образом, цели начинают определяться с учётом двусторонних интересов.

В этих условиях с учетом общих интересов, целей и, отчасти, ценностей появляются определенные социальные нормы и правила, которые регулируют определенный тип поведения участников конфликта с учетом осознания ими опасности возможных деструктивных последствий. Возможно установление системы санкций для поддержания этих норм. Между участниками конфликта также распределяются и закрепляются основные социальные роли. Здесь мы имеем дело уже с фазой завер-

шения институционализации социального конфликта. Чётким показателем позитивного развития институционализирующегося социального конфликта может быть соответствие возникающих норм и правил поведения его участников нормам морали и права. Данное соответствие будет свидетельствовать о том, что структура и номенклатура функций социального конфликта будут близки к структуре и номенклатуре функций, которые выполняет такой признанный в обществе институт как право, что, в свою очередь, подтверждает институциональную природу развитого социального конфликта.

Одновременно, корректировка этих норм и правил посредством соотнесения их с нравственно-правовыми ценностями на первых стадиях институционализации социального конфликта может способствовать его развитию в направлении позитивного разрешения. Осуществление такого рода корректировки со стороны социальных институтов, включенных в систему взаимодействия конфликтных сторон (государство, церковь, посреднические инстанции и т.п.), может рассматриваться как одна из эффективных форм его регулирования.

Результаты позитивного разрешения институционализованного социального конфликта могут состоять в формировании таких отношений как компромисс, социальное согласие, партнерство, интеграция, союз, приоритет интересов целого над интересом частей и т.д. Как справедливо отмечал В.П. Казимирчук, конфликт и консенсус – по существу такая же парная категория, как интеграция и дезинтеграция.²⁵ Для социологической науки представляет осо-

бую методологическую сложность теоретически воспроизвести диалектическую связь социального конфликта и общественного согласия. На это, в частности, обращал внимание С. Липсет: «Главную трудность большей части современной социологии составляет тенденция выделять либо конфликт, либо согласие в системе анализа и всячески подчеркивать незначительность одного из этих явлений. Многие структурные функционалисты, например, следуют за Дюркгеймом, уделяя лишь немного внимания функциям конфликта и динамике, лежащих в основе социальных изменений. И наоборот, другие исследователи подчеркивают аспекты раскола системы стратификации и игнорируют ее интегрирующую роль. Социальную организацию можно рассматривать в значительной степени как стремление сохранить нормы, не позволяющие чрезмерным конфликтам разрушить общество»²⁶. В данном контексте весьма плодотворной является позиция В.Д. Плахова. Он поднимает теоретически важный вопрос о фактически (реально) существующей мерности нормы, посредством которой «фиксируется определенный порядок, законообразие общественных отношений устойчивой структуры социальных связей».²⁷

Учитывая специфику именно социального конфликта, можно отметить, что наиболее значимым общественным результатом его разрешения является согласие – своего рода современно интерпретированный аналог общественно-договора Гоббса и Локка.

Социальное согласие может быть достигнуто на уровне ценностей и на уровне согласования функциональных действий участников конфликта. В первом случае

²⁴ См.: Романенко А.М. Социальные технологии разрешения конфликтов гражданского общества: экзистенциальные альтернативы современной России на пороге третьего тысячелетия. М., 1998. С. 343.

²⁵ Юридическая конфликтология – новое направление в науке... // Государство и право. 1994. 4. С. 7. Об особом значении консенсуса в юридической конфликтологии см. также: Юридическая конфликтология. М., 1995. С. 5 – 58.

²⁶ Липсет С. Политическая социология // Социология сегодня. М., 1965. С. – 147-149. Ср.: Эфиров С.А. Социальное согласие: тоталитарный и демократический варианты // В контексте конфликтологии: проблемы коммуникации и управленческого консультирования. М., 1999. С. 163 – 169.

²⁷ Плахов В.Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. М., 1985.

действуют механизмы убеждения, изменения ценностной позиции, приоритетов или установок, а также принятия права других людей на иную, отличающуюся ценностную позицию, приоритеты, установку. Нужно заметить, что в условиях стабилизации российского общества особенно велика роль ценностей – они становятся сильными мотиваторами поведения отдельных индивидов и широких масс, влекущими систему к тому или иному будущему. Верно заметил А.Г.Здравомыслов: «Духовные стремления, принципы, нормы нравственности относятся не столько к сфере действия интересов, сколько к области ценностей. Стимулы и причины человеческой деятельности получают здесь дальнейшее развитие: потребности, преобразованные в интересы, в свою очередь, превращаются в ценности».²⁸ Ценности следует рассматривать как один из аспектов человеческих потенций, как актуальную и потенциальную способность осваивать мир через свои потребности и возможности, как способность субъекта подходить к миру как к своему миру, реально и потенциально осваиваемому. «Ценности выступают как важнейшая, центральная характеристика субъекта где синтезируются условия его жизнедеятельности, средства и цели».²⁹

Функциональное согласие достигается через переговоры. Формирование социального согласия как оптимального результата разрешения институционализованного конфликта включает в себя следующие основные компоненты: систему внутреннего и внешнего воздействия на процесс становления социального согласия; систему субъектов социального согласия; систему принципов формирования социального согласия; систему механизмов формирования социального согласия.

Становление происходит в результате действия внутренних и внешних факторов и условий. При этом отношения и взаимодействия в социальных системах, имеющих низкий уровень согласия, чаще и в большей мере регулируется извне, и наоборот. Становление социального согласия включает в себя становление ценностного и функционального согласия между социальными субъектами и внутри них. Социальная система устойчива, стабильно функционирует, если среди её членов наблюдается согласие по главным и основным позициям её существования.

Это не значит, однако, что социальный конфликт должен раз и навсегда уступить место всеобщему согласию. Напротив: одной из форм согласия как раз и должно стать общественное признание и правовое регулирование различных видов конфликта в обществе как одного из способов выражения противоречивой человеческой природы, многообразия и несопадения человеческих интересов и целей. Нет сомнения в том, что подлинно свободный социально-нравственный выбор способен сделать лишь свободный (прежде всего духовно свободный) и ответственный человек, для чего он должен в первую очередь преодолеть имеющиеся в нем самом предрассудки и стереотипы. Это особенно важно для нашего «постсоветского» человека, который одержим конфликтностью и подвержен кризисам смысла.

Опираясь на основные результаты российской и зарубежной социологической науки (см. § 1), можно выделить силовые и несиловые методы регулирования социального конфликта. Для демократического общества возможно применение силовых методов разрешения социального конфликта лишь в рамках режима законности, используя их

для блокировки неправомерных действий участников социального конфликта. Несиловые методы регулирования опираются на принципы убеждения с акцентом на учет социально-психологической стороны конфликта и с использованием практического арсенала психологической науки.

Достижение ценностного согласия предполагает прежде всего формирование системы, состоящей из морального и правового согласия.³⁰ В этом случае социальный конфликт на завершающей стадии выступает как элемент общей системы, включающей такой значимый социальный институт как ценностное согласие. Существование этой системы осуществляется в процессе непрерывного взаимодействия с институтами морали и права, имеющими всеобщее значение. Ценностное согласие на этом уровне является идеальным продуктом развития всей социальной системы, но, с другой стороны, специфика основных механизмов, обеспечивающих его существование и действие, зависит от внутренних закономерностей развития разрешающегося социального конфликта. Позитивное разрешение социального конфликта является, таким образом, результатом институционализирующего воздействия на него признанных, значимых, освященных традицией институтов (право). В свою очередь, сам конфликт может рассматриваться как источник институционализации социального согласия и тем самым – источник развития морали и права.

Мораль и право – всеобщие социальные институты. В арсенале механизмов регулирования социального конфликта методы морального и правового регулирования занимают ведущее место. От их правильного использования зависит степень эффективности институционализации социаль-

²⁸ Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. С. 160.

²⁹ Ахиезер А. С. Социокультурное прогнозирование России на макро- и микроуровнях // Полис. 1994. № 6. С. 17.

³⁰ Охотникова М.М. Социология согласия. Тюмень, 2000. С. 95.

ного конфликта на латентной стадии и его успешное разрешение на стадии активного социального действия конфликтующих сторон. Весьма показательной является реанимация в современной западной социологической и правовой литературе традиционной проблематики взаимосвязи морали и права как форм регулирования и саморегулирования правомерного поведения личности. Особенный интерес к ним проявляется в рамках современного персонализма, критической социальной теории, концепции мультикультурализма и т.п.³¹ Преимущественное использование методов морального и правового регулирования, возможно, не даст столь быстрого результата, как применение силовых методов. Однако результат будет более глубоким, ориентированным на перспективу и в большей мере послужит развитию процессов общественного согласия.

Для зрелого гражданского общества характерной является тенденция к сближению моральных и правовых ценностей.³² Эта тенденция, как представляется, будет развиваться на основе возрастания морально-правового сознания широких масс, формирования нравственно-правовой культуры как регулятора общественных отношений, появления морально-правовых норм. Взаимодействие морали и права ведет к возникновению новой совокупности свойства – морально-правового характера, возникновению качественно новых систем связей, явлений и процессов, в которых формируются новые закономерности и свойства, отсутствующие на уровне элементов – нравственного и правового сознания; эти особенности обу-

словлены как свойствами основных частей, так и возникающими на их основе новыми системами связей между частями. Такими качествами новыми образованиями морально-правового характера выступают – гражданственность, ответственность, справедливость, правила общежития и др. Указанные явления имеют как бы двойственную природу, с одной стороны это явления нравственного порядка, имеющие нравственное содержание, и в то же время они имеют отношение к праву, имеют правовое обеспечение;

Для поликультурного социума наиболее оптимально понимание права как института, предусматривающего и обеспечивающего сосуществование всех граждан общества, какими бы они ни были, и принятого всеми членами общества в силу его соответствия, в каждом конкретном случае, идее справедливости³³. В конечном итоге право должно обрести статус морального явления в обществе, стать необходимым элементом морального сознания. В таком качестве право должно стать гарантом достижения социальной и национальной справедливости, свободы человека, гуманизма общественных отношений, торжества общенациональных основ нравственности. Теоретические установки права напрямую связаны с практикой, непосредственно определяют образ жизни людей, их представления о достойной, наполненной смыслом жизни и назначении человека.³⁴ Именно поэтому необходим кардинальный пересмотр всех фундаментальных начал, теории и практической политики в сфере права, необходимо привести его в соответствие с

современными представлениями, отвечающими принципам правового государства.

Лишь когда право в системе ценностей общества обретёт статус нравственной ценности, а нравственный идеал будет включать в себя в качестве необходимого момента идеал правовой, можно будет говорить об эффективности не только способов социального регулирования, но и о действенности механизмов нравственно-правового регулирования и саморегулирования гражданского общества и личности. Однако при всей глубокой степени взаимосвязи правовых и моральных методов регулирования социального конфликта, реалистический взгляд на конкретные социальные процессы в современной России требует признать приоритет именно правовых методов.

Сходные идеи высказывал и немецкий социолог Б. Рёлинг. В своей обширной статье «Роль права в разрешении конфликта» он делает глубоко аргументированный вывод о приоритетном характере и предпочтительности правовых методов регулирования конфликтов.³⁵ Что касается собственно социального конфликта, то здесь им выводятся следующие закономерности: 1) чем более стабильна социальная система, тем более эффективны правовые методы разрешения социальных конфликтов, и наоборот; 2) чем больше членов общества охватывает социальный конфликт, тем более востребованы могут быть правовые методы регулирования. Последнее не означает, что они наиболее эффективны. Это зависит от степени остроты конфликта и от параметров социума.³⁶ В чис-

³¹ Критическая социальная теория. Минск, 2001. С. 4 – 6.

³² Гаджиев К. С. Гражданское общество и правовое государство // МЭиМО, 1991. № 9. С. 41 – 49; Голенкова З. Т. Гражданское общество в России // Социс. 1997. № 3. С. 25 – 28; Резник Ю.М. Гражданское общество как объект социологического познания // Вести. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология права и политология. 1995. № 2. С. 31 – 46.

³³ См.: Галиндо Ф. Культурная среда и понятие права // Александров А. И., Кузнецов Э. В. Вызов закону XXI века: Сб. науч. статей. М., 1998. С. 282.

³⁴ Керимов Д.А. Методология права. М., 2000. С. 550 – 551.

³⁵ Röling B. Die Rolle des Rechts bei der Konfliktlösung // Weil wir überlegen wollen. München, 1970. S. 319.

³⁶ Ibid, s. 322 – 323.

ле основных правовых методов регулирования социального конфликта Б.Рёлинг выделяет: юридическую институционализацию, непрерывную работу по гармонизации местного и центрального законодательства, арбитраж, суд, своевременное привлечение правоохранительных органов к вмешательству в конфликт, правовое просвещение в обществе.³⁷

С нашей точки зрения, арсенал правовых методов регулирования институционализированных социальных конфликтов более обширен. Он включает в себя формирование и оптимизацию режима законности в качестве всеобщей предпосылки институционализации социальных конфликтов; применение закона и правовых норм для блокирования и своевременного пресечения противоправных, особенно – силовых, насильственных, действий участников конфликта; разработку правовой базы для деятельности посреднических организаций при разрешении социального конфликта и ведении переговоров; деятельность судебных инстанций как наиболее эффективный и многоаспектный элемент в системе правового регулирования социального конфликта; нравственно-правовую саморегуляцию личности; формирование системы правовых ценностей и идеалов, зрелого правосознания и правовой культуры личности, социальных групп и общества в целом.

Реализация этих и других методов правового регулирования в той мере является эффективной, в какой удастся институционализировать сам конфликт, а также осуществить специальную систему мер по его своевременной и грамотной «юридизации».³⁸ Для перспективы формирования устойчивых результатов разреше-

ния социального конфликта и его включение в систему развивающегося гражданского согласия в обществе особенно важной представляется экспликация нравственной составляющей правовых методов регулирования.

Изложенные в предварительном порядке особенности конфликтной ситуации и конфликтного поведения позволяют сделать вывод о том, что обращаясь к исследованию социального конфликта, мы имеем дело со сложным объектно-субъектным феноменом, который можно понять в его возникновении, развитии и разрешении как противоречивое взаимодействие ряда объективных и субъективных факторов. При таком системном в своей сущности подходе определяющей причиной социального конфликта признаются объективные предпосылки и условия, которые в своём взаимодействии создают потенциальную возможность возникновения конфликта. А субъективные явления (враждебность, соперничество и т.п.) рассматриваются как социально-психологические механизмы перевода объективной конфликтной ситуации в реальное конфликтное действие. Единство же конфликтной ситуации и конфликтного взаимодействия (поведения) и составляет в своём противоречивом развитии сам социальный конфликт.

Здесь важное значение приобретает всестороннее изучение особенностей конфликтной деятельности. Хотя конфликтная ситуация всегда объективно детерминирована, для её проявления и актуализации необходимы действия одной или обеих сторон, втягиваемых в конфликтное взаимодействие. Прежде всего в социологическом анализе конфликтных действий необходимо различать их

внешнюю и внутреннюю стороны. С внешней стороны – это реальное противодействие людей и их общностей, выражающееся в боевых действиях, финансовых акциях, предпринимательском соперничестве и т.п. С внутренней стороны конфликтная деятельность представляет собой своеобразное психологическое взаимодействие её участников. Соперники стремятся как бы вжиться в образ мыслей и действий противоборствующей стороны, мыслить за неё, определять, как рассуждает и принимает решения враждебная сторона, чтобы предвидеть её действие и лучше регулировать собственное поведение.

Социальный конфликт есть столкновение социальных сил на соответствующих полях социального пространства за удовлетворение или защиту интересов, решение социальных проблем при помощи собственности и видов капитала. Социальные конфликты, по существу, предстают конфликтами между интересами. Конфликты приводят к институционализации противоречий, а затем к становлению и развитию социальных институтов и организаций, приходящим на смену прежним. В этом проявляется его позитивная функция. Одновременно это и процесс столкновения ценностей и норм, результатом чего после состояния аномии вырабатывается новая ценностно-нормативная система. Одним из наиболее важных конфликтов и противоречий, по нашему мнению, является конфликт между центром и периферией гражданского общества, что проявляется в конфликте центра и регионов государства. Государство выступает здесь своего рода оболочкой гражданского общества, в рамках которого разворачивается конфликт.

³⁷ Ibid, s. 323 – 324.

³⁸ Как доказывает немецкий ученый К.Беркель в своей работе «Исследование конфликта и преодоление конфликта», социальный конфликт имеет одновременно внутрилличностный и межличностный характер и человек, его участник, наиболее позитивно реагирует на внешнее управляющее воздействие именно в условиях конфликта институционализированного, структурированного, развивающегося в «организационном» контексте (Berkel K. Konfliktforschung und Konfliktbewältigung. Berlin, 1984. S. 147, 150.

В числе важнейших составляющих того обширного инструментария предупреждения и разрешения социальных конфликтов, который изучался и разрабатывался в социологической науке XX века, следует назвать воспитание политической и правовой культуры граждан, ориентиро-

ванное на ценности демократического общества. В рамках этой культуры сложились принципиальные подходы к регулированию разнообразных социальных конфликтов. Среди них следует выделить приоритетную ориентацию на преимущественное использование ненасильственных

методов регулирования, а также широкое использование инструментов права в урегулировании конфликтов, поскольку только право может выполнять функцию всеобщего ориентира и оперативно интегрировать опыт регулирования и разрешения социальных конфликтов.

Д.Н. СОЛОВЬЕВ, кандидат военных наук

А.В. КАЗАКОВ, кандидат исторических наук НОИР

D. Soloviev, candidate of military Sciences

A. Kazakov, candidate of historical Sciences NOIR

Казачество как важная составляющая военной истории России (1850-1912) Cossacks as an important part of the military history of Russia (1850-1912)

Аннотация: В статье показан вклад казачьих формирований в охрану границ Российской империи и их участие в военных действиях.

Abstract: This paper shows the contribution of Cossack units in the border security of the Russian Empire and participation in hostilities.

Ключевые слова: военная служба, казачество, войска, театр военных действий, действующая армия, пограничная стража, военные округа, рода войск, казачьи кадетские корпуса.

Keywords: military service, the Cossacks, troops, war theater acting army, border guards, military districts, type of troops, the Cossack cadet corps.

Казачество издавна было военным, служивым сословием, выполняя функции военных поселений, защиты границ. Это сословие жило своей самобытной жизнью, воспитывало и обучало подрастающее поколение определённым навыкам специфической военной службы. В то же время, говоря о древности происхождения казачества, нельзя отделять казаков от русского народа. Казаки, как военные поселенцы, защищая границы, участвуя в военных кампаниях России, приносили ей немалую пользу. Недаром Лев Толстой говорил: «Казаки создали границу, казаки создали Россию».¹

В период с 1850-х годов до 1912 года в интересах повышения военной мощи русской армии в России был проведён ряд важнейших военных реформ, которые коснулись не только стратегии и тактики боевых действий, но и улучшения состояния экономических, политических, социальных и идеологи-

ческих условий в обществе и государстве².

При определённых изменениях в обществе казачество также подвергалось этим реформам, будь они социальные или военные. Изначально молодых казаков обучали казачьей жизни и казачьей службе на родных хуторах и станицах. После поражения в Крымской войне реорганизации подверглись все военные учебные заведения, появились новые военные школы и училища. Финансирование казачьих учебных заведений, которое долгое время продолжало оставаться как государственным, так и станичным, в конце концов стало государственным.

Понимание роли казачества правительством и Военным Министерством переломило подход и к кадетским корпусам. После работы правительственной комиссии стали появляться казачьи кадетские корпуса, год от года увеличивалось их финансирование. К 1886 году стало постепенно размывать-

ся сословное представительство и в высших военных учебных заведениях – армия остро нуждалась в офицерских кадрах. Выходцы из казачества стали достойными продолжателями славных традиций русского офицерства.

Как итог всем проводимым реформам, по оценкам иностранных военных специалистов, к началу 1900 года русская армия стала считаться одной сильнейших в мире.

Все части и подразделения российских сухопутных войск, в зависимости от порядка их комплектования и прохождения службы, подразделялись на войска регулярные, иррегулярные и милиционные.

Регулярные войска комплектовались на основе закона о всеобщей воинской повинности и содержались уже в мирное время в заданной степени готовности. Войска иррегулярные, или казачьи, содержались в мирное время в одной трети своей полной численности. При этом для казаков условия и

¹ Толстой Л.Н. Казаки. – СПб., 1863. – С. 65.

² ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 5/3. Д. 324. Л. 1-59.

порядок прохождения воинской службы были несколько отличные от порядка прохождения службы, установленного для остального населения страны. Милиционные части формировались для поддержания порядка в отдельных регионах страны на добровольных началах из числа коренного населения этих местностей. В состав вооружённых сил входило также и государственное ополчение, которое созывалось в военное время для усиления армии в целом.

В зависимости от задач, выполняемых войсками во время войны, и степени их готовности к ведению боевых действий, части и подразделения российской армии подразделялись на войска полевые, или действующие (предназначенные для непосредственного ведения боевых операций); войска крепостные (являвшиеся, по сути, гарнизонами крепостей); и запасные войска (отдельные части которых формировались в военное время для укомплектования полевых войск и пополнения убыли личного состава).

В зависимости от основного вооружения и определённых им роли и места при ведении боевых действий, части и подразделения армии делились на пехоту, кавалерию, артиллерию и технические войска (инженерные, железнодорожные, воздухоплавательные, авиационные, автомобильные части). Существовали части и команды вспомогательного назначения, к которым относились обозные батальоны, дисциплинарные роты, местные команды, подразделения конвойной стражи, нестроевые команды мастеровых, подразделения корпуса жандармов и другие.

В этой классификации обособленное положение занимала пограничная стража, которая в мир-

ное время находилась в ведении Министерства финансов и несла службу по охране границ, а в военное время подразделения пограничной стражи на театре военных действий поступали в распоряжение военного командования. Кроме того, следует отметить, что в российской армии почти во всех родах войск были гвардейские части, которые, в отличие от армейских, находились в более привилегированном положении.

Казачество, как особое военное сословие, сложилось в России исторически, имело свое особенное организационное устройство и несло военную службу на особых условиях¹.

Укрепляя регулярную армию, уже в 1801 году Воинская комиссия пришла к выводу, что «Когда предстоит надобность, то может и кавалерия немедленно быть умножена казаками и другими нерегулярными войсками без излишних по содержанию их в мирное время издержек».³

Казачьи войска в этом случае превращались из вспомогательной конницы в регулярную и должны были выполнять все задачи, возложенные на последнюю. Этой точки зрения придерживался ещё светлейший князь Потёмкин-Таврический, генерал-фельдмаршал, обративший особое внимание на развитие казачьих войск.⁴

В результате произведённых преобразований к 1805 году Россия располагала казачьими войсками, которые обязаны были выставлять следующее число полков: Донское – 80 конных, Черноморское – 10 пеших и 10 конных, Уральское – 10 конных, Бугское – 3 конных, Оренбургское, Ставропольско-Калмыцкое войско и Чугуевское войско по 1 полку. Общая числен-

ность иррегулярных войск доходила до 100 тысяч человек.

Состав иррегулярных войск во второй четверти XIX века практически не изменился. Они включали в себя казачьи войска и так называемые «инородческие» части.⁵ Взгляд на их функции также не претерпел изменений: казаки несли внутреннюю службу в пределах своего войска и линейную пограничную службу.⁶

К так называемым «инородческим» войскам относились пешие и конные иррегулярные части. Пешие части: Балаклавский греческий батальон и грузинская пешая дружина, конные части: Дагестанский конно-иррегулярный, Закавказский конно-мусульманский, Кавказский сводно-иррегулярный, Терский конно-иррегулярный полки, Крымский татарский эскадрон, Анапско-горский полуэскадрон, команды лезгин (объединены в кавказский эскадрон), Дагестанская постоянная милиция (12 сотен) и Башкиро-мещерякское войско. Во всех этих частях в 1850 году насчитывалось офицеров – 189, рядовых – 37500 человек.⁷

Во второй половине XIX века, после начала реформ, изменился состав военных округов, и произошли изменения в казачьих войсках, военных округов стало тринадцать: Петербургский, Финляндский, Виленский, Варшавский, Киевский, Одесский, Московский, Казанский, Кавказский, Туркестанский, Омский, Иркутский, Приамурский, Закаспийская область, хотя и имела своё управление, была подчинена Туркестанскому округу. Донская область имела своё местное управление. Были упразднены⁸: Чугуевские казаки, Бахмутские казаки, Бугское казачье войско, Екатеринославское казачье войско, Дунайское ка-

³ Там же, л. 1.

⁴ Казаки в войнах России / Под общ. ред. Б. Игнатъева. – СПб., 1913. – С. 191

⁵ Историческое обозрение военно-сухопутного управления в России 1825–1850 гг. – СПб., 1850. – С. 154; Военный Сборник. – СПб., 1858. – С. 201.

⁶ Отчёт о НИР, Гост 7.32 – 2001. – Минск, 2001. – С. 12.

⁷ Караулов Н.А. Оперативно-тактическое использование и тактика казачьих войск. – СПб., 1876. – С. 128; Казачья лава и ее современное значение. – Харьков, 1912. – С. 67

⁸ Бекмаханова Н.Е. Казачьи войска азиатской России в XVIII – начале XX в. – М., 2000. – С. 24.

защиты войско, Украинское казачье войско, Азовское казачье войско, Ставропольское калмыцкое войско, Башкиро-мещеряцкое войско, Малороссийское казачество, Запорожское казачество, Слободское (Украинское) казачество.

Центральное управление всеми казачьими войсками осуществлялось через Департамент военных поселений. Каждое отдельное войско возглавлял наказной атаман, то есть атаман, выбранный Казачьим Кругом. Войсковой атаман Донского казачьего войска имел права командира корпуса. Наказные атаманы Черноморского, Кавказского, Сибирского, Оренбургского и Уральского войск подчинялись командирам отдельных корпусов, а Азовского, Астраханского и Забайкальского – генерал-губернаторам. Управление каждым войском, за исключением Донского, подчинённое в военном отношении министерству, разделялось на главное и местное.⁹

Главное управление осуществляли командиры корпусов (или генерал-губернаторы) через войсковой круг, местное управление включало в себя войсковое и станичное. Приказы и распоряжения Военного министерства передавались в войска непосредственно.

Станичное управление осуществлял станичный атаман, в распоряжении которого было выборное станичное правление. Войсковое управление осуществлялось в округах окружными начальниками, опиравшимися на окружные дежурства, в полковых округах – полковыми командирами, располагавшими полковыми правлениями.

Казачи отбывали воинскую повинность по особым правилам. Повинность была обязательна для

казачьего населения всех сословий. Все лица, обязанные воинской повинностью, составляли так называемый «строевой разряд», в котором рядовые числились 30 лет (в гвардии – 22 года), а офицеры – 22 года.

Казачи несли полевую службу обычно вне пределов войска в течение 25 лет и внутреннюю, в пределах войска, в течение 5 лет. Во время прохождения действительной службы казаки отпускались в долгосрочные отпуска (льготы). Фактически на действительной службе казаки были от 10 до 12 лет и на льготе – с 13 до 15 лет.¹⁰

Младший командный состав готовили полковые окружные школы и войсковые артиллерийские школы. Офицерские кадры готовились через существующую сеть военно-учебных заведений, где имелись соответствующие вакансии: Донского войска – 50 и далее соответственно Черноморского – 14, Кавказского линейного – 8, Дунайского – 8, Оренбургского – 40, Уральского – 36, Сибирского линейного – 110.¹¹ Кроме того, в офицеры производились лица, окончившие средние и высшие гражданские школы, но особо проявившие себя в ходе службы.¹²

Казачьи войска выставляли в 1856 и 1862 годах следующее количество частей: в 1856 году 389 сотен и эскадронов, 5 батальонов, 14 батарей; в 1862 году 475 сотен и эскадронов, 8,5 батальонов, 17 батарей.¹³

С 1862 по 1871 годы Военное министерство произвело радикальную перестройку казачьих войск. В результате пересмотра состава войск были преобразованы: Донское, Черноморское, Терское, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Сибирское, Забай-

кальское и Амурское (последнее в 1889 году было разделено на два: Амурское и Уссурийское) войска; образовано вновь Семиреченское войско; упразднены Азовское и Новороссийское войска, а также Тобольский и Томский городовые полки.¹⁴

С этого времени наказные атаманы стали пользоваться правами генерал-губернатора (или губернатора) и командующего войсками области. В 1875 году Донское казачье войско получило новый Устав о несении воинской повинности. Как и прежде, военная служба была обязательна для всех рядовых казаков. Срок службы был сокращён: действительной (полевой) – до 15 лет и внутренней – до 5 лет. Указанный срок полевой службы разделялся на три очереди (1 год службы, 2 года льготы).

Для подготовки офицеров число вакансий при военных училищах было увеличено до 330 человек. Донское войско имело 114 вакансий, Кубанское, соответственно, 70, Терское – 20, Астраханское – 6, Оренбургское – 61, Уральское – 32, Сибирское – 22, Семиреченское – 5.

Занимая определённую территорию, называемую областью, казаки образовывали казачьи войска: Донское (с центром в г. Новочеркасске), Кубанское (г. Екатеринодар), Терское (г. Владикавказ), Астраханское, Уральское (г. Уральск), Оренбургское, Сибирское (г. Омск), Семиреченское (г. Верный), Забайкальское (г. Чита), Амурское (г. Благовещенск) и Уссурийское (г. Владивосток). Кроме того, были казаки Иркутской и Енисейской губерний, а также Якутский городской казачий полк (численностью около 3 тысяч человек, состоявший в ведении Министерства вну-

⁹ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. – СПб., 1911. – С. 109

¹⁰ Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). – СПб., 2002. – С. 83.; Быкадоров И.С. История казачества. – СПб., 1915. – С. 49.

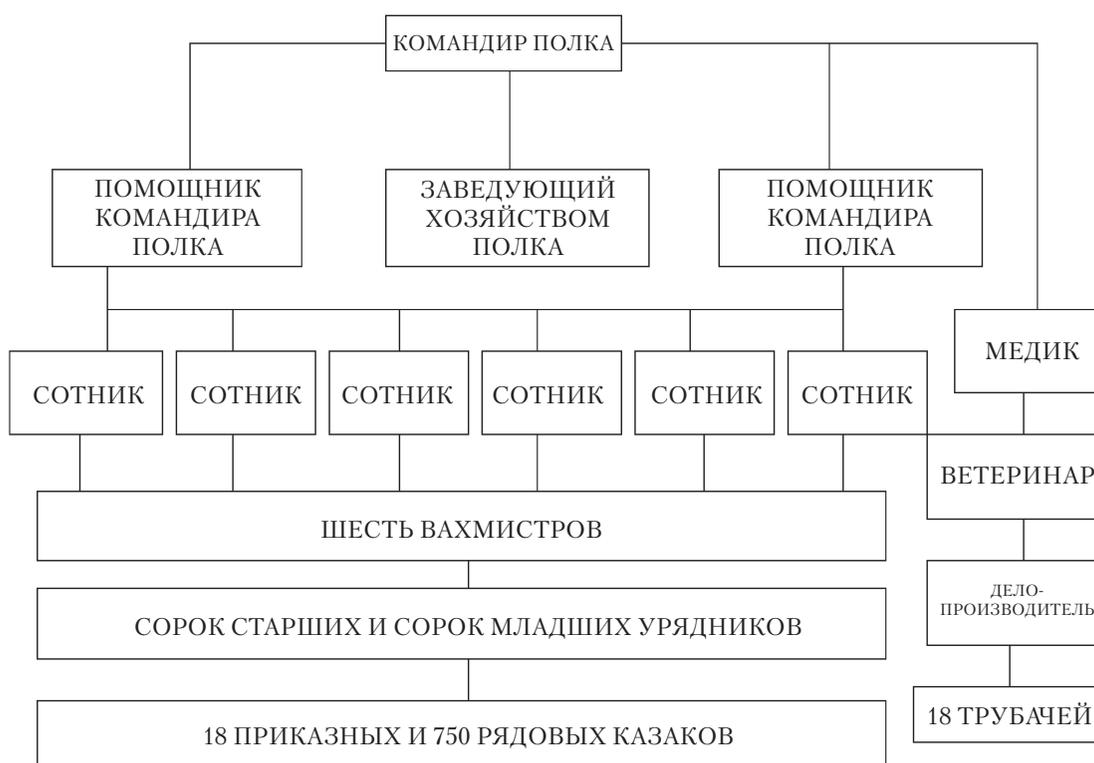
¹¹ Положение о порядке обучения молодых казаков, выбранных на укомплектование первоочередных донских конно-артиллерийских батарей. Приказ по военному ведомству № 195 сентября 17 дня 1888. – С. 32.

¹² ВИМАИВ и ВС. Ф. 3. Оп. 5/3. Д. 68. Л. 18.; Воробьев А.И. Руководство для строевой и служебной подготовки казаков приговорительного разряда Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1888. – С. 41

¹³ Там же, л. 25. об.; Базикин П. Памятка для казака. Изд. 2. – Новоселица, 1911. – С. 34.

¹⁴ Тарыкин А.П. Казачьи войска. – Омск, 1913. – С. 88

Рис 1. Структура казачьего полка

тренних дел).¹⁵ В 1917 году казаки Енисейской и Иркутской губерний начали формирование структуры войскового управления и провозгласили о создании Енисейского казачьего войска. Однако начавшаяся Гражданская война не позволила претворить эти планы в жизнь.

Атаманом всех казачьих войск традиционно числился наследник престола. Фактически общее управление казачьими войсками осуществлял Казачий отдел Главного штаба (вопросами мобилизации и боевой подготовки ведало Главное управление Генерального штаба). Данные об общей численности казаков весьма противоречивые. В 1900 году, по данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, в казачьих областях проживало около 6,8 миллионов человек обоего пола, из них к казачьему сословию принадлежало более 3144 тысяч человек, что составляло 2,4% тогдашнего населения Рос-

сии. По данным 1916 года число казаков возросло до 4443 тысяч, с учётом Енисейских, Иркутских и Якутских казаков.

К особенностям службы казаков относилось то, что служить должны были все без исключения, и военнообязанным казак являлся до тех пор, пока ему позволяло состояние его здоровья. Не относилось это лишь к так называемым торговым казакам, посвятившим себя торговой или промышленной деятельности. Они освобождались от обязательной воинской службы и были обязаны платить в кассу войска по 150 рублей в год за всё время службы. В свою очередь, считаясь военным сословием, казачество имело от правительства ряд льгот.

Служивый состав, исполняющий военно-служебные обязанности в мирное и в военное время, подразделялся по срокам прохождения службы на 3 разряда: призывной, строевой и запасной.

В призывной разряд молодой казак зачислялся по достижении 20-летнего возраста сроком на 1 год. В течение этого времени молодые казаки проходили предварительную подготовку, необходимую для поступления на действительную военную службу в строевые части. В курс подготовки входил и 4-недельный лагерный сбор при станице. За время нахождения в призывном разряде казак должен был приготовить необходимое для службы снаряжение, обмундирование, холодное оружие и строевого коня (на покупку коня из войсковых сумм могло отпускаться единовременное пособие в размере 50-100 рублей). Огнестрельное оружие и пики выдавались за счёт казны при прибытии казака в часть.

Далее, в течение 12 лет (с 21 года до 33 лет), казак числился в строевом разряде. При этом первые 4 года он проходил действительную службу в частях первой очереди, а

¹⁵ Он же, с. 80.

остальные 8 лет – в льготных частях второй и третьей очереди по 4 года соответственно. Льготные казаки были расписаны по полкам второй и третьей очереди, и в мирное время находились дома, занимаясь своим хозяйством, за исключением регулярных краткосрочных лагерных сборов. В целях поддержания высокой мобилизационной готовности льготные казаки были обязаны содержать в исправности своё снаряжение, обмундирование, холодное оружие и коня (только при нахождении в льготных частях второй очереди).¹⁶

По прошествии 12 лет службы в строевом разряде казака на 5 лет причисляли в запасной разряд и далее в ополчение. Запасной разряд предназначался для укомплектования частей третьей очереди и при необходимости для пополнения убыли в действующих частях, а также для формирования различных вспомогательных команд и частей. Войсковое ополчение составляли все казаки, способные носить оружие (за исключением тех, кто числился в строевом разряде) без ограничения предельного возраста.

Комплектование армейских казачьих полков проводилось по отделам с тем соображением, чтобы в каждый полк поступали казаки из одних и тех же станиц и хуторов. В связи с этим в сотнях и полках между казаками были тесные дружественные отношения или родственные связи, что, в совокупности со сложившимися традициями, отличало их высокой стойкостью и взаимовыручкой в бою.

Подготовка офицерского состава для казачьих войск осуществлялась в основном в казачьих училищах – Новочеркасском и Оренбургском, а также в казачьей сотне Николаевского кавалерийского училища. Прослужив 3-4 года в первоочередном казачьем

полку, офицеры-казаки могли отбыть на льготу по месту жительства, как правило, не более чем на 3 года, а затем вновь возвратиться в свой полк.

Организация и численность казачьего полка на примере штатного расписания Донского казачьего полка, которое в основном соответствовало организации обычного кавалерийского полка, приведена на рис. 1.

Всего, вместе с фельдшерами, писарями и другими нестроевыми нижними чинами, выполнявшими всякого рода хозяйственные работы, в каждом казачьем полку должно было быть в военное время 958 нижних чинов (из них 87 урядников), а в мирное время 933 при 57 урядниках.

Гвардейские части в составе лейб-гвардии Атаманского (4 сотни донцов), лейб-гвардии Казачьего (4 сотни донцов) и лейб-гвардии сводного Казачьего полков (по сотне от Оренбургского и Уральского казачьих войск, по полсотни от Сибирского и Забайкальского казачьих войск, и четвёртая сотня в составе взводов от Астраханского, Семиреченского, Амурского и Уссурийского казачьих войск), а также лейб-гвардии Донской казачьей батареи составляли третью бригаду Первой гвардейской кавалерийской дивизии. Казаки традиционно составляли и Собственный Его Императорского Величества конвой (по 2 сотни от Кубанского и Терского казачьих войск).

Казаки по мобилизационному расписанию выставляли 943 конных сотни (с учётом Гвардии, в которой лейб-гвардии Атаманский и лейб-гвардии Казачий полки доводились до 6-сотенного состава), 72 пластунских сотен, 39 артиллерийских батарей (с учётом Гвардии) и запасные части. Казачьи полки и сотни второй или третьей очереди составляли казачьи ди-

визии второй очереди (3-я, 4-я и 5-я Донские, 1-я и 2-я Кубанские, Терская, Уральская и Оренбургская), а также отдельными сотнями и полками включались в состав пехотных (стрелковых) дивизий, корпусов и армий для выполнения различных задач, в том числе и в качестве конвоя.

Из общего числа конницы русской армии, которая по мобилизационным планам должна была составлять 1339 эскадронов и сотен, более половины всей кавалерии России представляли именно казачьи формирования, управление которыми необходимо было осуществлять как в повседневной жизни, так и в бою.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что с ростом числа казачьих формирований возникала острая необходимость в офицерских кадрах. Как результат, эту потребность Военное ведомство пыталось решить, увеличивая с каждым годом число вакантных мест в военных училищах для поступления в них юношей-казаков. Сыновья тех, кто прошёл военную службу, имея возможность первоочередного поступления в военные училища, часто выбирали уже не кавалерийские училища, а шли в училища других родов войск, продолжая считать себя казаками. Однако с развитием стратегии и тактики ведения войны, принятием на вооружение новейших образцов военной техники возникала необходимость в более углублённой довоенной подготовке будущих юнкеров. С этой целью с конца XIX века повсеместно стали создаваться кадетские корпуса. В те же годы получили своё становление и казачьи кадетские корпуса¹⁷. Многие из тех, кто в те годы представлял цвет русской армии, были выходцами из казачьих кадетских корпусов.

¹⁶ ВИМАИВ и ВС. Ф. 6. Оп. 5/3. Д. 148. «Об отпуске оружия и патронов в казачьи части войск»; Статистический обзор современного положения казачьих войск. – СПб., 1903. – с 67.

¹⁷ Сотников Ю.А. Опыт учебно-воспитательной работы в военных гимназиях России XIX века. – М., 1996. – С. 8

С.А. КОНДЫРЕВ, Санкт-Петербург
S. Kondyrev, St. Petersburg

Россия начала XXI века: особенности формирования региональных элит Russia began the XXI century, particularly the formation of regional elites

Аннотация: В статье исследованы особенности формирования региональных элит России в начале 2000-х годов.

Abstract: The features of the formation of the regional elites of Russia in the early 2000-s.

Ключевые слова: правящие элиты, полномочия регионов, административные структуры, власть, влияние, избирательная система, политические партии, социологические исследования, преемственность.

Keywords: the ruling elite, the powers of regions, administrative structures, power, influence, electoral system, political parties, social research, continuity.

В истории России XX столетия правящая элита неоднократно подвергалась существенным трансформациям, которые в целом негативно сказались на её развитии. Современные процессы, направленные на усиление централизации власти в России, и того влияния, которое центральные (федеральные) элиты оказывают на общественное взаимодействие, не могут не заинтересовать в исследовании современных российских элит.

Зададимся некоторыми вопросами: станет ли провинция равной Москве, если говорить о равенстве права голоса, о возможности предложить и отстоять собственную волю и логику, о демократии, в конце концов? Удастся ли по справедливости распределить полномочия Центра и регионов в том, что касается жизненно важных для людей вопросов? Почувствуют ли «провинциалы» свою значимость или по-прежнему будут во всём кивать на столицу, одновременно пресмыкаясь и лукавя перед ней?

Крупномасштабных зондирований региональной элиты в России проводилось достаточно мало. Наиболее полным остаётся исследование «Самые влиятельные

люди России-2003. Политические и экономические элиты российских регионов», которое дважды – в 2000 и 2003 годах – осуществил Институт ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ) под научным руководством доктора политических наук Оксаны Гаман-Голутвиной. Термин «элиты» учёные использовали в его сугубо функциональном значении – к ней причисляли тех, кто принимает стратегические решения в сфере экономики и политики. Исследование его авторы вели в формате экспертного опроса, по результатам которого формировались рейтинги политического и экономического влияния для каждого из вовлечённых в орбиту исследования регионов. Причем в 2000 году опросу подверглись 1263 авторитетных эксперта – представителя 54 регионов страны, в 2003-м – 1702 из 66 краёв, округов, областей или республик (в каждом – не менее чем по 25 человек). В итоге удалось не только изучить региональные власти, но и проследить различия между путинской и ельцинской Россией в региональном ракурсе, вычертить некие «векторы развития» для региональной элиты на будущее. Даже кардинальные

перемены в способе избрания и назначения региональных лидеров, по-видимому, не сведут все усилия учёных на нет. Как явствует из сообщений о кадровых перестановках в том или ином округе или области, чаще всего они подчиняются примерно той же логике, что и прежние избрания (тем более, что самому процессу выборов, как правило, предшествовала долгая цепочка согласований и выдвижения не столько харизматичных, сколько «нужных» кандидатур).

Ещё не ведая о скорых переменах, эксперты ИСАНТа стали их предвестниками. Как они отмечали, влияние административной вертикали на формирование элиты в последние годы заметно усиливалось: по сравнению с 2000 годом доля губернаторов в перечне наиболее влиятельных лиц возросла на 26%. Но вот что важно: всё меньшее значение имел личный фактор по сравнению с принадлежностью или поддержкой мощных административных или политико-финансовых структур. Эпоха самовыдвиженцев и одинок ушла в прошлое задолго до того, как им перекрыли возможность самих себя выдвигать, бороться за власть в одномандатном

округе или претендовать на губернаторское кресло.

Уже несколько лет назад представителей региональной элиты рекрутировали во власть преимущественно административными методами, назначая нужных людей на руководящие посты в региональных или муниципальных структурах. Избирательное чистилище становилось дополнительным барьером, не более того. В бюллетени для голосования было просто не попасть людям со стороны, не продемонстрировавшим личной преданности тем или иным влиятельным группировкам. Услуги политтехнологов тоже стоили недешево, воля спонсоров была для кандидата законом. Сейчас много говорится о том, что решение о новом порядке выборов было недемократичным. Увы, и прежде региональные выборы лишь узаконивали состоявшиеся негласные закулисные тендеры на право занять высокое кресло, причём роль и влияние имеющейся административной вертикали по большей части перевешивали все прочие факторы.

На протяжении последних лет практически сдала без боя свои позиции так называемая милитократия, приходом которой страну долго пугали. По оценке экспертов, несмотря на высокий удельный вес выходцев из силовых и специальных структур в составе элиты, темпы вхождения во власть бывших военных (так называемых силовиков) намного ниже, чем темпы пополнения элиты за счёт выходцев из бизнеса. Согласно социологическим исследованиям, в течение двух лет президентства Владимира Путина удельный вес выходцев из деловых структур в региональной элите (хотя он и уступал вдвое бывшим военным в составе управленцев) вырос в 6 раз и достиг 11,3% против 1,6% в 1993 году. Особенно заметно политическое участие бизнес-элиты в сырьевых регионах и тех субъектах Российской Федерации, где расположены крупные бюджетобра-

зующие предприятия (Чукотка, Эвенкия, ХМАО, Приморье, Красноярский край и др.). Кроме того, в новых условиях выходцы из военных кругов оказались не очень эффективны в качестве гражданских управленцев. Единственный удачный пример – губернатор Подмосковья Борис Громов. Что же касается экс-губернатора Ульяновска Владимира Шаманова, то его опыт лучше других дал понять, как не надо управлять регионом. Трудности испытывал и Георгий Шпак (Рязань). Даже полпреды в погонах – Константин Пуликовский, Анатолий Квашнин, Петр Латышев и Георгий Полтавченко – существенно уступают по уровню влияния и управленческим качествам Сергею Кириенко и Дмитрию Козаку. Как считают учёные, любимые Московской разговоры о неповоротливых провинциалах – миф.

Региональная элита в целом (хотя нет правил без исключений) владеет ситуацией в своих регионах, чутко улавливает сигналы сверху, а иногда оказывается дальновиднее своих федеральных начальников. Правда, если раньше среди региональных руководителей ещё хоть как-то ценились навыки публичного политика, теперь они атрофируются за ненадобностью. Скорее всего, когорта чиновников и выходцев из бизнес-структур станет ещё плотнее и многочисленнее. Зато меньше всего нужны сейчас агитаторы и горлопаны – таких на региональной арене практически нет, да и прежние конфликтные политики существенно приосмирили. И, конечно, никуда не ушли критерии принадлежности к местному «клану», «картелю», «коалиции» или «корпорации» (именно так многие исследователи определяют типы внутриэлитной консолидации в России). Последнее назначение, например, главы Кабардино-Балкарии убедительно продемонстрировало, насколько этот фактор важен при предварительных согласованиях кандидатуры регионального лидера с региональной элитой и Центром.

Что же касается рейтингов влиятельности региональных персон, то, как и прежде, бизнес-элита во многом формируется и действует по тем же законам, что и политическая, тем более что назначенцы уже не являются чистыми политиками. Многие деятели успешно существуют в обоих списках. Как правило, это представители ведущих отраслей промышленности регионов (в Приморье – рыбодобывающей, в Ханты-Мансийске – нефтяников и газовиков и пр.), а также энергетических структур. Что же касается личных качеств бизнес-элиты, то входящие в её состав люди, как правило, молоды, энергичны, имеют дипломы престижных вузов с экономическим или юридическим уклоном (два-три высших образования – не редкость). Чтобы взойти на региональный бизнес-Олимп, им требуются работоспособность и быстрота реакции, умение «пройти сквозь стены», безжалостность к конкурентам, интуиция и гибкость в сочетании с напором и жёсткостью. Бизнес-сообщества, как и политическая элита, нередко проявляют тенденцию к образованию кланов по этническому принципу (пример – русская, дагестанская, армянская, татарская, казахская и чеченская субгруппы в Астраханской области). А вот варягам в регионах по-прежнему трудно, даже если их насаждает своей волей Москва.

За долгие годы сложилась система, по которой костяк администрации даже у пришлых губернаторов всё равно формировался из местных уроженцев (хотя и это правило знало и исключения). Многие губернаторы просто не позволяли возможным конкурентам двинуться дальше «выжженной земли». Сейчас кадровые проблемы, естественно, меньше не стали, хотя бы потому, что с отменой выборов дал сбой сам механизм рекрутирования новых людей во власть регионов.

Наталья Зубаревич, директор региональных программ Неза-

висимого института социальной политики, считает, что в случае с назначением губернаторов был совершён «переход на ручное управление», когда администрация президента «сработала как МЧС»¹. Однако нет никаких гарантий, что проблемы не воспроизведутся вновь. Тем более что в большинстве случаев произошло переназначение уже избранных губернаторов. К тому же мы наблюдаем сейчас во власти «реинкарнацию олигархов» – людей специфических по стилю мышления и руководства. Результатом того и другого стало то, что из зоны принятия решений были выведены органы, которые избирались населением: им осталась только штамповочная роль на финальном этапе утверждения кандидатур. При этом роспуск регионального парламента, если он всё-таки проявит строптивость, взорвёт изнутри всю эту довольно хлипкую согласовательную конструкцию. Правда, скорее всего, не проявит.

На первый взгляд, роль законодательных собраний возросла. Однако если копнуть глубже, окажется: ни о каком представительстве народа через партии, ни о какой внутривластной борьбе в конечном итоге говорить невозможно. По сути, замечает Наталья Зубаревич, «каналы вертикальной мобильности» для перспективных политиков сейчас полуперекрываются. А главный канал, по которому хоть как-то можно проникнуть во власть, – региональные отделения «Единой России», являя собой такую густую смесь бюрократизма, интриг и склок, что политически активные люди в такой среде просто не выживают. Кроме того, сменился состав тех, кто идёт во власть. Разговоры о «представительстве интересов населения в органах власти» всегда были рассчитаны, скорее, на агитацию-пропаганду. Однако интересы

бизнеса во власти представлялись на редкость чётко. Так вот теперь, когда губернаторов назначают, а избирают только мэров, депутатов и муниципалов, сменился сам бизнес-формат органов власти. Интересы бизнеса сконцентрировались этажом ниже – там, где ещё возможны выборы. Площадка борьбы перемещается с губернаторского плацдарма в законодательные собрания, а партии теперь – «не роскошь, а средство передвижения» для бизнес-кандидатов.

Крупный бизнес притих и лишь отслеживает ситуацию в регионах, где ему принадлежат корневые производства. Там он, конечно, позиции не сдаст – не мытьём, так кантанием. Поэтому партийные игры на федеральном уровне – это, как правило, прикрытие для защиты интересов крупного бизнеса»². И он, по мнению эксперта, проявил недюжинные способности к мимикрии под новую среду обитания, полностью усвоив новые правила игры. Если крупный бизнес свои интересы сформировал и теперь только отстаивает, то средний и среднекрупный становится сейчас активным игроком на политическом поле регионов. Динамичнее же всего борьба, по-видимому, пойдёт за места в городских думах. Именно через них малый и среднемалый бизнес попытается реализовать свои интересы, связанные с собственностью, в том числе земельной. Так, например, Новосибирская гордума оказалась фактически поделена между бизнес-группировками местного значения. Схожая ситуация и в других городах.

Имущественный ценз на политическую деятельность для бизнеса снизился – во власть активно идёт среднемалый и городской бизнес, сам по себе динамичный и напористый. Однако для граждан тот же самый имущественный ценз стал недостижимо высоким. Да и к вы-

борам интерес всё меньше и меньше, у людей нет ощущения, что они «нужны во власти», а работа официальных структур перестала быть привлекательным для публики «шоу». Что же касается партий, на которые с введением пропорциональной или смешанной системы представительства, казалось бы, возложена новая роль, то здесь заблуждаться не стоит. Во-первых, у всех партийных структур, кроме «Единой России», серьёзные проблемы со средствами. Бизнес, который раньше «раскладывал яйца по разным корзинам», сейчас делает ставку лишь на безусловного гегемона. Ни КПРФ, ни ЛДПР уже не мечтают повторить свои же былые успехи. Однако на внутривластной деланке постепенно начинается всё та же борьба, что раньше происходила на всём многопартийном пространстве: «Единая Россия» раскалывается на группы и группировки, внешне сохраняя монолитное единство.

Исследования, проводимые политологами, в том числе и региональными, позволяют вскрыть некоторые новые тенденции в становлении законодательной ветви власти в российских регионах.

Во-первых, всё отчётливее становится тенденция «вытеснения» из депутатского корпуса социальной страты, представленной врачами, учителями, преподавателями высшей школы, в то время как доля представителей бизнеса растёт. Причину меняющегося профиля законодательной власти региональные эксперты объясняют стремлением крупных экономических акторов контролировать ситуацию в области законодательства для защиты своего бизнеса.

Во-вторых, заметно нарастает лоббистский потенциал законодательных собраний. Около 70% представителей элиты убеждены, что эти изменения неизбежны и в перспективе законодательная

¹ См.: Добрынина Е. Региональные элиты переходного периода // Политический класс. – 2005. № 11. – С. 30.

² Там же.

власть всё больше будет терять черты «представительства народа» и превратится, в конечном счёте, в сильный орган лоббирования интересов бизнеса в регионе. Отказ от одномандатных округов и переход к пропорциональной системе ещё больше усилит эту тенденцию, провоцируя покупку мест в партийном списке наиболее заинтересованным в политическом влиянии фигурам.

В-третьих, в последние годы изменился механизм формирования законодательных собраний, усложнилась их структура. Всё чаще крупные группы региональных корпораций пытаются провести туда всё большую группу своих людей с целью создания собственных институциональных групп влияния.

В-четвёртых, происходит усложнение формальной структуры региональных парламентов, отражающих реальную сложность расстановки сил внутри региональных политических элит. Постепенно становится всё более заметным феномен «двойного членства» депутатов в парламентских объединениях, отражающих стремление региональных политиков получить определённые гарантии политической прочности, что заставляет их политически структурироваться.

В-пятых, в законодательных собраниях всё более серьёзными субъектами влияния становятся не формальные фракции, а неформальные группы, которые образуются, исходя из интересов защиты собственного бизнеса, выстраивания взаимовыгодных отношений с исполнительной властью, построения своей политической карьеры.

Вопрос о ресурсах влияния законодательной власти не может ставиться и решаться только в общем региональном контексте. Политические региональные режимы существенно различаются между собой, так же как различаются составы региональных парламентов, которые в большинстве субъектов Федерации до недавнего времени избирались по одномандатным

округам. Это способствовало тому, что влияние ЗС как института представительной власти определяется не только и не столько этой силой влияния самого этого политического института, а складывалось из возможностей и ресурсов отдельных комиссий, фракций, групп, объединений, политических персон. Нередко эти ресурсы определялись близостью тех или иных групп парламента к исполнительной власти, лично к губернатору, иногда объёмом финансовых потоков, контролируемых депутатами.

Демократия в российской провинции укоренится и начнёт развиваться только тогда, когда людям окажется что терять в результате выборов. Когда в полной мере заработают Земельный и Жилищный кодексы, когда у людей появится настоящая собственность, когда они поймут, что от их выбора зависит их собственное благосостояние, а не абстрактные судьбы родины. Как раз к этому времени по-настоящему должны заработать органы местного самоуправления.

Уточнить сложившиеся в социологической науке представления о характере современных политических элит позволяют результаты исследования «Формирование и функционирование региональных политических элит на примере Ханты-Мансийского автономного округа», которое проводилось нами апреле 2007 года при участии Фонда социологических исследований при губернаторе ХМАО. Методом исследования был избран экспертный опрос, который, на наш взгляд, является наиболее оптимальным при исследовании этой темы. Он помогает не только получить стандартизированные ответы, но и более глубоко понять эмоциональную составляющую опрашиваемых, разъяснить более глубоко суть вопроса и получить именно необходимую информацию от экспертов.

Теоретическую основу исследования составили следующие три гипотезы, сформулированные в ре-

зультате обобщения выводов современной социологической науки:

- большую часть современной элиты составляют представители советской элиты;

- увеличение роли политических партий в формировании региональной политической элиты;

- взаимозависимость и взаимовлияние политических и бизнес-элит в рассматриваемом регионе.

Как представляется, эти три гипотезы были в целом подтверждены данными конкретных социологических исследований. Также были получены результаты, охватывающие процессы, происходящие с политической элитой в рассматриваемом регионе. 36,5% опрошенных назвали своей профессиональной сферой деятельности бизнес, финансы и экономику, что подтверждает гипотезу о высокой взаимосвязи и взаимодействии политической и бизнес-элиты. Достаточно большое количество представителей государственной службы, многие из них занимали в прошлом посты в КПСС. Этот тезис подтверждает гипотезу о нераздельности советской и современной элиты. Тем самым основные решения принимаются людьми от бизнеса, а также представителями бывшей советской элиты.

Если сравнивать советскую и современную элиту, то можно прийти к следующим выводам.

Среди основных черт и характеристик со знаком (+) для современной элиты были отмечены:

- Самостоятельность в принятии решений.

- Снижение среднего возраста по сравнению с советской элитой.

- Велика доля представителей бизнеса среди членов элиты.

- Велика доля национально ориентированных людей среди членов элиты.

- Среди основных черт и характеристик со знаком (–) для современной элиты были отмечены:

- Снижение уровня профессионализма и образованности.

- Отсутствие стратегического планирования и национальной идеи.

- Подготовка системы кадров и попадание в элиту было лучше развито во времена СССР.

Исходя из этих данных, можно сделать выводы: в советское время система имела более жёсткие рамки для вхождения элиту, для этого необходимо было пройти несколько ступеней отбора, при этом такие факторы, как профессионализм и подготовленность, играли важные роли, в сегодняшнее время таких ступеней практически нет, люди бизнеса могут напрямую попадать в элиту и лоббировать собственные интересы, успешность собственного бизнеса становится важным фактором для попадания в элиту.

Это подтверждает гипотезу исследования о слиянии бизнес-элиты и политической элиты. При этом многие из членов современной политической элиты перешли в её стан после развала СССР. При том, что большинство респондентов состояли в КПСС, можно сделать вывод о том, что им импонируют старые политические методы. Эти выводы также подтверждают гипотезу исследования о нынешней и советской элите.

Происходит омоложение состава элиты, если ранее это были люди, средний возраст которых был 55–60 лет, то теперь эта планка снижается до 50 лет. Во время перестройки

большинству из опрошенных было около 30 лет, что позволяет сделать вывод о том, что нынешняя элита, а в особенности члены партии «Единая Россия», представляют собой последнюю волну коммунистов 80-х годов, что тем самым обуславливает преемственность в формировании элиты за последние 30 лет. Это подтверждает гипотезу о нераздельности советской и нынешней элиты, а также последовательности формирования элиты за последние годы. Но тенденция омоложения элиты будет продолжаться, особенно при сужении социальных лифтов и возрастании роли родственного протекционизма.

Н.М. СИРОТА, доктор политических наук, профессор НОИР

Р.А. ЦАРЕГОРОДЦЕВ, г. Санкт-Петербург

N. Sirota, doctor of political Sciences, Professor NOIR

R. Tsaregorodtsev, St. Petersburg

О становлении гражданского общества в России On the formation of civil society in Russia

Аннотация: В статье дан исторический анализ становления идеи гражданского общества в Западной Европе и России.

Abstract: The article provides a historical analysis of the formation of the idea of civil society in Western Europe and Russia.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, волеизлияние, диктатура, гражданин, деспотизм, свобода, демократия, прогресс, общественные организации, правозащитники, нравственность.

Keywords: civil society, the state, expression of the will, the dictatorship, the citizen, despotism, freedom, democracy, progress, social organizations, human rights, morality.

Исторически идея гражданского общества восходит к политической мысли античности. Согласно Аристотелю, человек – существо общественное и политическое, а государство – естественный продукт развития общества политических граждан.

Понятие «гражданское общество» появилось в XVII веке в трудах Т. Гоббса и Дж. Локка. В XVIII–XIX веках оно получило развитие в работах Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Т. Пейна, И. Канта, Г. Гегеля, А. Токвиля и других мыслителей.

Понятие «гражданское общество» было введено Т. Гоббсом и Дж. Локком для отражения перехода человечества от природного к цивилизованному состоянию. Они отождествляли с гражданским обществом государство, основанное на общественном договоре и выражающее интересы граждан.

Согласно Ж.-Ж. Руссо, законную силу имеет только система правления, которая основывается на участии каждого гражданина во властных отношениях, на безусловном полновластии народа. На этом основании он отвергал принцип

представительной власти, поскольку гражданин перепоручает свою волю избираемому лицу и тем самым лишается своего права на принятие решений. В народном волеизлиянии Ж.-Ж. Руссо видел суть гражданского общества-государства. Весьма плодотворна мысль Ш. Монтескье о том, что гражданское общество – важнейшая гарантия от произвола и диктатуры.

Заметно углубил представления о гражданском обществе И. Кант. Рассматривая противоречивые качества человеческой природы (неуживчивость, тщеславие, жажда обладания и в то же время стремление к согласию), он пришёл к выводу о том, что баланс этих качеств может обеспечить лишь гражданское общество. Оно, согласно И. Канту, основано на принципах свободы каждого члена общества как человека и гражданина, равенства его с другими гражданами.

Во второй половине XVIII века в политической мысли прослеживается стремление разграничить понятия «государство» и «гражданское общество». Шотландский философ А. Фергюсон счи-

тал возможным предотвращение деспотизма власти в том случае, если граждане сумеют обеспечить должный уровень взаимодействия друг с другом. Для этого необходимы ассоциации граждан, пронизывающие общество.

В трактовке А. Фергюсона понятие «гражданское общество» приобрело этическую окраску. «Великой целью гражданского общества является счастье индивидов: ибо как может благоденствовать общество, если каждый из составляющих его членов является несчастным?»¹ – вопрошал он.

Один из основателей США Т. Пейн высказал мысль о саморегулируемости гражданского общества и ограничении в его пользу государства. Чем совершеннее гражданское общество, тем успешнее оно регулирует свои проблемы и тем меньше нуждается в правительстве. Сокращение власти государства до минимума делает возможным формирование конфедерации независимых и мирно взаимодействующих гражданских обществ.

Принципиально новыми положениями обогатил проблему

¹ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. Под ред. М.А. Абрамова. – М., 2000. – С. 107.

гражданского общества Г. Гегель. В отличие от своих предшественников он рассматривал гражданское общество и государство как самостоятельные институты. Гражданское общество, по Г. Гегелю, это совокупность частных лиц, групп, классов и т.д., реализующих свои особенные интересы. Оно требует и одновременно обеспечивает условия для существования государства, которое представляет общую волю граждан. Понимаемое таким образом гражданское общество – результат длительного и сложного процесса исторической трансформации, соединения «частного» с «публичным»².

Согласно Г. Гегелю, многочисленные составляющие гражданского общества подвержены серьёзным конфликтам. Чрезмерное развитие одних элементов гражданского общества может привести к подавлению других, и лишь государство способно обеспечить их необходимый баланс. Примат государства по отношению к гражданскому обществу вызван тем, что оно воплощает «Мировой дух», «Абсолютную идею», а гражданское общество есть лишь «инобытие» Духа-Идеи.

В качестве основополагающих принципов функционирования гражданского общества Г. Гегель называл личную свободу, частную собственность, свободно формирующееся общественное мнение и строго соблюдаемые законы.

Значительный вклад в осмысление проблемы гражданского общества внёс французский политический мыслитель А. де Токвиль. Рассматривая демократию как особое общественное состояние, он подчёркивал необходимость защиты общества от государства.

А. Токвиль не отрицал роли сильных государственных институтов, но высказывался за создание противовесов им, которые препятствовали бы злоупотреблению властью. По его мнению, функцио-

нирование различных ассоциаций, самоорганизация общества позволяют избежать этой опасности, обеспечить демократическое развитие.

К. Маркс и Ф. Энгельс на материалистической основе развили идею Г. Гегеля о разграничении гражданского общества и государства, но, в отличие от него, первоосновой человеческого общежития считали не «Мировой дух» и «Абсолютную идею», а гражданское общество, понимаемое как общество буржуазное, главенствующее над государством и использующее его для обслуживания своих интересов. В жизнедеятельности граждан они видели движущую силу прогресса. Преодоление разрыва между гражданским обществом и государством, согласно марксизму, возможно лишь при коммунизме, когда государство уступит место самоуправлению и свободное развитие каждого индивида станет условием развития всего общества.

Позднее, в 20–30-х гг. XX века, основатель Итальянской коммунистической партии А. Грамши расширил марксистскую трактовку гражданского общества. В его интерпретации государство – это институт политического принуждения, а гражданское общество – сфера культурных и идеологических практик, где формируется общественное мнение, влияющее на государство.

Согласно А. Грамши, взаимоотношения между государством и гражданским обществом зависят от степени зрелости последнего: если оно аморфно и примитивно, государство является его внешней формой. В условиях зрелого и эффективно функционирующего гражданского общества его отношения с государством приобретают сбалансированный характер.

В отличие от классического марксизма В.И. Ленин не пользовался понятиями гражданского

общества и правового государства ни применительно к капитализму, ни применительно к социализму.

В разработке проблематики гражданского общества после Второй мировой войны особое внимание уделялось осмыслению гражданских (личных) прав в связи с формированием социального государства. Гражданство наполнялось социальным содержанием, превращаясь в юридически закреплённое право гражданина на получение услуг от государства. Другим источником возрождения интереса к гражданскому обществу стали диссидентские движения в тоталитарных государствах, вызванные нарушением демократических прав и свобод.

В советской исследовательской литературе проблема гражданского общества длительное время была «персоной нон грата». Уже в конце 20-х годов практически все горизонтальные и несанкционированные сверху объединения граждан были ликвидированы или запрещены во имя так называемого морально-политического единства.

Понятие «гражданское общество» начало разрабатываться в публикациях 60-х годов в связи с появлением в условиях хрущёвской оттепели ростков гражданского общества. Но с наступлением брежневской эры разработка проблематики гражданского общества прекратилась и возобновилась лишь в период перестройки.

В научной литературе последних лет всё чаще обращается внимание на угрозы формирующемуся гражданскому обществу посткоммунистических государств со стороны «негражданских» элементов – мафиозных структур, криминальных групп, националистических и шовинистических ассоциаций, радикальных экстремистских организаций, религиозных фанатиков. В этой связи делается вывод: развитие институтов

² См.: Гегель Г. Сочинения. – М., 1935, Т. 8. – С. 24.

гражданского общества в условиях модернизации даёт основания для пересмотра излишне оптимистических представлений о них как своеобразной школе демократического воспитания масс и некоем универсальном инструменте приобщения граждан к демократической практике общественной жизни³.

Гражданское общество в его современном понимании – это совокупность самостоятельных, относительно независимых от государства институтов и отношений, основанных на свободе личности, политическом плюрализме и демократическом правопорядке. Интересы и потребности граждан реализуются через такие институты гражданского общества, как партии, социальные движения, профессиональные и творческие объединения, территориальные и национальные сообщества, семью, церковь и прочие.

В гражданском обществе – в отличие от государственных структур – преобладают не вертикальные отношения подчинённости, а горизонтальные отношения солидарности и конкуренции свободных и равноправных партнёров. Экономической базой гражданского общества являются рыночные отношения, самостоятельность субъектов хозяйствования. Социальную основу гражданского общества составляет многообразие групп и слоёв при преобладании среднего класса, который включает наиболее активную часть населения. Для духовной сферы гражданского общества характерны идеологический плюрализм, свобода слова. Нравственную основу гражданского общества составляют общечеловеческие принципы гуманизма и справедливости, равенства и свободы личности.

Возникновение гражданского общества, видимо, следует отнести к концу XVIII – началу XIX вв.,

когда в странах Запада в ходе революций появлялись политические клубы, общественные организации и движения, а каждому человеку законом было гарантировано право на участие в общественной и политической жизни.

В современных Соединенных Штатах Америки гражданское общество представляет собой всеохватывающую сеть добровольных ассоциаций граждан, лоббистских и иных групп, благотворительных фондов, клубов по интересам, потребительских, спортивных и религиозных организаций. Все они отражают самые различные социальные интересы в производственной, политической и духовной жизни.

Эта сеть групп и организаций граждан функционирует постоянно, объединяет их для решения самых различных проблем. В результате классовые, расовые и религиозные конфликты деполитизируются, переводятся в сферу деятельности демократических институтов.

Гражданское общество не может быть привнесено извне или заимствовано. Оно будет жизнеспособно, если сформируется на национальной социокультурной почве, по мере экономического и политического развития общества, роста его благосостояния и самосознания, способности к самоорганизации. Справедливо утверждение немецкого философа Р. Дарендорфа: «Гражданские общества не возникают за одну ночь, ни за тот срок, в течение которого можно составить демократическую конституцию или даже заложить основы рыночной экономики»⁴.

Мировой опыт показывает, что гражданское общество не свободно от серьёзных противоречий и, прежде всего, от проявлений группового эгоизма, попыток выдать групповой интерес за всеобщий.

Возрастает опасность появления экстремистских организаций, ущемляющих права и свободы как своих членов, так и других граждан (например, религиозных сект). Поэтому для полноценного развития и функционирования гражданского общества нуждается в государстве, олицетворяющем публичный интерес.

Существенным фактором взаимодействия государства и гражданского общества являются политические партии, которые одновременно принадлежат и к государству и к гражданскому обществу. Они выражают наиболее общие интересы различных групп населения и вместе с тем оказывают значительное влияние на формирование органов власти, на процесс принятия политических решений.

С учётом вышеизложенного, специфический характер имеет власть в гражданском обществе. Во-первых, она выражает волю самих индивидов в форме непосредственной демократии, воплощённой в системе многочисленных объединений, организаций и ассоциаций, действующих в различных сферах общественной жизни. Во-вторых, поскольку механизм распределения власти в гражданском обществе и контроль за её осуществлением основываются на личной и общественной инициативе индивидов, на их поддержке и доверии, постольку сама по себе эта власть не нуждается в публичных и материально-технических атрибутах, свойственных политическому обществу. В-третьих, она не выделяется из гражданского общества, а имманентно присуща ему, являясь неотъемлемым компонентом. В-четвёртых, власть в гражданском обществе выступает не как власть силы, а как власть авторитета, подкреплённого общечеловеческими принципами.

³ См.: Карпова Н.В. Политическая культура в процессе становления гражданского общества // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. – 2006. №1; Кальной И.И. Гражданское общество: истоки и современность. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2006; Состоялось ли гражданское общество в России («круглый стол») // Социс. – 2007. №1; Кучерена А.Г. Гражданское общество в России. Проблемы становления и развития. – М.: Юнити-Дана, 2009.

⁴ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерк политической свободы / Пер. с нем. – М., 2002. – С. 64.

И, в-пятых, основное назначение функций власти в гражданском обществе состоит в том, чтобы защитить социальные права и интересы индивидов, создать необходимые условия для самореализации личности.

В процессе глобализации формируется и расширяет влияние сеть межстрановых общественных организаций, воздействующих на структуры власти не только изнутри, но и извне (прежде всего экологи, правозащитники). Деятельность этих организаций, по существу, открывает перспективу становления гражданского общества в масштабах планеты. Они могут стать атрибутом демократического глобального управления, формируя интернациональное публичное пространство, сознание общности человечества⁵.

В то время как в большинстве стран Запада формировалось гражданское общество и правовое государство, в странах, ставивших целью построение социализма, ликвидировались все существовавшие до того времени элементы гражданского общества.

В России реформы 60-х годов XIX века и революция 1905–1907 гг. способствовали созданию предпосылок для становления гражданского общества. В начале XX века в стране уже существовала относительно развитая промышленная цивилизация, складывались разнообразные формы гражданского общества. Таковыми были земства, союзы предпринимателей и кооператоров, купеческие гильдии, политические партии, профсоюзные организации, культурные общества, широко разветвлённая печать, различные комитеты в поддержку славянских народов.

К числу институтов формировавшегося гражданского общества могут быть отнесены и Советы как рабочих и крестьянских депутатов, так и национальных меньшинств. В районах, населённых мусуль-

манами, помимо Советов разных уровней, возникали Советы мусульманских депутатов, Советы трудящихся мусульман.

Вместе с тем независимая от государства активность была недостаточно закреплена институционально и слабо укоренена в сознании людей, чтобы противостоять установлению этатизма. Советы, созданные по инициативе самого населения, с победой Октябрьской революции были постепенно интегрированы в институты власти.

Реализация большевистской модели модернизации России сопровождалась ликвидацией социальной основы гражданского общества – раскрестьяниванием, деклассированием рабочего класса и уничтожением интеллигенции. В процессе маргинализации общества разрывались социальные связи между людьми, разрушались их социально-экономические интересы и устремления.

Функции гражданского общества взяли на себя партийная структура ВКП(б)–КПСС и подчинённые ей огосударствленные профсоюзы, кооперативы, творческие объединения. Горизонтальные товарно-денежные связи уступили место вертикальным перераспределительным, лишавшим индивидов экономических стимулов.

В этих условиях нерегламентированная государством гражданская активность подавлялась властью, полностью подчинившей себе государство. Замена социально-гражданских отношений вертикальными структурами господства и подчинения неминуемо вела общественную систему к стагнации, а затем и в исторический тупик.

Хотя политика режима и включала становление гражданского общества, перемены 1953–1956 гг. привели к появлению первых его ячеек, ещё не осознававших себя в таком качестве. Принципиальной особенностью формирования элементов гражданского об-

щества в СССР до 1985 г. являлось отсутствие у них экономической основы. Экономика, за исключением «теневого», находилась под контролем государства. Поэтому процесс формирования гражданского общества носил исключительно идейный и культурный характер, развивался спонтанно.

Непрочные, а порой и трудноуловимые горизонтальные связи складывались вокруг некоторых научных центров, «толстых» журналов («Новый мир», «Октябрь» и др.). В обществе, где шла переоценка ценностей, «свои» читатели умели читать «между строк».

В СССР было много организаций, имитировавших общественную активность, а на самом деле созданных властью и благодаря ей функционировавших (например, различные творческие союзы – писателей, художников, композиторов; народные дружины; домовые комитеты; товарищеские суды и т.п.). Вместе с тем действовали и организации, которые возникли по воле народа и выражали потребность различных групп в самореализации – студенческие строительные отряды, правозащитные организации, клубы авторской песни, молодёжные кооперативы и др.

В период перестройки граждане, поверив в свои силы и общечеловеческие ценности, дружно пошли во власть. Появились массовые организации, объединившие прогрессивно мыслящую часть общества в её стремлении осуществить назревшие перемены. Таковыми были демократическая платформа в КПСС, народные фронты.

Результаты реформ, поляризовавших общество по имущественному признаку, охладили энтузиазм многих граждан. Сейчас уровень гражданской активности намного ниже, чем на рубеже 80–90-х гг. Функционирующие партийные структуры, молодёжные организации типа «Наших» и «Мо-

⁵ См.: Мартинелли А. От мировой системы к мировому обществу? // Социс. – 2009. № 1.

лодой гвардии», Общественная палата и т.п. являются результатом скорее социальной инженерии, а не самоорганизации граждан, что делает их перспективы весьма неопределёнными.

В современной России получили некоторое распространение проблемно-ориентированные структуры гражданского общества (организации потребителей, экологов, правозащитников, солдатских матерей и т.д.). Не развиты институты, которые действительно способны оказывать непосредственное влияние на формирование органов власти, на процесс принятия политических решений, – партии, массовые социальные движения, независимые СМИ.

Серьёзными препятствиями для формирования гражданского общества в нашей стране будут следующие факторы:

1) сложившаяся в стране корпоративно-бюрократическая государственность;

2) массовидность патерналистского сознания, ориентированного на институты власти и, прежде всего, государство;

3) дефицит нравственности у власти и общества;

4) преобладание подданнического типа политической культуры, ограничивающего способность граждан к самоорганизации;

5) психология социального иждивенчества широких слоёв населения и их страх перед конкуренцией;

6) полиэтничность населения и связанные с ней различия народов в менталитете и уровнях экономического развития, многообразие культур, религий, обычаев, традиций и т.д.;

7) наличие огромных территорий, не позволяющих в полной мере

обеспечить функционирование местного самоуправления и налаживание горизонтальных связей между общественными структурами.

Формирование гражданского общества станет возможным в первую очередь благодаря учёту особенностей страны, традиций и менталитета населения. Вместе с тем оно потребует осмыслённого использования опыта высокоразвитых государств.

Становление в России массовых, независимых от власти структур гражданского общества будет процессом длительным, с возможными зигзагами и попятными движениями. Тем не менее, именно оно является единственным путём демократизации страны. Эффективность российской модернизации во многом будет определяться мерой и глубиной укоренения основ гражданского общества.

О.П. ПУЗАНОВ, кандидат философских наук, НОИР
O. Puzanov, candidate of philosophical Sciences, NOIR

«Забытая» Европой геополитика фашизма «Forgotten» Europe geopolitics of fascism

Аннотация: В статье дан обзор некоторых геополитических планов фашистской Германии в отношении жителей Польши и Прибалтийских республик. Планы не были осуществлены благодаря победе Советского Союза, но в ряде стран об этом решили «забыть».

Abstract: This paper reviews some of the geopolitical plans of Nazi Germany against the inhabitants of Poland and the Baltic republics. The plans have not been implemented due to the victory of the Soviet Union, but in some countries this decided to «forget».

Ключевые слова: фашизм, Великая Отечественная война, геноцид, военные потери, потери гражданского населения, идеология фашизма, концентрация власти, Нюрнбергский процесс, победа над фашизмом.

Keywords: fascism, Great Patriotic War, genocide, war casualties, civilian casualties, the ideology of fascism, the concentration of power, the Nuremberg trials, victory over fascism.

Кого и от чего спасал советский солдат? Ответить на этот вопрос не сложно, достаточно обратиться к некоторым откровениям гитлеровских главней.

«Славяне должны работать на нас. Если мы не нуждаемся в них, то они могут умереть. Система здравоохранения не нужна. Рождения славян нежелательны. Они должны использовать контрацепцию и практиковать аборт, и чем больше, тем лучше. Образование опасно. Что касается пищи, то они не должны получать больше, чем необходимо».

Так писал секретарь нацистской партии Мартин Борман.

«Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе».

Так разъясняли фашистские идеологи генеральный план гитлеровского руководства под названием «Ост». Этот план предусматривал после победы германской армии расчленение СССР, насильственную депортацию за Урал 50 млн. человек, геноцид, разрушение культурных центров, превращение европейской части страны в жиз-

ненное пространство для немецких колонистов.

«Из числа прибалтийского населения на месте их проживания могут быть оставлены и онемечены свыше 50 процентов эстонцев, до 50 процентов латышей и до 15 процентов литовцев. Остальные поляков, должны быть выселены в «определённый район Сибири».

Так видел будущее народов Прибалтики оберфюрер СС Конрад Майер.

Гитлеровское военно-политическое руководство не ограничивалось античеловеческими замыслами, оно спешило их осуществить. Нацисты разрушили в нашей стране 1710 городов и посёлков, более 70 тыс. деревень, свыше 6 млн. зданий, оставив без крова 25 млн. человек, вывели из строя 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. километров железнодорожных путей. Невосполнимые человеческие потери СССР составили 27 млн., две трети из которых – мирное население. В фашистскую неволю в качестве рабов было угнано около 3,5 млн. граждан. Сотни тысяч искалеченных людей продолжали умирать и после войны.

Война и Победа в ней потребовали от нашего народа небывалых жертв. Но именно поэтому окончание Великой Отечественной войны – День Победы стал в народном сознании не просто самым светлым и радостным праздником, но и символом торжества национально-патриотического духа.

Об этих широко известных, простых, очевидных фактах и исторических свидетельствах необходимо вновь и вновь напоминать нашим соотечественникам, особенно молодому, для которых война и Победа их дедов и прадедов уже стала событием почти таким же далёким во времени, как Полтавская битва или оборона Порт-Артура. Многие нынешние школьники уже не ориентируются в военных событиях 1941–1945 годов, и по свидетельству социологов, могут, не моргнув глазом, заявить, что... «Гитлера победил Чапаев».

Великая Отечественная война, Победа над фашистской Германией имеют множество измерений: геополитическое, экономическое, военно-техническое, социальное, национально-этническое и так далее. Есть в ней и духовно-нравственная составляющая. И в этом отношении эта война ещё не

закончилась. Она продолжается уже в сознании людей, превращается из далёкой в близкую и вновь превращается в Великую и Отечественную.

Праздник нашей Великой Победы для тех, кто в бывших союзных советских республиках сносит памятники павшим в борьбе с фашизмом воинам, организует марши легионеров «Ваффен-СС», присваивает звания героев капитанам Вермахта – это траурный день. Потому, что это была Победа над ними.

Стремление размыть и принизить положительный образ Победы в Великой Отечественной войне исходило и исходит, к сожалению, не только с территорий бывших республик СССР. В 1994 году во время торжественной церемонии вывода последних воинских частей из объединённой Германии Борис Ельцин «в порядке экспромта» заявил, что в войне России с Германией не было... ни победителей, ни побеждённых.

Подобное высказывание первого Президента Российской Федерации ещё можно как-то списать на сентиментально-лирический ляп, отступление от протокольной речи, не носящее характер продуманной позиции. Куда более радикальную и жёсткую оценку войны и её последствий дают некоторые историки и писатели. Из многочисленного потока так называемых «объективных оценок» приведём только два образчика.

– Эта война не была освободительной. На смену фашистским порядкам в страны Восточной Европы пришёл советский тоталитарный режим. Красная Армия не освобождала другие страны, а оккупировала их. Да и вообще нападение Гитлера на Советский Союз носило превентивный оборонительный характер.

Так оценивает нашу Победу бывший советский разведчик, перебежавший на Запад, В.Б. Резун, книги которого под псевдонимом Суворов широко тиражировались в 90-е годы.

– Эта война не была ни отечественной, ни справедливой. Она стала схваткой двух тиранов – Гитлера и Сталина, которые соперничали в концентрации власти. И это противостояние выиграл самый жестокий из них – Иосиф Сталин.

Так считает активный участник либерально-демократической оппозиции в СССР и России Юрий Афанасьев.

По поводу несостоятельности отрицания освободительного характера войны СССР с немецким фашизмом имеется немало убедительных аргументов не только отечественных, но и западных историков и писателей. Напомним, что одним из последствий Победы стало утверждение странами-победительницами (Советским Союзом, Великобританией и Соединёнными Штатами Америки) такого мирового порядка, который привёл не только к появлению социалистического содружества, но и создал идеальные условия для развития либеральной демократии в странах Западной Европы, а также на целых полвека обеспечил существование человечества без масштабных войн. Вступив на территорию Европы, Красная Армия не уничтожала национально-территориальное самоопределение народов, как это делали гитлеровцы. К примеру, некоторые государства вернули свои этнические территории: Литва – Виленский край, Польша – треть своей территории: Силезию, Вроцлав, который был Бреслау, Гданьск, который был Данцингом.

Утверждение же Резуна-Суворова об «оборонительном характере» войны Германии против СССР не оригинально. Им пытались прикрыть свои преступления на Нюрнбергском процессе главари фашистского рейха. Эта версия не получила ни одного подтверждения в ходе судебного расследования. Главный обвинитель от США Р. Джексон заявил: «Из тысяч страниц материалов следует, что главное из преступлений всей группы нацистских преступников – напа-

дение на мир во всём мире – было преднамеренно запланировано... Ни в одном из документов, которые раскрывают планирование и детализацию планов этих нападений, не было и не может быть ни одного предложения, которое указывало бы на действительное опасение по поводу нападения извне».

Обратимся к оценке войны Юрием Афанасьевым. Невозможно отрицать того, что и Германия, и Советский Союз в тридцатые-сороковые годы были тоталитарными державами и возглавлялись двумя тиранами – Гитлером и Сталиным. Но вспомним, на каких морально-психологических основаниях Гитлером была построена концентрация власти и вооружённая борьба против СССР и его союзников? На идеях расового превосходства арийской расы, культе сверхчеловека, белокурой бестии. «Солдаты, я освобождаю вас от химеры, которая называется совестью» – напутствовал Адольф Гитлер своих солдат. Он хотел видеть в глазах своей молодежи «блеск дикого зверя». Нормы нравственности сверхчеловек должен был соблюдать только в среде себе подобных. За её пределами на территориях расово неполноценных народов он получал абсолютную свободу от всяких моральных обязательств. На беду «расово неполноценных» многие носители подобных ценностей были умелыми и бесстрашными солдатами – «женщинами смерти», готовыми отдать жизнь за своего фюрера.

Виновный во многих преступлениях против своего народа Сталин, при всех своих злодейских наклонностях, не имел в своём активе подобных идей. Для достижения Победы не подходил и классический марксистский классовый подход, согласно которому «у пролетариата нет отечества». Возникла необходимость привлечь духовно-нравственный потенциал – патристическое сознание народа и даже его религиозные идеалы. Возможно, Сталин поступал так только из прагматических соображений. Но

фактом остается его апелляция к подвигам и историческим победам русского народа. Учреждаются ордена имени русских полководцев и флотоводцев Александра Невского, Михаила Кутузова, Федора Ушакова, украинского гетмана Богдана Хмельницкого. В разгар войны в 1943 году восстанавливается Патриаршество Русской Православной церкви.

Что же касается самих народов Советского Союза и его основной русско-славянской части, то в его распоряжении, кроме сталинской, не было никакой другой

государственно-политической системы. Под её руководством гражданам нашей страны и довелось вести свою справедливую, отечественную, освободительную войну против фашистских оккупантов. С 22 июня 1941 года до 9 мая 1945 года интересы большинства советского народа совпали с интересами политического и военного руководства страны

Это было не просто вооружённое противостояние, «соревнование» в воинском искусстве, не только конкуренция в мобилизации экономических ресурсов. Это было

противоборство двух противоположных систем ценностей, в котором победу одержали высочайшая нравственность, духовность и патриотизм наших соотечественников. Именно в этом и заключается главный смысл Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Победы уже далёкой от нас по времени, но близкой и родной по своему смыслу и духу. Победы, которую понять до конца с помощью разума невозможно, которую просто нужно принимать с помощью нравственного чувства, попросту говоря – сердцем.

С.А. СИДОРОВ, доктор философских наук, профессор

А.Т. ГАЛЛЯМОВ, аспирант РГПУ им. А.И. Герцена

S. Sidorov, doctor of philosophical Sciences, professor

A. Gallyamov, post-graduate student RSPU. AI. Herzen

Соотношение принципов законности и справедливости: из истории вопроса

The ratio of the principles of law and justice: of the history of the problem

Аннотация: Исследуя соотношение принципов законности и справедливости, авторы приходят к выводу, что законность и справедливость как социальные регуляторы имеют общее содержание: нормативность, воздействие на общественные отношения единым масштабом, мерой, правилами поведения. Именно эта их общность и объединяет все нормативные регуляторы в систему, позволяет осуществить их комплексное изучение и усовершенствование. В то же время единство законности и справедливости в системе нормативного регулирования общественных отношений позволяет сделать принципы справедливости осуществимыми в реальных условиях.

Abstract: The ratio of the principles of law and justice, the authors conclude, law and justice as social controls have a total content: Regulatory impact on social relations same scale, measure, rules of conduct. It is this commonality and unifies them all regulatory controls in the system allows them to complete the study and improvement. At the same time the unity of law and justice in regulatory systems of social relations leads to the principles of justice feasible in the real world.

Ключевые слова: право, справедливость, общечеловеческие требования, государство, общественные отношения, социальные нормы, нравственные идеалы, нормативные регуляторы.

Keywords: law, justice, universal human requirements, government, public relations, social norms, moral ideals, regulatory controls.

Одним из наиболее важных выводов истории правовых и политических учений, от Платона до Ролза, можно считать признание того, что справедливость и несправедливость, с одной стороны, оказывают влияние на право, а с другой – нуждаются на каждом определённом этапе исторического развития в большей или меньшей, но необходимой опоре на соответствующее право. Как один из важных регуляторов поведения человека, эти категории служат мерой прав, благ личности или социальной группы, основой требований и оценок с точки зрения определённого класса или общества. В их содержании закре-

пились и важнейшие общечеловеческие требования.¹ Право в жизни общества, будучи государственно санкционированным, должно, так или иначе (а часто формально), поддерживать правовыми нормами простые, элементарные требования справедливости.

Для установления правильного отношения между справедливостью и законностью следует, прежде всего, учитывать их значение как социальных регуляторов гармоничного отношения личности и общества. Именно такой характер понимания как справедливости, так и законности установился в классическом правоведении ещё со времён Платона и его диалога

«Государство». Ни у кого не вызовет сомнения тот факт, что деятельность людей, отношения, возникающие между ними, поведение каждого члена общества и действия отдельных социальных групп требуют регулятивного воздействия, установления общих правил. Цивилизация выработала множество различных правил и норм, обеспечивающих жизнедеятельность общества. Вся совокупность норм, осуществляющих регулирование поведения и деятельности, составляет систему нормативного регулирования общественных отношений.

На ранней стадии развития общества социальные нормы вы-

¹ См.: Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2002.

рабатывались многократным повторением однообразных поступков людей. Конкретные действия людей осознавались как наиболее целесообразные, становились привычными, приобретали общественное санкционирование и обязательный характер. Так, ещё в первобытнообщинном строе существовали правила пользования имуществом, позднее возникли правила торгового обмена. Некоторые из таких правил вследствие положительного санкционирования государством закреплялись в законах, т.е. превращались в правовые нормы, другие служили основой религиозным нормам, нормам этики и т.п.

Социальные нормы складываются также в результате установления новых правил поведения. В развитом обществе, в рамках которого функционирует сложная система общественных отношений, путь установления государством, различными группами и объединениями таковых правил является преобладающим.²

Система социального регулирования складывается в конкретно-исторических рамках, она изменяется и совершенствуется вместе с развитием общества. От страха перед стихийными силами окружающей живой природы человек пришёл к безотказному подчинению действий обычаев и запретов, осознал жизненно необходимое соблюдение определённых правил. Табу по существу выступало единственным механизмом регулирования. В дальнейшем дифференциация классовой структуры общества обуславливает насыщенные социальные нормы специфичным содержанием и сущностью, определяет их форму и направленность.

Социальные нормы рассчитаны на то, чтобы направлять поведение людей в заранее фиксированных случаях в рамки определённых от-

ношений. В этом проявляется их неперсонифицированность. Как инструмент общественного регулирования они выступают внешним регулятором и имеют предписывающий характер. Эти свойства социальных норм раскрывают их социальное назначение. Именно в данном контексте и может быть поставлен вопрос о характере взаимовлияния справедливости и законности.

Ещё в XIX в. выдающийся русский правовед В.Г. Щеглов отмечал взаимосвязь справедливости и права, раскрывающуюся в контексте социальных отношений: «Вся задача права в обществе, осуществляемая в нём государством, сводится к тому, что все общественные отношения регулируются правом на основании начала справедливости как принципа равной свободы для всех граждан общества, в котором выражается идея альтруизма как общего базиса личной и общественной жизни человека. Деятельность государства в юридической жизни общества на начале справедливости вносит во все общественные отношения тот же альтруистический, нравственный идеал, который должен проявляться и в личной жизни каждого. Так личная и общественная жизнь сближаются и взаимно проникаются одним и тем же альтруистическим характером, который сообщает всей деятельности общества и государства нравственное единство, целостность и гармоничность как условия наилучшего достижения нравственных идеалов человека»³.

Отметим, что в истории нравственное понятие справедливости оказывало влияние прежде всего на те законы и правовые нормы, которые были направлены на охрану элементарных прав и свобод личности, на обеспечение равенства всех перед законом. Именно в них нравственное понятие справедли-

вости становится действительным фактом права, т.е. реализуется в праве. И несомненно, что коренные этические принципы – справедливость и несправедливость – и право оказывают взаимное влияние друг на друга, как регуляторы поведения людей в обществе.

Конечно, это взаимовлияние различно по степени, по формам, но в целом можно признать, что соблюдение установленных правовых норм тем успешнее в обществе, чем выше убеждение всех (или большинства) членов общества в справедливости господствующих в нём принципов законности и правопорядка.

Следовательно, законность и правопорядок, в свою очередь, нуждаются в опоре на принципы справедливости, как на своё моральное обоснование и подкрепление. Этот вывод подтверждается ещё и тем важным обстоятельством, что, с одной стороны, нравственные понятия справедливости и несправедливости должны лежать в основе правильной меры наказания и воздаяния, выступая в качестве одного из важнейших критериев правомерности правовых норм, а с другой стороны, правосудие, правовое регулирование лишь тогда справедливы, когда соответствуют объективной истине. Таким образом, взаимное влияние справедливости и законности друг на друга отнюдь не даёт оснований считать справедливость и несправедливость преимущественно правовыми категориями. Они не перестают из-за этого оставаться важнейшими категориями этики.

Далее, по своей форме и по роли, значению в развитии общества законность и справедливость также существенно различаются. Установление режима законности всегда неотделимо от государства и по форме выступает в виде свода писаных законов данной государственной власти, охраняемых её

² Власова М.В. Право собственности и социальная справедливость: теоретико-историческое исследование. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

³ Щеглов В.Г. Нравственность и право в их взаимных отношениях. – Ярославль, 1888. – С. 67–68.

аппаратом, тогда как справедливость и несправедливость в качестве важных этических категорий по форме выступают в виде норм поведения, оценки, принципов, нигде не зафиксированных и охраняемых общественным мнением.

Право влияет на поступки людей путём прямого или косвенного внешнего принуждения. Закон, часто выступая или как гарантия против несправедливостей, или как средство, восстанавливающее справедливость, не всегда при этом способствует нравственному совершенствованию личности. А принцип справедливости, как и другие категории нравственности, всегда действует как внутреннее убеждение, т.е. влияет на поведение людей посредством морального воздействия. Строгое следование этому принципу всегда способствует нравственному совершенству личности.

Справедливость и несправедливость никогда не укладываются в рамки закона, они охватывают такие человеческие взаимоотношения, которые далеко не всегда находят своё отражение в праве. Например, ложь, клевета, злословие, необоснованное оскорбление в частных разговорах – всё это несправедливость, требующая решительного нравственного осуждения. Но юридический закон зачастую остаётся к этому равнодушным.

Противоречие между справедливостью и законностью нередко возникает и тогда, когда закон, будучи по своей природе справедливым, реализуется формально, без всестороннего учёта обстоятельств, жизненной ситуации, особенностей личности. В этих случаях справедливый закон может выступать в глазах людей как несправедливость. Справедливость требует также, чтобы факты, к которым применяется норма права, устанавливались в строгом соответствии с действительностью,

чтобы к ним применялась именно та норма, которая их предусматривает.

Как свидетельствует история права, справедливость в сфере правового регулирования и особенно в правореализационных процессах созвучна законности, правильному и юридически обоснованному внедрению правовых предписаний в жизнь. Законность выступает здесь официальным показателем совпадения нравственной и правовой оценок в акте реализации права. Вместе с тем нетрудно заметить (а анализ юридической практики ещё более подтверждает эту мысль), что законность правоприменительных актов автоматически не вызывает их соответствие человеческим представлениям о справедливости. Нередки случаи вынесения юридически обоснованных, законных судебных и иных индивидуальных решений, которые с точки зрения общественного мнения и самих правоприменителей не отвечают требованиям нравственности и морали. А это находит своё выражение в таких показателях, как стабильность юридической практики, единство понимания и применения правовых норм, контрольно-надзорная деятельность правоохранительных органов и т.д.⁴

Всё это позволяет заметить, что законность – основной, ведущий, но не единственный элемент содержания юридической справедливости. И если попытаться представить этот элементный состав, то он будет выглядеть как законность плюс то, что придаёт нравственную обоснованность правовому решению. Разумеется, такой чисто количественный подход едва ли всегда уместен и точен при анализе юридической справедливости, содержание которой намного сложнее и не во всех случаях способно укладываться в рамки предлагаемой логической формулы. Но важно учитывать, что справедливость

в сфере права не может замыкаться на законности, ограничиваться формально правильным как в целом, так и применительно к конкретным юридическим делам. Очевидно, то «нечто», что придаёт справедливый характер законному правоприменительному решению, раскрывается в виде нравственно правильной, обоснованной квалификации общественного отношения. Следовательно, юристу необходимо помнить, что в процессе правоприменения осуществляется двусторонняя нормативная квалификация общественных отношений – юридическая и нравственная. И только совпадение правовой и нравственной оценок в правоприменительном решении сообщает последнему качество юридической справедливости.

Подводя некоторые итоги, и в целом характеризуя нормативную систему, действующую в обществе, следует отметить, что законность и справедливость как социальные регуляторы имеют общее содержание. Это их нормативность, их воздействие на общественные отношения единым масштабом, мерой, правилами поведения. Именно эта их общность и объединяет все нормативные регуляторы в систему, позволяет осуществить их комплексное изучение и усовершенствование. Действенность этих регуляторов является следствием общих принципов нравственности, их своего рода воплощением. И в то же время единство законности и справедливости в системе нормативного регулирования общественных отношений позволяет сделать принципы справедливости осуществимыми в реальных условиях.

Вместе с тем каждый вид социального нормативного регулятора обладает спецификой. Эти регуляторы различны по своей структуре, формам действия, способам обеспечения, сферам применения, иерархичности и приоритетности.

⁴ См.: Вязов А.А. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

Нормативная система в обществе – это действительно целостная система, так как, кроме определённых элементов, составляющих её, она ещё имеет чёткие связи между ними, а эти связи в свою очередь имеют соответствующие характеристики. Характер этих связей проявляется с наибольшей полнотой в действии нормативной системы. При этом вся система нормативных регуляторов выполняет вполне определённые, необходимые обществу функции. Она всегда обладает функциональной целесообразностью. И, прежде все-

го, рассматривается как средство регуляции поведения личности, средство влияния на сознание человека. С помощью социальных норм общество формирует, оценивает, поддерживает, защищает необходимый, обеспечивающий его существование и развитие тип общения, поведения и сознания личности.

Развивая и совершенствуя систему социального регулирования, можно оказывать положительное влияние на общественные процессы, поддерживать общественное согласие, атмосферу социальной

справедливости и прочного общественного порядка.

Глубокое изучение и обстоятельный анализ возникающих противоречий между отдельными социальными нормами имеют не только теоретическое, но и большое практическое значение для дальнейшего совершенствования законодательства. Своевременное раскрытие противоречий позволяет выбрать научно обоснованные рекомендации изменения законов, что является одной из важнейших задач юридической науки.

В.Н. МАНГАСАРЯН, кандидат философских наук,
доцент Академического физико-технологического университета РАН, г. Санкт-Петербург
V Mangasaryan, candidate of philosophical Sciences,
associate Professor Academic physics and technology University of RAS, St-Petersburg

Людвиг Фейербах: у истоков поиска ответов для разрешения современных экологических проблем Ludwig Feuerbach: at the beginnings of the search for answers to resolve contemporary environmental problems

***Аннотация:** Глубоко изучив историю вопроса, автор делает вывод, что многие современные исследователи ставят, и по существу, и по форме, те же проблемы, которые Л. Фейербах сформулировал более полутора столетия назад. Причём у многих авторов собственные идеи представлены как оригинальные, прежде никогда не обсуждаемые. И хотя в предлагаемых ими способах осмысления сложившейся ситуации можно обнаружить достаточно много интересных и в то же время противоречивых суждений, одно несомненно – обращение к творчеству Л. Фейербаха было бы для многих современных авторов не бесполезным занятием.*

***Abstract:** We examine in depth the history of the issue, the author concludes that many modern researchers put, and in essence and in form, the same problems that Feuerbach formulated more than half a century ago. And many authors own ideas presented as original, never before discussed. Although they offer a way of thinking of the situation can be found a lot of interesting and at the same time contradictory judgments, one thing is certain – an appeal to the creativity Feuerbach would be for many modern writers do not futile.*

***Ключевые слова:** экологические проблемы, природа, религия, монотеизм, экологический кризис, экологические отношения человека, экологическая философия, экологическая этика.*

***Keywords:** environmental issues, nature, religion, monotheism, ecological crisis, ecological relationships of human, environmental philosophy, environmental ethics.*

Обращение к Л. Фейербаху в поисках ответа на злободневные вопросы начала двадцать первого столетия на первый взгляд может показаться простой данью памяти выдающегося философа. Однако, перечитывая работы Л. Фейербаха, я с удивлением обнаружил в них формулировки, часто мелькающие в трудах современных исследователей в области философии природы, экологической философии и экологической этики.

В проекте философии будущего Л. Фейербах уделил огромное внимание природе и человеку. «Новая философия, – писал он, – превращает человека, включая

и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии...» [2, с. 202]. Значение природы в жизни человека, отмечал Фейербах, исключительно велико. Природа есть причина, основа, источник существования человека. Природе человек обязан своим происхождением и своим существованием. Человек – часть природы и может существовать только в природе и благодаря природе. Это значение природы для человека и было причиной того, что она стала первым предметом религии, первым богом человека.

Старейшая религия людей – это религия, обожествляющая

природу, «естественная» религия, язычество. Для первобытного человека только природа была предметом религиозного поклонения. Первобытная религия выражает ощущение человеком своего единства с природой, своей зависимости от природы. Человек, поскольку он существует всегда в определённых условиях, находится в зависимости не от природы вообще, а от определённой природы, от природы его страны, его родины. Первобытный человек, поэтому, делает объектом своей религии окружающую его конкретную природу. Первобытные люди почитают в своей религии те естественные условия

и явления, от которых зависит их жизнь. Поэтому не следует удивляться, говорит Фейербах, фактам почитания древними народами своих рек, гор, морей. Египтяне думали, что первопричиной всякой жизни, в том числе и человеческой, является Нил. Древние греки уверяли, что все источники, ключи, реки, озёра и моря берут свои начала в океане. Древние мексиканцы имели даже богиню соли. Таким образом, для древних народов божественное значение имели прежде всего окружающие географические условия и климатическая среда.

В числе богов первобытных и древних народов находятся не только могущественные силы природы, но и многие представители животного мира. Причина культа животных, по мнению Фейербаха, та же самая, что и причина почитания физической природы – чувство зависимости. Дело в том, что животные имеют большое значение в жизни примитивных народов, в особенности народов, занимающихся скотоводством и охотой. Первобытный человек любит и почитает животных, приносящих ему пользу. Охотник ценит и делает объектом религиозного культа животных, пригодных для охоты, земледельца – животных, нужных для земледелия. Фактически каждый из них – охотник или земледельца – обожествляет тем самым свою хозяйственную, экономическую практику.

По Фейербаху, не только животные, но и природа в целом становится объектом религиозного почитания лишь тогда, когда она приобретает для человека культурное значение. Солнце лишь там, отмечает он, является предметом культа, где оно почитается не ради одного только его очаровывающего блеска, но служит важнейшим условием агрикультуры как основы человеческой жизни. «Лишь там, – доказывает Фейербах, – где культурно-

исторический элемент в предмете вступает в поле зрения человека, лишь там и религия <...> составляет характерный исторический момент» [2, с. 542]. Человек, по мнению Фейербаха, обожествляет природу лишь постольку, поскольку он переносит на неё свои собственные свойства и очеловечивает её. Религия изображает не действительное солнце, а бога солнца, не действительное небо, а бога небес, она изображает лишь то, что фантазия привносит от себя в чувственный предмет, что реально не существует.

Христианство – эта наиболее законченная форма «духовной» религии – носит ещё более осложнённый, запутанный, мистический, иллюзорный характер. Несмотря, однако, на это, по словам Фейербаха, и христианский бог в той же мере происходит из недр человека, как и языческий бог. Верный своему антропологическому принципу, Фейербах доказывает, что различие между христианином и язычником коренится в различии их желаний и потребностей. Потребности и желания язычника «ограничены». Эти «ограниченные» потребности создали для него ограниченных политеистических богов. Христианину, рассуждает далее Фейербах, наоборот, присущи «неограниченные» потребности и желания, которые породили неограниченного, супранатуралистического единого бога. Христианское учение о творении, как и предшествующее ему иудейское учение, имеет в своём основании, согласно Л. Фейербаху, принцип эгоизма. Учение о творении возникает только тогда, когда человек смотрит на природу как на практическое средство удовлетворения своей воли и потребностей [3, с. 143]. Л. Фейербах выступает против утилитаристского взгляда на природу, видя в нём суть практического отношения. Эгоизм есть по существу монотеизм,

поскольку сосредоточивает, имеет целью человека только самого себя и тем самым ограничивает его теоретически. Наука, как и искусство, возникает только из политеизма, ибо политеизм есть откровенное, прямодушное понимание всего прекрасного и доброго, понимание мира, вселенной. Практическое отношение запятнано эгоизмом. Эгоист страдает, если не может удовлетворить своих желаний и потребностей. Чтобы избавиться от этого страдания и освободиться от границ действительности, он признаёт истинным, высшим существом существо, создающее вещи одним словом «хочу». Теоретическим выражением этого эгоистического подхода является взгляд на природу как на нечто сотворённое, как на продукт веления. Отсюда вытекает волюнтаристское отношение человека к природе, присущее в первую очередь последователям западной христианской традиции в её активистской интерпретации.

Если указанный способ анализа отношения человека к природе условно обозначить как линию Л. Фейербаха, то её продолжение в разной интерпретации можно обнаружить в работах многих современных исследователей. Причём, по незнанию или сознательно, но сам Л. Фейербах, как один из первых и острых критиков активистской западной христианской традиции, вообще нигде не упоминается, хотя многие формулировки совпадают почти дословно. Наиболее чётко эта линия представлена в вызвавшей множество откликов работе Л. Уайт «Исторические корни нашего экологического кризиса» [4]. Автор утверждает, что экологические отношения человека обусловлены его верованиями относительно своей природы и судьбы, то есть религией. Христианство – в своей западной форме – наиболее антропоцентрическая из всех мировых религий. Исто-

рические корни современного экологического кризиса связаны с доктриной о сотворении мира. До возникновения монотеистической религии, в период языческих верований каждое дерево, каждый ручей и другие явления природы имели своего духа-защитника. Прежде чем срубить дерево или перекрыть речку, важно было расположить в свою пользу того духа, который владел определённой ситуацией, и позаботиться о том, чтобы и впредь не лишиться его милости. Разрушив языческий анимизм, христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов. Духи, жившие в самих естественных объектах и ранее защищавшие природу, были устранены. Была утверждена действенная монополия человека над духовностью в нашем мире, а старые запреты на эксплуатацию природы были разрушены. Как видим, тезис Л. Фейербаха об ответственности западной монотеистической традиции за потребительское отношение к природе получил поддержку в современных исследованиях, посвящённых проблемам взаимодействия природы и человека.

Основные пункты современной критики в адрес монотеистической религиозной традиции сводятся к следующему:

1. Бог трансцендирует природу.
2. Природа представляет собой профанное изделие божественного создателя-демиурга. Природный мир – это оформленная материя; Бог сотворил его, расчленив и упорядочивая мёртвый материал – пустоту, воду, «прах земной», глину.
3. Человек создан по образу и подобию Божьему, и тем самым обособлен от всей остальной природы.
4. Бог предоставил человеку управление природным миром.

5. Бог заповедал человеку размножаться и покорять природу.

6. Вся метафизическая структура иудео-христианской картины мира политизирована и иерархична: Бог – над человеком, человек – над природой, что результируется в онтологической «пирамиде власти» и в распространении моральных норм исключительно сверху вниз.

7. Богоподобие человека является основанием для его внутренней ценности. Поскольку нечеловеческие объекты лишены богоподобия, они считаются морально несовершенными. В лучшем случае за ними признаётся инструментальная ценность.

8. Всё сказанное было закреплено в аристотелевско-томистской телеологии: рациональная жизнь – гарант существования природы, а неразумные вещи существуют лишь в качестве средства для поддержания наделённого разумом человека.

Однако, в отличие от Л. Фейербаха, который доказывал, что религия связана с умственным застоём и духовной косностью, обрекающими человека на пассивность и бездеятельность, поскольку верующий своим действием рискует опровергнуть религиозную теорию предопределения и тем самым изменить то, что бог и так сотворил хорошо и мудро, современные критики оценивают ситуацию иначе. Утверждается, что верования, заложенные ещё в Книге Бытия, а точнее в её активистской западной интерпретации, лежат в основе современной науки и техники. В средние века религиозное исследование природы осуществлялось в целях лучшего понимания Бога, и было известно как натуральная теология. Как полагает Л. Уайт, с XIII века натуральная теология начинает отказываться от расшифровки смыслов природных символов, данных Богом для общения с человеком, и предпринимает попытки понять

премудрость Божию путём выявления того, как устроено и как действует его творение. В качестве подтверждения этой идеи приводится деятельность многих крупных учёных, включая Ньютона и Лейбница, для которых гипотеза о Боге вовсе не была ненужной. Отсюда делается вывод, что иудейско-христианский догмат о творении сформировал настолько действенную веру, что она смогла дать сильный внутренний импульс развитию наук.

Экспансию науки и техники невозможно понять, если оставить без внимания специфику отношения к природе, глубоко укоренённого в христианской догматике. Тот факт, что многие вовсе не считают это отношение христианским, не имеет значения. В нашем обществе не была принята никакая другая система основополагающих ценностей, чтобы заменить ею прежние христианские ценности. Следовательно, утверждает Л. Уайт, мы и дальше будем идти по пути углубления экологического кризиса, пока не отвергнем христианскую догму, согласно которой у природы нет никакого другого предназначения, кроме как служить человеку.

Величайший революционер духа в западной истории св. Франциск выдвинул альтернативный христианский взгляд на природу и на место человека в ней, попытавшись заменить идею безграничного господства человека над тварью другой, а именно – идеей равенства всех тварей, включая и человека. Он потерпел неудачу. Современная наука и техника столь пропитаны ортодоксальным высокомерием в отношении к природе, что не следует ждать разрешения экологического кризиса только от них одних. Корни наших бед столь основательно религиозны, что и средство избавления тоже должно стать религиозным по своей сути, как бы мы его ни называли. Для

любого непредвзятого читателя очевидно существенное сходство этой позиции с формулировками Л. Фейербаха.

Оппоненты такого подхода – в лице Б. Калликотта и других авторов – считают, что намереваясь преодолеть экологический кризис, мы должны: 1) экологически пересмотреть сами метафизические основания нашего мышления и 2) распространить этическую теорию как на все живые существа, так и на природу в целом (ибо предполагаемый пересмотр метафизики покончит с понятием онтологически независимых сущностей). То есть речь идёт о формировании новой экологической этики. Проблемы, в совокупности своей составившие так называемый «экологический кризис», оказываются столь всеобъемлющими, серьёзными, сложными и не поддающимися контролю, что они неминуемо вынуждают философию не просто применять старые этические теории, но коренным образом перестраивать мораль (и питающую её метафизику). Иными словами, экологическая этика начинается с той предпосылки, что традиционная метафизика и обусловленная ею мораль – это скорее источники современных экологических проблем, но никак не средства для их разрешения. Эта наука, таким образом, должна быть более критически и умозрительно ориентирована, нежели другие исторически обусловленные и сконцентрированные на отдельных предметах виды прикладной этики. Нынешняя экологическая ситуация нуждается не столько в практическом экспериментировании, сколько в радикальном пересмотре западных моральных и метафизических парадигм [5].

Новая дисциплина – будь то в философии или же в других науках – неизменно вызывает множество различных и противоречивых мнений по поводу как обоснованности её выделения,

так и определения предмета. Первая проблема разрешилась сама собой: по мере углубления разработок в области экологической этики всё шире становился круг учёных, посвятивших себя этой проблеме. Что же касается вопроса о сущности предмета – что же такое экологическая этика? – то он оказался более сложным. Экологическая этика может быть понята как один из видов прикладной философии. В этом случае она означает применение хорошо изученных и общепризнанных философских категорий к практическим проблемам окружающей среды. С другой стороны, её можно интерпретировать и в качестве научного поиска альтернатив моральным и даже метафизическим принципам – поиска, подталкиваемого остротой и неотложностью упомянутых проблем.

Надо сказать, что проблемы, поднятые ещё в семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия, не перестают волновать исследователей и сегодня. В условиях, когда экологическая проблематика обсуждается на самых разных уровнях и в разных аудиториях, важно не просто перечисление самих этих проблем и их источников, но и поиск таких оснований (социальных, культурных, экономических, моральных, научных и др.), которые позволят найти пути разрешения реальных проблем. Причём угроза глобальной экологической катастрофы, по мнению многих исследователей, в том числе христианских теологов, должна стать не причиной нашего отказа от религиозных традиций, а главным стимулом их обновления [6]. Особое внимание обращается на то, что экологические проблемы носят, по существу, антропологический характер, будучи порождены человеком, а не природой. Поэтому ответы на многие вопросы, поставленные экологическим кризисом, содержатся в челове-

ческой душе, а не в сферах экономики, биологии, технологии или политики. Его духовное состояние играет решающую роль, ибо сказывается на природе как при внешнем воздействии на неё, так и при отсутствии такого воздействия.

Продолжая развивать эту линию рассуждений, П.П. Гайденко обращает внимание на то, что если рационально-диахроническая установка сознания вырастает из заинтересованного отношения к благам «мира сего», необходимы для выживания человека как конечного существа, то религиозная не только утверждает благоговейно-бескорыстное отношение к бытию, но и учит такому отношению, указывая путь к обретению опыта непосредственного переживания бытия.

Отсутствие подобного опыта превращает человека в раба собственной активности, а окружающую его природу – в материал преобразовательной деятельности. Какие бы при этом правильные и красивые слова ни говорились о необходимости беречь природу, о ценности всего живого, это мало что изменит, коль скоро на реальной шкале ценностей обладание жизненными благами значит больше, чем сама жизнь. Только соприкосновение, хотя бы кратковременное, с бытием, научающее радоваться иным радостям, создаёт противовес активизму, приобретающему в противном случае разрушительные формы. Причастность миру бытия открывает человеку возможность, находясь в обычном мире – мире взаимодействий, корректировать своё поведение в соответствии с «бытийной» шкалой ценностей, налагая жёсткие ограничения на характер и масштаб своих действий. Тем самым создаётся предпосылка для такого способа человеческого существования, который не ведёт к экологической катастрофе [7].

Таким образом, мы видим, что многие современные исследователи ставят, и по существу, и по форме, те же проблемы, которые Л. Фейербах сформулировал более полутора столетий назад. Причём у

многих авторов собственные идеи представлены как оригинальные, прежде никогда не обсуждаемые. И хотя в предлагаемых ими способах осмысления сложившейся ситуации можно обнаружить доста-

точно много интересных и в то же время противоречивых суждений, одно несомненно – обращение к творчеству Л. Фейербаха было бы для многих современных авторов не бесполезным занятием.

Литература:

1. Основные положения философии будущего // Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т. 1. – М., 1955.
2. Фейербах Л. Лекции о сущности религии // Там же. Т. 2.
3. Фейербах Л. Сущность христианства // Там же. Т. 2.
4. Уайт Л., мл. Исторические корни нашего экологического кризиса // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 188–202.
5. Калликотт Б. Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика // Там же. С. 308–327.
6. Хот Джон Ф. Христианство и проблемы экологии // Гуманитарный экологический журнал. – 2001. Т. 3. Вып. 2. – С. 78–89.
7. Гайденко П.П. Природа в религиозном мировосприятии // Вопросы философии. – 1995. № 3.